

"Светлая и Темный"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Ольга Гусейнова

Светлая и Темный

Глава 1. Переезд

Каждый переезд — это немножко смерть, честное слово. Переезжая на новое место, всякий раз что-то или кого-то теряешь. Хотя не сразу понимаешь, чего лишился.

Д. Д. Калифорния.

Ярко — красный дракон, раскрыв крылья, парит в голубых небесах. Кажется, я чувствую, как ветер бьет в лицо, а солнечные лучи нежно касаются кожи...

Дотронулась кончиком пальца пожелтевшей страницы старого пыльного фолианта и провела по крыльям дракона, изображенного на картинке. Он был великолепен. Неизвестный иллюстратор очень хорошо отразил мощь и опасность, исходившую от этой зверюги.

С тяжелым вздохом осторожно захлопнула увесистый том и поставила на место. Сидя на ступеньках специальной лесенки, которая для удобства сотрудников перемещалась по рельсам, обвела взглядом ровные ряды полок, на которых разместились тысячи книг. Хотя, работая заведующим сектором в научной библиотеке Энского государственного университета, я точно знала, какое количество экземпляров здесь хранилось.

Бросив последний взгляд на старинные книги из фонда легенд, мифов и сказок народов мира, которыми в основном интересовались студенты и преподаватели с исторического и филологического факультетов, я спустилась вниз. Сняв рабочий халат и поправив темную удобную юбку и белую блузку, с неохотой вернулась в реальный мир.

К сожалению, сейчас мне не до сказок и легенд, сегодня правят серая обыденность и суровая реальность. Мои шаги гулко отдавались в опустевшем хранилище, но я привыкла к этому звуку. К присущей только библиотекам деловой тишине, осторожным шагам и негромким переговорам посетителей, отсутствию суеты и торопливости. Среди книг им не место.

На лифте поднялась на верхний этаж, где еще сновали студенты — вечерники или те, кто судорожно листал страницы, готовясь к экзаменам или зачетам. Вот и я через три дня буду принимать экзамены и зачеты у студентов первого и второго курсов по дисциплинам «Библиотечное дело» и «Документоведение». Оба предмета я вела уже четыре года. Сразу после окончания нашего же университета мне помог получить эти ставки отец — декан исторического факультета. Дошла до своего кабинета, по дороге здороваясь с теми, кто знал меня в лицо. Внутри было пусто, моей начальницы уже не было, она частенько уходила домой пораньше. Я же всегда задерживалась на работе, не торопясь возвращаться в родную квартиру.

Сняла плащ с вешалки в углу и с тяжелым вздохом посмотрела на две большие сумки, поставленные возле окна одна на другую. С сегодняшнего дня мне придется жить самостоятельно, как обычно говорят в подобных случаях, по семейным обстоятельствам или не сошлись характерами. Что же, когда-нибудь это все равно бы произошло, и подсознательно я уже несколько месяцев была готова к переменам.

Мне двадцать шесть лет, мама умерла, когда было всего пять, а через пару лет отец женился во второй раз на женщине с ребенком, девочкой на два года младше меня. Банальная история, наверное, отчасти похожая на Золушкину.

Папа много лет занимал должность декана исторического факультета, очень денежную, как оказалось впоследствии. У нас появилась большая хорошая квартира, домработница. Мачеха — Ирина — считала себя женщиной утонченной и светской, и отец потакал ее прихотям, исполнял желания. Нет, меня не притесняли, и в обносках я не ходила — это было бы неприлично. Да и отец любил меня по — своему, а мачеха терпела и воспитывала. Как умела или хотела. С ее точки зрения, в лучших традициях высшего света, с привкусом английского. Зато была бабушка с маминой стороны, которая любила меня всей душой, от чистого сердца, и я платила ей тем же.

Я получила прекрасное образование, но по своей специальности искусствоведение более интересной работы сразу не нашла. Тогда отец помог устроиться в библиотеку, а чуть позже выбил эти две ставки, которые приносят мне пусть небольшой, но стабильный доход. Кроме того, по мнению Ирины, работать преподавателем государственного университета для женщины престижно. В отличие от меня, сводная сестра Валерия окончила среднюю школу и до сих пор находится в поиске себя, а если быть совсем точной — денежного мужа. Числясь, на всякий случай, на заочном отделении университета.

Год назад бабушка умерла, и мне от нее достались по наследству двухкомнатная квартира в центре города и небольшой счет в банке. Мачеха лишь презрительно фыркнула по этому поводу. А потом наша жизнь круто изменилась. Полгода назад разразился скандал: отца сместили с должности и чуть не посадили за взятки, хорошо еще оставили преподавать в том же вузе. Папа изменился, сильно сдал и был морально подавлен. Денежные поступления резко уменьшились, река друзей и подруг Ирины иссякла, вскоре пришлось отказаться и от домработницы. Валерия пошла в разнос, предприняв усиленные попытки найти себе спонсора, мачеха стала просто невыносимой брюзгой. А меня попытались превратить в прислугу.

Я терпела месяца три, не считая возможным в тяжелой житейской ситуации оставлять без родственной поддержки отца, но в один отнюдь не прекрасный момент мачеха разозлилась, что я присела за стол вместе со всеми, а не обслуживаю семью за обедом, мною же, кстати, и приготовленным. Естественно, что злилась она на жизнь, повернувшуюся к ней боком, а я... Ну на ком же ей еще оторваться, в самом деле? Не на мужа, худо — бедно продолжавшем обеспечивать, и уж точно не на дочери. Этот случай стал последней каплей, дальше я принципиально убирала только свою комнату, кабинет отца и готовила для нас двоих.

Постоянные скандалы в доме заставили меня уйти в глухую оборону и чаще оставаться ночевать у подруг — Юльки и Наташи. Но вчера мачеха заявила, что лучше бы мне переехать в квартиру бабушки, Валерии, дескать, необходимо все свободное пространство. Ну еще бы, надо же куда-то потенциальных женихов приводить, а тут моя персона маячит, отвлекает внимание на себя. Не дождавшись защиты от отца, который старательно делал вид, что он слепой и глухой, собрала вещи и документы и, хлопнув дверью, ушла. Возвращать в отчий дом меня никто не торопился.

Квартира у меня есть, работа тоже, а мужчину... мужчину я найду. В отличие от Валерии, у меня другие критерии отбора и на любого я не согласна, все жду своего «принца» на черном коне. Пусть у других будет белый мерседес, а у моего должен быть черный как ночь конь. Бабушка часто говорила, что здоровая ирония помогает увидеть трудную ситуацию под другим углом и показать, что не все настолько плохо, как кажется на первый взгляд. Иногда и посмеяться над собой можно и даже нужно. Это неплохо помогает крепко стоять на земле! И жизнь светлеет.

За окном зажегся уличный фонарь, известив, что наступил вечер, пора прекращать тяжелые раздумья и спешить домой. К себе домой, где меня ждет масса дел, а скучать и печалиться

будет некогда. Повесив сумочку на плечо, подхватила свои баулы и пошла на выход. Бабушкина квартира находится всего в квартале от университета. Автобусная остановка рядом, так что смысла тратить деньги на такси нет. Я бы и пешком дошла, если бы сумки не тащить.

Маршрутка подошла сразу. Незнакомый молодой мужчина помог занести в «пазик» багаж, приятно удивив меня. В салоне народу было немного и я, запихнув сумки под сиденье, присела, набегавшись за день.

Мимо бежали, мелькали огни вечернего города, в окнах домов то тут, то там загорался теплый свет. А мне было грустно — кроме подруг я в этом городе никому не нужна, а может и в целом мире. Сказка, в которые я наивно верю с детства, тоже не спешит навстречу. Приходится надеяться на чудо и ждать... неизвестно чего. Или самой рисовать желаемое в воображении.

По салону разносились мировые новости — это водитель громко включил радио. Как назло, всюду взрывы, локальные войны, террористы, экстремисты, грипп, голод. Настроение упало ниже плинтуса. Я люблю жизнь, уважаю и чужую, но слушая такие новости, становится страшно за свою собственную. Особенно, когда за тебя некому заступиться в нашем равнодушном и порой жестоким мире.

От мрачных мыслей отвлекла кондуктор, которая, молча глядя на меня, ждала денег за проезд. Достав из кармана заранее приготовленную мелочь, я заплатила, затем, взглянув ей в лицо, тут же заставила себя мысленно встряхнуться. Не хочу выглядеть так же как она: смиренной, уставшей и как будто безжизненной. Словно робот, а не человек. Эта незнакомая женщина, судя по всему, просто существовала, а не жила, возможно, не умела или не хотела искать положительные стороны или яркие краски в окружающем мире. Мне стало жаль ее.

Мы с кондуктором дернулись, из-за того, что наш автобус неожиданно прибавил скорость. Я заметила желтый свет светофора в лобовом стекле и поняла: водитель решил проскочить перекресток в последний момент. Женщина, чуть слышно выругалась, хватаясь за поручень за моей спиной, а затем краем глаза я увидела огромную тень «Камаза», несущегося прямо на нас.

«Видимо, водитель многотонной махины тоже решил проскочить на желтый свет...» — эта логичная мысль была последней. Последовавший чудовищный удар по касательной в кабину и салон автобуса и жуткий скрежет металла выбили из меня не только мысли. Затылком я ударилась о локоть кондуктора, что в первый момент спасло меня от перелома позвоночника. Все это сознание отмечало за доли секунды.

Люди закричали. Автобус начал сжиматься, словно гармошка, передние сидения, отрываясь от пола, наезжали на задние. Я ощутила, как невероятная по силе боль разливается от коленей и выше. Чувствовала, что, скорее всего, либо оторвало ноги, либо основательно размозжило колени. Сознание почти отключилось, остались лишь чувства и ощущения. Боль в ногах перекинулась на левую руку, полоснула по щеке, затем застряла в груди, не позволяя вдохнуть, с чудовищной силой раздирая все тело. Легкие заполнил запах крови, я ощущала, как она быстро заливает лицо. А еще вслед за вытекающей из меня кровью, в тело начал проникать лютый холод.

В тот момент, когда боль исчезла совсем, и остался сплошной обволакивающий холод, я поняла — это все! Для меня в этом мире все закончилось, а самое обидное, что даже картинки из моей жизни не промелькнули, как водится. Неужели нечего было посмотреть или вспомнить?

Неведомо откуда, но я точно знала: мое тело уже умерло, а душа рыдала по несбывшемуся,

непрожитому и неиспытанному. Вскоре и последние ощущения начала поглощать тьма, а я безмолвно выкрикнула в пустоту: «Силы небесные, как же так? Ведь я не любила, толком не жила и не летала... от счастья, неужели конец?»

Странное ощущение, когда еще не погасшая частица сознания бьется в истерике и борется за фактически уже ускользнувшую жизнь, не давая крошечной искорке жизни полностью раствориться в темноте. Я боролась с отчаянием смертника, который знает, что бой проигран, но пока дышит, не прекращает сопротивляться. Именно эта толика моего сознания каким-то образом цеплялась за пустоту, искала выход из нее, безмолвно кричала. Так утопающий барахтается в глубине в судорожных поисках глотка воздуха и пытаюсь выбраться на спасительную поверхность.

Я не увидела, а скорее ощутила разрыв в темноте. Что-то непонятное пронеслось мимо меня, обдавая новой волной пугающего холода, странным, жутковатым облегчением и мрачным сумасшедшим удовлетворением. А в месте разрыва и выхода этого непонятного источника загадочных чувств и «живых» эмоций я на секундочку почувствовала чье-то тепло и устремилась к нему. Не важно, что там! Важно — там тепло, а не как тут — темно и жутко!

Спустя мгновение с того момента, как я скользнула в потусторонний «разрыв», меня сперва обдало живым теплом... А затем вернулась боль, вспыхнувшая с такой силой, что я начала задыхаться как совсем недавно, вроде бы. Но только в этот раз мой судорожный вдох принес не только боль, но и облегчение. Я могла дышать! А боль... боль означала, что я все-таки жива. Боль оказалась моей союзницей в борьбе за жизнь, ведь я держалась за нее как за спасательный круг.

Теперь я чувствовала, что дышу, теперь я чувствовала боль и только теперь я позволила темноте укрыть кроху своего сознания. Почему-то была уверена, что худшее осталось позади, а борьба за жизнь мною выиграна.

Глава 2. Жизнь такая странная штука...

Мысли тянутся к началу жизни — значит, жизнь подходит к концу.

Фаина Раневская

Я быстро шла по пугающе пустому коридору вместе с няней. Света свечей едва хватало, чтобы раздвинуть окружающую темноту. Гулкий звук от подошв моих башмаков эхом возвращался из казавшегося бесконечным каменного тоннеля. Хорошо, что рядом шаркала разношенными башмаками старенькая женщина, жилистой морщинистой рукой держась за мое плечо. Перед высокими двустворчатými дверями я сжалась от страха, а моя няня Сальма едва слышно прошептала:

— Будь хорошей девочкой, Сафира. Не зли его лишний раз. Пока не поймем, что там произошло, рта не раскрывай.

— Хорошо няня! — послушно ответила я.

Прилагая усилия, она отворила передо мной одну из тяжелых дубовых створок, подтолкнув вперед, сама тоже зашла следом, но осталась стоять у входа. В этой неизменно жуткой для меня комнате оказалось неожиданно много народу. Не смея поднять глаза от пола, я по обуви и нижней части одежды присутствующих смогла определить, что в спальне отца находятся трое драков и четверо слуг — людей мужского и женского пола. Еще здесь была старая знахарка Нона, которая жила в лесу за замком, но являлась по первому зову его владельцев.

В нос ударил уже знакомый запах крови. Не успела я предположить, почему в спальне отца так пахнет, как услышала его скрипучий усталый, но все равно злой голос:

— Сафира подойди ближе ко мне.

Я не посмела послушаться, хотя от страха подгибались колени. Где же мамочка? Она всегда старалась находиться рядом, когда отец желал видеть рядом свою пока единственную дочь и наследницу. По — прежнему не поднимая взгляда от пола, медленно приблизилась к огромной кровати с тяжелым бархатным балдахином, подобранным золотыми плетеными нитями.

Набравшись смелости, я посмотрела на отца и задрожала от ужаса. Он лежал облаченный в белую рубаху, прикрытый до паха цветным покрывалом. Я не видела лица, мой взгляд был прикован к окровавленным тряпкам внизу его живота. Нона начала менять эти тряпки на сильно пахнущую травами влажную тряпицу, и когда положила повязку на кожу, отец зашипел от боли. При этом он резко выбросил руку и, больно впиваясь когтями в мою кисть, подтянул к себе и с ненавистью зашипел:

— Полюбуйся, доченька, что твоя мать с твоим отцом сделала. Пыталась зарезать меня, лживая сука... хотела прервать мой род. Великий род драков Дернейских!

Не смея смотреть ему в лицо, я рванулась прочь, но он крепко сжимал мою руку. Рыдания подступили к горлу, слезы вот — вот выльются наружу. А в голове билась лишь одна мысль: «Где мамочка?»

Знахарка прикрыла тряпочку, пропитанную лечебными травами, парой толстых и сухих, и хрипло произнесла:

— Мой лорд, вы сильный драк, и эта рана больше не угрожает вашей жизни, об этом я позаботилась. Берегите свое единственное дитя. Леди Амалия выполнила свою угрозу — больше вы не сможете зачать потомства.

Отец с ненавистью оттолкнул меня, да так сильно, что я больно ударилась о каменный пол. Начала приподниматься на руках, но тут, неожиданно заглянув в проем между полом и днищем кровати, заметила с другой стороны комнаты роскошное желтое платье матери. Затем, замерзая от ужаса, поняла, что это ее окровавленное тело. На меня смотрели мамины мертвые тусклые серовато — желтые глаза, а не золотистые как раньше. Крик застрял в горле, когда отец яростно прошипел:

— Будь ты проклята, Амалия! Будь уверена, я найду способ отомстить тебе... — голос его сочился ненавистью, словно ядом, отец немного помолчал, и после передышки озвучил видно только что пришедшую в голову идею. — За твое предательство ответит дочь, я позабочусь, чтобы она прожила достаточно долго, чтобы успеть продолжить мой род, но каждый день она будет проклинять тебя, Амалия!

Раненый несколько раз судорожно, болезненно вдохнул и выкрикнул:

— Сатис!

— Я здесь, лорд Калем! — откликнулся стоявший неподалеку мужчина, тут же направившись к кровати.

Перед моим лицом возникли огромные начищенные сапоги. Заставив задохнуться от боли и очередной потери, а отец приказал их хозяину:

— Сальму выкинуть за ворота замка. Моя дочь достаточно взрослая, чтобы самой заботиться о себе. Оставить только гувернантку. Драка из рода Дернейских не может быть безграмотной и невоспитанной.

Старая няня метнулась мимо меня, рухнула на колени перед кроватью своего лорда, протянув к нему руки, взмолилась:

— Лорд Калем, пожалуйста, она же ребенок, ей всего пять лет! Она не может отвечать за грехи леди Амалии, ведь Сафира — ваше дитя, плоть от плоти.

— Замолкни! — глухим от злобы и физической боли голосом приказал лорд.

Сатис схватил за шиворот Сальму и поволок прочь из комнаты. Старая женщина никак не могла подняться на ноги, путаясь в длинных юбках, плакала и прощалась со мной взглядом. Не знаю, что произошло дальше, передо мной все еще стоял мертвый взгляд мамы и горестный — няни. В один миг я лишилась всех, кого любила, и кто любил меня. По спальне отца разнесся высокий пронзительный детский крик, наполненный болью и отчаяньем, и когда чья?то оплеуха вновь свалила меня навзничь, поняла, что кричала именно я.

* * *

Наверное, этот печальный душераздирающий крик маленькой девочки по имени Сафира, потерявшей в один день мать и няню, заставил очнуться, вырваться из тьмы, так долго окружавшей меня.

В нос ударил запах горящих смолистых поленьев — такой же, как у нас на даче, когда папа разжигал камин в сырую погоду, — еще восковых свечей и застарелого пота. Не в силах открыть глаза, прислушалась к своим ощущениям: невероятная слабость охватила все тело, словно я желе, готовое растечься в любой момент, стоит только пальцем пошевелить. В области солнечного сплетения сильно болело. То ли живот, то ли грудь — сложно разграничить. Но мне кажется, именно эта выворачивающая наизнанку боль, став моей невольной союзницей, помогла удержаться и не вернуться в тот «разрыв», не раствориться в темноте...

Неожиданно надо мной что?то зашуршало, потом раздался женский голос. Из короткого предложения я сначала не поняла ни слова — язык был странным, совершенно не знакомым. Чья?то рука почти невесомо коснулась моей, погладила предплечье. Снова кто?то начал говорить, и в этот миг у меня в голове будто щелкнуло что?то — я начала различать отдельные слова. И чем дольше говорил этот тихий голос, тем понятнее становилась чужая речь, словно выплывала из глубин воспоминаний на поверхность. Последние слова я точно поняла:

«Открой глаза, дитя мое, Всевышний простил тебя. Все изменится к лучшему, грехи остались в прошлом, небесные врата закрылись пред тобою. Тебя вернули на грешную землю».

Открыв, наконец, глаза, я уставилась на обращавшуюся ко мне женщину. Передо мной на краешке кровати сидела, судя по одеянию, монашка — в черной сутане — балахоне, темном платке до плеч, завязанном под подбородком тесемочками — натруженной суховатой ладонью поглаживая меня по обнаженной руке и успокаивающе воркуя.

Я сфокусировала взгляд на лице незнакомки, покрытом тонкой сеточкой скорбных морщинок и посмотрела в ее грустные печальные глаза. Встретив доброжелательный взгляд, я судорожно вдохнула, от чего место, где обосновалась моя союзница — боль, вновь вспыхнуло. Прилагая невероятные усилия, я с трудом приподняла удивительно тяжелую руку и дотянулась до места

сосредоточения боли. Правда, не острой, а глухой, застарелой. Так и есть — под одеялом чувствовалась повязка. Кроме того, с каждой секундой я лучше ощущала свое тело, но в то же время происходящее воспринималось как нереальное. Вроде бы вижу, ощущаю, но что-то идет не так, но вот что именно?..

Заметив, что я пошевелилась, женщина быстро затараторила, немного наклоняясь надо мной:

— Не волнуйтесь, миледи, рана заживает. Кризис миновал. Это чудо, что вы выжили. Вы перестали дышать, сердце не билось, даже свеча потухла. Я начала молиться за вашу душу, и в этот момент свеча сама... сама вновь загорелась. Неожиданно вспыхнула так ярко, высоко, а следом вы закричали и очнулись. Это настоящее чудо! И в нашей обители... Вторые сутки вас караулим, и вам с каждым часом становится лучше.

Я слушала загадочную женщину, а в душе нарастал страх и непонимание. Попыталась громко спросить, но получилось сипло прокаркать:

— Где я? И почему не в больнице?

Теперь пришла очередь монашки округлять глаза и с непониманием смотреть на меня. Она осторожно произнесла:

— Простите, миледи, я не поняла, что вы сказали.

Надо мной неожиданно склонилась совсем молоденькая, даже юная, девушка, не старше шестнадцати лет. Одета в старенькое, застиранное коричневое платье, которое туго обтягивало ее стройную, как мне показалось, чересчур худую фигурку. Ее голову тоже укрывал плат, но из белой ткани, похожей на лен. С тревогой всмотревшись в мое лицо, она приподняла мне голову и попыталась влить в рот немного воды. В горле действительно ощущалась пустыня Сахара, поэтому я сделала судорожный глоток, потом еще один и еще. Даже эти действия утомили невероятно, на подушку я опустилась так же с помощью девушки и закрыла глаза, пробормотав:

— Спасибо.

— Я не понимаю, что она говорит. Ты не знаешь, на каком языке сейчас говорит твоя госпожа? — голос монашки прозвучал недоуменно.

Затем я услышала мягкий журчащий голосок, который явно принадлежал девушке:

— Не знаю, сестра. Я тоже не понимаю, что она говорит. Может лихорадка окончательно повредила ей голову?

Мне стало страшно до ужаса. Страшно и непонятно, что, вообще, происходит. Где я нахожусь? Как сюда попала? Где врачи и папа? Паника накатила удушливой волной, вынудив глубоко вдохнуть. И вновь боль вернула здравомыслие и заставила успокоиться. Не открывая глаз, я попыталась правильно сформулировать вопрос и тут же провалилась в воспоминания...

* * *

Огромный каменный зал с длинными столами и лавками, за которыми пируют несколько мужчин, оглушительно звеня металлическими кубками. Вино льется рекой, доносятся крики служанок, которых распаленные охотой и пьянкой рыцари заваливают где придется и насилуют...

Я стою, не отрывая взгляда от пола, опустив руки и сжав кулаки, пряча их в складках платья. В голове бьется лишь одна мысль: «Не хочу слышать, не хочу видеть, не хочу, не хочу...»

Ехидный голос отца прерывает мои никому ни слышные стенания:

— Сафира, подойди ко мне!

Колени дрожат от страха, но послушаться лорда Калема куда хуже. Посадит на хлеб и воду в темный подвал. Подхожу к его огромным сапогам, останавливаюсь, по — прежнему глядя вниз. Отец поднимается со стула и встает передо мной, возвышаясь, подавляя, угрожая... А я, дрожа от страха и упорно глядя в пол, жду...

— Ты опоздала, дочь моя! — раздается над моей головой. — Не встретила гостей, как полагается хорошей хозяйке. Нарушила правило. Хочешь, чтобы потом говорили, что драки Дернейские грубы? Не уважают соседей? Или ты проявила неуважение лично ко мне?

Пощечина опалает щеку, от удара меня отбрасывает в сторону, на каменный пол, прямо в объедки, брошенные собакам. Их отец почему-то любит больше меня. А я ненавижу их, всех ненавижу. Особенно после того как отец, едва оправившись от нанесенных мамой ран, заставил меня смотреть травлю Алого, ее любимого коня. Этот урок я усвоила на всю жизнь: ни к кому и ни к чему нельзя привязываться.

А отец между тем издевательски советует:

— Береги голову, доченька, твоя красивая мордашка нам еще пригодится.

* * *

От жутких галлюцинаций меня избавили чьи-то ласково поглаживающие руки и мокрая тряпка, которой обтирали мое лицо. Я открыла глаза и смогла в упор посмотреть на склонившуюся надо мной уже знакомую юную девушку со странными глазами. Кто она, почему заботится обо мне, почему у нее глаза такие? Мыслить ясно и уловить, в чем же их странность я была не в силах.

Девушка вновь приподняла меня за плечи, а монашка протянула глиняную чеплашку со словами:

— Миледи, выпейте бульона, вам должно полегчать, хоть немного. Вы уже вторую неделю ничего не кушаете. Кожа да кости остались. Теперь, раз все прошло, нужно обязательно кушать, тогда и сил прибавится. И выздоровеете быстрее.

Я послушно начала глотать, как тут же выяснилось, вкусный бульон, похоже, куриный. Выпив все до капли, даже облинулась, и в животе сразу стало тепло и сыто. Силы оставили меня, и я вновь погрузилась в темноту, услышав довольный голос монашки:

— Ну вот, Ноэль, видно твоя госпожа выцарапала свою жизнь у смерти. Ест, значит идет на поправку.

Темнота, окутавшая меня, из уютной снова превратилась в жуткую, выворачивающую сознание наизнанку. Как всполохи, в моей памяти проявлялись все новые и новые видения. Темные мрачные подземелья замка, по которым я блуждала в видениях... вроде бы хорошо знакомые, а сейчас словно заново запоминала. Всплывали лица людей: конюхов, старой экономки, похожей на Бабу Ягу из сказки, пугливых горничных... Будто из фильма о средневековой Англии. Но

лица у всех «персонажей» порочные, глумливые или пустые, со следами страдания, озлобленности на весь белый свет. Это не замок — сумасшедший дом. Гремели латы, ворота во дворе скрежетали, я видела множество разных ног, сапог, штанов, разноцветных юбок — шелковых и красивых или замызганных и поношенных. Мой взгляд почти никогда не поднимался выше талии, не отрывался от каменных плит пола. Я все блуждала и блуждала по замку, не в силах найти выход из этой чудовищной сказки — лабиринта. А вслед мне летел яростный рев отца: «Сафира... Сафира...» Кому он кричал: мне ли, этой девочке Сафире? Сложно понять.

Кто из нас непрерывно шептал: «Не хочу слышать, не хочу видеть, не хочу, не хочу...», определить было еще сложнее.

Глава 3. Обитель... не Пармская. Ноэль

В нашем мире есть штука, называемая надеждой. Но знаешь, реальность намного хуже, чем можно представить. Поэтому ты должен стать сильнее.

Семейная игра (Kazoku Game)

Очнулась я, продолжая твердить это «не хочу!». И только спустя какое-то время, после того как пришла в себя, сообразила, что шепчу на загадочном языке, на котором говорили люди в видениях и монашка с девушкой. Значит их объединяет речь... язык, а может все виденное ранее тоже бред... галлюцинации от наркоза или высокой температуры. Несомненно, я в больнице, вот только открою глаза и — увижу белые стены, персонал в униформе... И все снова встанет на свои места. А может авария, автобус, Камаз и я, боль и тот разрыв, и то черное холодное, но странно живое пятно, вылетевшее оттуда, от которого несло сумасшедшинкой и мрачной радостью, и облегчением — все это глюки?

— Доброе утро миледи! Давайте попробуем покушать. Сестра Аниза снова приготовила бульон, раз он вам пришелся по вкусу.

Я резко распахнула глаза. На краешек моей кровати присела та же девушка в потрепанном платье старинного фасона — со шнуровкой по бокам. По — моему, она из него уже выросла, но по какой-то причине продолжает носить. Прилагая усилия, по всей видимости, сиделка, приподняв меня за плечи, подсунула под спину подушки, затем взяла с подноса, поставленного на деревянную, грубо сколоченную, табуретку, знакомую глиняную чеплашку и поднесла к моим губам. Не сопротивляясь, я все выпила, но ощущение голода все равно осталось, поэтому попросила:

— Еще!

Девушка вскинула на меня небесно — голубой взгляд, и именно в этот момент я поняла, почему мне показались странными ее глаза. Действительно необычные: вместо обычного круглого зрачка — вытянутый, овальный. Мало того, когда тусклый свет падал прямо на ее лицо, зрачок полностью вытягивался, превращаясь в струну, словно разрезая радужку пополам.

— Еще бульона, или может кусочек сыра, миледи? — переспросила незнакомка и заботливо предупредила. — Вам пока много нельзя, так сестра Аниза сказала. Она вас выходила, миледи, с того света вернула, можно сказать.

В первый момент я обрадовалась, что она меня поняла, наконец, а потом дошло, что слово «еще» прозвучало не на русском. Оно как будто всплыло из памяти... Не моей! Не в силах

больше издать ни одного звука, как и не успев испугаться, просто кивнула, соглашаясь на любое угощение, а сама, прикрыв глаза, задумалась. Где-то на краю сознания вновь замелькали вспышки чужих воспоминаний, не мысли, а именно — воспоминания, которые, словно разрозненные пазлы, никак не могли сложиться в единую картинку. Неужели?.. Обдумать пришедшую в голову идею не посмела, потому что представить подобное было невероятно, жутко и откровенно страшно. Особенно, осознав, что конкретно всплывало в чужих воспоминаниях.

К моим губам поднесли прохладный кусочек с запахом сыра, пожевала — на вкус тот оказался похож на брынзу. Солоноватую... нежную... вполне свежую съедобную брынзу. Не открывая глаз, я съела несколько кусочков, пока не почувствовала, что больше не лезет — наелась. А еще захотелось в туалет. Снова, особо не задумываясь, на чужом языке, словно такое положение дел в порядке вещей, озвучила просьбу. Под меня подсунули деревянный тазик, чем заставили испытать неловкость и стыд, но нужда долго мучиться не дала. Вскоре я снова заснула, правда, на этот раз спала мирно, без видений.

В третий раз я проснулась от зверского голода. Опять хотелось в туалет и еще — вымыться. Все тело чесалось невероятно, обоняние раздражал неприятный запах пота. В этот раз у меня хватило сил, чтобы внимательно осмотреть место, где я находилась. Большая квадратная комната — келья, стены которой сложены из крупного тесаного камня; узкое окно, закрытое деревянным ставнем. Я лежала на широкой кровати. Старинный камин, в котором тлели угли, расположенный напротив, рассмотрела более тщательно. На каминной полке два больших канделябра по три свечи в каждом, но горела всего одна, сильно оплавившаяся. Возле низкой деревянной двери, входя в которую непременно нужно наклоняться, стояло несколько вместительных сундуков. На одном из них, свернувшись клубочком, закутавшись в тонкую шерстяную шаль, потрепанную временем, спала девушка — сиделка.

Подумать и оценить обстановку мне ничего не мешало, мысли были кристально чисты и голова ясная. Окружающее пространство вместе с его, на первый взгляд, сказочно — киношными обитателями — это не наваждение, не галлюцинация, в чем я убедилась, пару раз ущипнув себя. Я проанализировала все, что вспомнила до момента аварии. Затем перебрала мельчайшие детали увиденного после. Еще раз обвела взглядом комнату и спящую незнакомку. И только тогда осмелилась скользнуть в тот жуткий закоулок памяти, где таились чужие воспоминания. Тут же ощутила жужжащий злобный клубок событий, эмоций, чувств, переживаний — всего того, что наполняло не мою, а другую жизнь. Это точно! Свое и чужое я могу теперь различить, разграничить без проблем, что принесло мне огромное облегчение и придало уверенности.

Снова обвела взглядом помещение, явно не принадлежащее современному миру, в котором я родилась, и судорожно сглотнула, почувствовав, как паника вновь накатывает. Усилием воли заставила себя глубоко и размеренно дышать. И снова боль выступила в роли невольной союзницы. Пока рано делать скоропалительные выводы! Вдруг я у сектантов, староверов или еще где-нибудь, что называется, в чертях на куличиках. Да мало ли где... и почему?!

Осторожно, прилагая усилия, приподняла одеяло, заглядывая под него. В нос ударил противный запах давно немытого тела. Я мысленно заворчала: «Неужели нельзя лучше ухаживать за больным человеком и помыть как-нибудь?»

Лежала я полностью обнаженная — ни белья, ни рубашки, поэтому рассмотрела если и не все, то источник боли и своего плачевного самочувствия — точно. В районе солнечного сплетения алел красный воспаленный продолговатый шрам как от ножа.

Неужели это единственная рана, полученная мной в аварии? По воспоминаниям — меня смяло в лепешку!

Руки плетью упали вдоль тела — даже от одного движения обессилела. Я закашлялась, растревожив больное место, и от моего хриплого «карканья» отдохавшая девушка тут же подскочила как ужаленная и спросонья испуганно уставилась на меня:

— Миледи, вы проснулись? Чего-то хотите?

Я кивнула, а затем неуверенно попросила, используя чужие слова:

— Есть и туалет!

Она едва заметно вздохнула, кивнула, обулась и помогла мне с туалетом, как и в прошлый раз, используя странную посудину. Потом, закутавшись в ту же скромную шаль, быстро вышла из комнаты. Вернулась минут через пять с подносом, закрытым деревянной крышкой, похожей на тарелку и поставила ношу на табуретку рядом с кроватью.

Поест в этот раз сиделка принесла густую похлебку. Определить из чего ее сварили, я не смогла, но вкус и запах понравилась. Девушка посадила меня повыше, подложив под спину подушки, и сама кормила с ложки. После обеда, а может быть и ужина спать мне не захотелось. Зато накопилось слишком много вопросов, и я начала со знакомства:

— Как тебя зовут?

Услышав обращение, девушка замерла и уставилась на меня круглыми от изумления глазами. Бросила быстрый взгляд на дверь, словно решая, стоит ли звать подмогу, и только потом, ссутулившись, ответила.

— Ноэль, миледи!

Я переварила ее ответ, затем осторожно спросила:

— А меня как зовут?

Ноэль снова уставилась на меня недоуменным и уже явно обеспокоенным взглядом.

— Вы урожденная леди Сафира Дернейская.

Ответ показался мне равносильным удару лопатой по лбу. Как мне показалось, даже искры из глаз посыпались, а в голове тут же набатом зазвучал голосок несчастной девочки: «Не хочу слышать, не хочу видеть, не хочу, не хочу».

Мой же голос прозвучал хрипло и чуждо:

— А сколько мне лет, Ноэль?

— Двадцать, миледи! Вы старше меня на четыре года! — ответила она и опять замолчала в напряженном ожидании.

Снова мысленный стон. Я старше! Я старше некой Сафиры на шесть лет и на десять эту девушку, представившуюся Ноэль. Красивое имя, переводится «рождество» и означает предрасположенность к жизни подвижника. Что же, имя очень подходит заботливой голубоглазой юной сиделке.

— А где мы находимся? — спросила безнадежно, уже догадываясь, что не зря я летала в темноте и стремилась в разрывы. У меня той, крыльев не было, а это значит...

— Обитель Святой Матены, миледи, расположена на людских землях и ровно посередине между вашими землями и Темных.

Привычным жестом, как делала еще в прежней жизни, потеряла переносицу, затем устало посмотрела на девушку и спросила, как в пропасть прыгнула:

— А как называется это место вообще... хм — м... весь мир?

Ноэль смотрела на меня, широко распахнув глаза, свет от свечи вспыхнул чуть сильнее, и зрачки резко вытянулись в струнку. В прошлый раз не привиделось! Это не человеческие глаза! Поэтому я приготовилась услышать дальнейшее без истерики.

— Эсфадос, миледи! Вы не помните?

По телу разлилась жуткая слабость. Вот и все! Не секта, не у черта на куличках, просто — другой мир. Или не просто... Совсем — совсем не просто! Прикрыла глаза, словно, если не буду видеть, станет легче, снова ущипнула себя в надежде, наконец, очнуться от этого сумасшествия, но запахи, звуки, а главное — боль, тупая и немилосердная, по — прежнему были со мной. И исчезать, по какому-то невероятному стечению обстоятельств, черт возьми, не собирались. Более того, с каждой прожитой минутой, похоже, в новом теле, с каждой ложкой еды, настоев, обычной воды я ощущала, как становлюсь крепче, живее что ли. Отвергать новую реальность уже не разумно. Правда, примириться с ней только в книжках не сложно, а в жизни...

— Ноэль, а ты кто для меня?

Девушка молчала, я открыла глаза и посмотрела на нее: напугана, сильно расстроена, и в глазах плещется горечь. Вздохнув, она ответила:

— Я тоже драка, ваша троюродная кузина Ноэль Лояну. Попала в ваш дом в шесть лет. Моих родителей убили разбойники, а по закону поместье отошло дальнему родственнику отца. Меня же отослали к вам. Больше у меня никого нет... Теперь я ваша горничная, миледи.

Мне стало невыносимо, до стога жаль ее, и себя тоже. Особенно в свете доставшихся мне вместе с телом Сафиры тяжелых воспоминаний.

— Ноэль, я ничего не помню из прошлой жизни. — Мое признание кузина встретила пораженным взглядом, и я поспешила успокоить ее. — Нет, не бойся, все не настолько плохо. Конечно, какие-то воспоминания остались, но разрозненные, хаотичные, словно воспоминания чужого чел... существа, — я запнулась (из слов девушки и воспоминаний выходило, что не стоит путать нас с людьми), — поэтому прошу тебя о помощи. Мы начнем наше знакомство заново, как с чистого листа, и ты будешь мне все подробно рассказывать. О людях, о драках, о моей семье и, вообще, Эсфадосе. Согласна?

Девушка зачарованно слушала меня. Когда я безмерно устав, закончила «признания», она быстро кивнула. Я же глухо попросила:

— Ноэль, я хочу, чтобы ты знала. Прежней я никогда не стану, и если ты любила меня ранее, я...

Она передернулась, услышав «любила», невольно подсказав мне, что наши с ней бывшие отношения далеки от дружеских. Ноэль заметила, что от меня не укрылся ее жест, и испуганно посмотрела на меня, уже открыв рот, чтобы извиниться, по — видимому.

Но я опередила ее:

— С чистого листа, сестра! Я понимаю, насколько нам будет сложно, особенно тебе. Для меня очень важно и необходимо расположение кого-то близкого и верного, кто будет рядом. А главное — честного! Я заранее прошу тебя: пообещай быть со мной предельно откровенной и честной!

Ноэль молчала, пытливо всматриваясь в мое лицо. В ее глазах загорелось что-то новое... недоверчивая надежда, возможно. Она медленно, уверенно кивнула, а я спросила:

— Скажи, что самое светлое и дорогое было в твоей жизни? Чем ты дорожишь больше всего?

Голубые глаза подернулись дымкой тоски и печали. Она хрипло ответила:

— Мои родители! Память о них — единственное, что осталось мне.

Мне было неловко идти на этот шаг, но я настойчиво попросила:

— Тогда здесь и сейчас поклянись их светлой памятью, что не предашь меня, не обманешь и всегда будешь честной со мной.

Ноэль вздрогнула, обиженно посмотрела на меня, но столкнувшись с моим упертым ожидающим взглядом, поклялась в точности, как я просила. У меня словно гора с плеч свалилась. Хоть один нормальный хм — м, человек... драка рядом появился. Я радостно улыбнулась кухне, от чего та впала в полнейший ступор, заставив меня задуматься над вопросом: как же часто она видела мою улыбку, если так удивилась.

Чтобы привести в чувство Ноэль, я перестала улыбаться и попросила:

— Кузина Ноэль, у меня к тебе огромная просьба. Я прескверно чувствую себя невымытой. А сейчас на мне, по ощущениям, несколько слоев грязи, я лежу в грязи и самое противное — дурно пахну. С этим надо что-то делать и немедленно.

— Но миледи, сестра Аниса сойдет с ума, если мы сейчас затеем купание. Всего трое суток прошло, как вы вернулись с того света, только рана зарубцевалась, и лихорадка спала, а вы хотите заболеть снова?

Ноэль вцепилась в мою руку, уговаривая, но я была непреклонна. Поняв, что ничего не поделать, тяжело вздыхая, она поплелась за подмогой. Вскоре пара дюжих мужиковатых теток с грубыми чертами лица, притащили в келью довольно большую бадью. Вслед за ними возвратилась Ноэль, пришла сестра Аниса и еще одна женщина, ассоциировавшаяся у меня с настоятельницей монастыря — однозначно наделенная властью, державшаяся с достоинством, столь чопорная и строгая в черном платье, украшенном белым кантом и ручной вышивкой по краям. Черное платье, ладно сидевшее на ее фигуре, мило сочеталось с белым длинным фартуком. Эта начальственного вида незнакомка подошла к кровати и внимательно посмотрела на меня. Ноэль тут же встала в изголовье и тихо представила:

— Миледи, это абаниса Эйра, возглавляющая святую обитель.

Я мысленно поблагодарила Ноэль за то, что поясняет, кто здесь кто и как их зовут. Женщина же коротко, но почтительно кивнула мне. Тоже кивнула ей, улыбнувшись, ведь я пока не знала, как себя с ней вести и, вообще, какие права у Сафиры, которую, исходя из увиденного в памяти, окружающие, не больно жаловали.

Абаниса Эйра попыталась меня переубедить:

— Миледи, я понимаю ваше желание, но поймите, мытье для вас сейчас нежелательно, и как считает сестра Аниза, крайне губительно скажется на вашем состоянии. Она слишком хорошая лекарица, чтобы я не доверяла ее рекомендациям. Лучше бы и вам прислушаться...

Пока абаниса взывала к моему благоразумию, я приняла неожиданное решение. Шальная мысль подвигла на отчасти авантюру:

— Я все понимаю, уважаемая абаниса Эйра и сестра Аниза, но ничего с собой поделаться не могу. Я должна помыться. Мне сложно пояснить вам причину этого, на первый взгляд, неразумного желания. Омовение — словно очищение от всего, что было и уже, с уверенностью могу сказать, прошло.

Обе женщины кивнули, хотя я заметила, с каким неодобрением. Абаниса подала знак крупным теткам, и те быстро удалились, за водой пошли, наверное. Старшая (по должности) присела на краешек кровати и, сложив руки на коленях, осторожно произнесла:

— Госпожа Лояну сказала, что вы ничего не помните, леди Сафира. Это так?

Я утвердительно кивнула. Настоятельница задумчиво подвигала губами, затем спросила:

— Совсем ничего? Из прошлого или только недавно случившегося? Может, какие-то фрагменты остались? — и пристально вглядывалась в мое лицо в ожидании ответа.

Внутренне собравшись, с трудом подбирая подходящие чужие слова, я не заставила себя долго ждать:

— Очень мало, абаниса. Отдельные воспоминания остались, но, боюсь, многое полностью стерлось из памяти. Скажем так, я как будто другой... хм — м, стала другой. Совсем!

Хотелось бы мне знать, почему Эйра так нервничает, спрашивая о прошлом. Аниза и Ноэль тоже заинтересованно слушали наш разговор. Абаниса пристально взглянула мне в лицо, а потом неожиданно выдала:

— Вынуждена с вами согласиться. Когда вы попали к нам в обитель, невзирая на ваше прискорбное состояние, вели себя... хм — м, недостойно. Всех проклинали, ругали и мечтали умереть... Складывалось ощущение, что вы не в себе. Простите слугу божию за прямоту...

Все трое уставились на меня в напряженном молчании, и я поняла, почему они осторожничают. Элементарно считают спятившей, а ведь и сама там, в темноте возле разрыва, почувствовала кого-то безумного. Да — а-а... Надо срочно исправлять нелестное впечатление о себе, а то мало ли как все может обернуться.

— Мне искренне жаль, абаниса, что так получилось. Уверяю вас, прежняя я навсегда исчезла, умерла, на этот свет родилась новая Сафира Дернейская.

Сестра Аниза неожиданно с благоговением спросила, подаваясь ко мне всем телом:

— Миледи, ваша молебственная свеча потухла, и сердце перестало биться. Я проверила перышком: вы не дышали, а потом свеча вспыхнула вновь, и вы ожили, да так сильно, страшно, закричали. — Монахиня сжала руки на груди и восторженно спросила. — Скажите, вы помните, как это было? Вы видели Его?

Кого она имела в виду, я догадалась не сразу, тем более учитывая, что Они тут и там могут быть разными, поэтому решила на обтекаемый рассказ. Я прикрыла глаза, словно припоминая, хотя сама мысленно передернулась от воспоминаний, и начала фантазировать. Хорошо, что по телевидению часто такие истории показывали.

— Я помню холодную непроглядную тьму вокруг, ужас, страх и боль во всем теле. Мне казалось, падаю куда-то и горю. Моя душа горела, кричала, а вокруг клубились только тьма и боль. А потом я увидела свет в конце коридора и устремилась к нему. И знаете, чем ближе я к нему продвигалась, тем легче становилось дышать, яснее думалось и душа... я не знаю... она пела, растворялась в нем. А потом свет — теплый, радостный. Знаете, как будто мою душу вымыли, обогрели, все грязное, темное, наносное убрали, очистили. Такой чудесный родной свет. Затем снова яркая вспышка, следом темнота, и я оказалась здесь. Увидела сестру Анизу и Ноэль, но практически ничего не помню из того, что было раньше. Будто кто-то все стер из моей памяти и души, но почему-то позволил начать все заново, с чистого листа.

От длинного монолога, во время которого приходилось подбирать слова и действительно вспоминать, я устала, запыхалась и ощутила, как накатывают слезы. Не привыкла я обманывать, и почему-то именно сейчас было неприятно это делать.

Врать про ТАКОЕ людям, которые выхаживали меня и сейчас смотрят с невероятной верой, надеждой. Возможно, им в чем-то не повезло в этой жизни, на этой земле, и они сейчас, может стать, впервые искренне поверили, что ТАМ их ждет нечто лучшее, светлое, хорошее. Однако если бы я честно обо всем рассказала, думаю, они бы разочаровались, поэтому не стоит их морально убивать.

В глазах сестры Анизы заблестели слезы, готовые пролиться в любой момент. Абаниса почтительно поглаживала мою руку, с трепетом заглядывая в глаза, а Ноэль замерла рядом. Она тоже поверила и едва сдерживала слезы. Вполне возможно, вспомнила о своих умерших родителях.

Дверь с шумом открылась, и в келью вернулись те же крепкие монашки, на этот раз с ведрами, из которых поднимался горячий пар. Вылив кипяток в лохань, они вышли. Сестра Аниза встрепенулась и начала суетиться. Развернула холст с мылом, достала из сундука несколько полотенец, положила еще дров в камин, от чего огонь тут же яростно вспыхнул, голодным зверем набрасываясь на добычу.

Ноэль занялась моими волосами, и я обратила внимание, насколько они длинные — до талии, не меньше. Но самое примечательное — светлые, с серебристым оттенком, наверное. Собственно, волосы были в совершенно неприглядном состоянии. Страшно даже представить, как же тогда я сама выгляжу. Но знакомство со своей новой внешностью можно оставить до лучших времен. Сейчас важно привести себя в опрятный вид, а остальные вопросы, в том числе, каково же собственное отражение, потом выясню.

Вскоре Аниза с Ноэль при помощи двух монахинь, принесших еще воды, перетащили меня в лохань и старательно отмыли жалкое, изможденное, ставшее моим по прихоти неких высших сил, тело. То, что оно чересчур худое, даже костлявое, я увидела сразу, как только Ноэль полностью откинула одеяло.

Тем не менее, теплая вода доставляла немислимое удовольствие. Женщины тщательно промыли мои светлые волосы, намыливая и смывая несколько раз. Я упростила их хорошенько потереть меня, чтобы отмыть с бледной, синеватой кожи многодневную грязь, и стойчески терпела эту процедуру. Потом, пока меня тщательно вытирали и сушили волосы, Ноэль полностью перестелила кровать. По келье разносился цветочный запах мыла, травяной — постельного белья, огонь в камине дарил ласковое, живое тепло. Вся эта суэта вокруг меня и приятные запахи дарили необыкновенное ощущение радости бытия.

Когда меня уложили обратно в постель, я чувствовала себя вымотанной как никогда, а ведь всего-то основательно искупалась и то не самостоятельно. Уже сквозь дрему услышала, что мне предложили выпить парного молока, послушалась и затем уснула.

Глава 4. Сафира

Свет мой, зеркальце! скажи...

А. С. Пушкин

Отрыв глаза, я увидела свет, пробивающийся сквозь плотно закрытые ставни, пронизывающий сумрак каменной уютной кельи. Дрова в камине догорели, и огонь больше не радовал, разгоняя тени и сырость. И все же, теперь я лежала чистенькая, живая и от того чувствовала себя гораздо лучше. В этот раз во сне даже прошлое бывшей хозяйки тела меня не беспокоило. Зато собственное настоящее, стоило проснуться, накинудись растревоженным осиным роем.

Осторожно приподнявшись на локте, чтобы не разбередить заживающую рану, я осмотрелась: Ноэль нет, и пока спала, ничего не изменилось. Со стоном откинулась на подушки. Новый мир... новая жизнь... в чужом теле... Необходимо использовать каждый шанс выжить здесь. Нет, не по — новому, а просто жить. Что толку о чем-то теперь жалеть? И от этой мысли вспыхнула до сих пор сдерживаемая моим неменяемым состоянием душевная боль. Как там папа? Ведь он остался один на один с проблемами, неудачами, женой и Валерией. Да, я не любила мачеху и сводную сестру, они меня тоже не жаловали, но отца, хоть мы были не слишком близки, жалко. Подруги, мои милые девочки, поплачут и со временем забудут. Любимого мужчину в той жизни не встретила, но были, в принципе, хорошая работа, своя квартира и оптимистичные перспективы на будущее.

Как стало очевидно теперь, там у меня все было не настолько плохо, чтобы легко отказаться от прежней жизни, но теперь я тут! Невероятный, но свершившийся факт придется принять как данность. Страшно. А вместе с кошмарами несчастной Сафиры и прочими реалиями мира Эсфадос, слишком напоминающего средневековье, страшно вдвойне. Что меня здесь ожидает? Что подстерегает за порогом темной кельи, которую раньше можно было посетить разве что на экскурсии по старым полуразрушенным монастырям? Да, я историк, искусствовед, но лично оказаться в «тех временах» не хотела никогда.

А еще их разделение на расы...может это как у нас: черные, белые, желтые? Хотя удивительные, явно нечеловеческие глазки Ноэль напрочь опровергали мое предположение. Еще вчера призрачно — сказочный Эсфадос сегодня становился реальнее некуда... другой мир... расы... и жизнь!

Боженька, куда я влипла?то нечаянно?

Опять вспомнила ту сущность, которая пролетела мимо меня, — душу Сафиры. Мстительная радость, дикое облегчение, триумф и... клубок сумасшедших эмоций. Ненормальных, жутковатых, омерзительных! От нее веяло смертельным холодом, невольнo заставившим

задуматься: что могли сделать с человеком, ладно, пусть не с человеком, с живым существом, как нужно было издеваться над душой, чтобы превратить ее в подобное? Вот это пугало до чертиков. Помимо всего остального.

Сердце лихорадочно забилося, я глубоко вдохнула, пытаюсь успокоиться, и потревоженные мышцы отозвались болью. Рефлекторно приподняла руки, чтобы положить на больное место, да так и замерла. Кисть правой руки обвивал широкий литой браслет, соединенный тоненькой цепочкой с кольцом на безымянном пальце. Я поднесла руку к глазам, рассматривая занятное украшение, представляющее собой золотую витую косичку из двух полос. Интересно — как оно надевается? Застежки не нашла, браслет цельный, причем, довольно плотно сидит на руке. Неужели с рождения на мне? Или запаяли каким-то образом?

Пока вертела необычную вещицу, заметила на коже рук странные чешуйки. Это что?! Дерматит какой-то? Или помимо ранения я еще и болею чем-то?

Я настолько разволновалась, что больше не могла находиться в неведении. Постанывая, вспотев от усилий, встала. Одернула белую, просторную рубашку из ткани, похожей на лен. Придерживаясь кровати, покачиваясь от слабости и шума в ушах, добралась до окна. Немного постояла, переждав головокружение, чтобы не рухнуть прямо на земляной пол, и, наконец, с невероятным трудом распахнула прочные, надежные ставни. Точнее — один из двух. Келью залил дневной свет, заставив меня зажмуриться. А в лицо ударила волна свежего, сырого воздуха, пахнущего морем и соснами. Лепота!

Привыкнув к свету, я поднесла к глазам руку и с минуту тщательно изучала. На сгибах пальцев, кистях, локтях виднелись небольшие участки чешуи, плавно переходящей в светлую, суховатую, скорее всего из-за болезни, кожу. Я озадаченно потрогала чешуйки: не прилипли точно и не какой-нибудь дерматит, хотя ему я сейчас, наверное, обрадовалась бы как родному. Тоненькие, полупрозрачные, серебристые пластиночки с золотистой каемочкой... Вероятно, если абстрагироваться от факта, что доставшееся мне тело покрыто чешуей, то девушка с серебристо — золотистым отливом смотрится хоть и непривычно, но интересно.

Нервно хихикнув, потрогала чешуйки еще раз — ну не русалка же, в самом деле, хвоста точно нет — потом растерянно потерла переносицу, лоб и... замерла снова. Боженька, только не это...

Я развернулась, держась за ставень, и судорожно поискала взглядом зеркало. На мою удачу, небольшое круглое зеркало лежало на одном из сундуков. Прилагая прямо-таки титанические усилия, я добралась до него и опустилась на крышку. В глазах мельтешили мушки, руки тряслись от слабости, но огромное желание увидеть свой новый облик победило. Двумя руками подняла оказавшееся тяжеленным зеркало в бронзовой оправе и взглянула на свое отражение.

Овальное лицо с правильными чертами: большие глаза с золотисто — желтой радужкой и... змеино — кошачьим зрачком. На высоких скулах, ближе к вискам, и вдоль линии роста волос поблескивали уже знакомые чешуйки, придававшие яркости белоснежной коже и глубины глазам. А еще в дневном освещении среди серебристых волос сияли золотистые прядки. Необычная внешность, экзотичная, но красивая, наверное, если бы не изможденный больной вид и страх в глазах с моментально вытянувшимися в тонюсенькую ниточку зрачками. И настолько не похожа на мою прежнюю, что в груди заняло от новой потери. Потери самой себя!

Изумленно — испуганные широко распахнутые глаза заблестели, и по бледным впалым щекам побежали слезы.

— Миледи... О, все святые, зачем же вы встали? — услышала я потрясенный голос Ноэль.

Девушка быстро поставила поднос на соседний сундук и кинулась ко мне. Присела рядом на колени, приподняв лицо и вглядываясь мне в глаза, перехватила зеркало, почти выпавшее из моих ослабевших рук.

А я уставилась на нее, получив возможность, благодаря открытому окну, во всех подробностях рассмотреть блестящие русые с золотисто — рыжим отливом волосы и белоснежную кожу; яркие чистые голубые глаза, в которых притаился застарелый страх, и все?таки добрые; такой же как у меня римский профиль; округлой формы личико; губы тоже полные, но с нечетким контуром. Но самое важное — серебристые чешуйки на ее лице и руках, я тоже увидела. Соответственно встал насущный вопрос: кто такие драки? Кто же я теперь?

Кузина загадочной драки — аристократки Сафиры бросила тревожный взгляд на открытые ставни и взволнованно посетовала:

— Миледи, вы только с того света вернулись, а уже снова пытаетесь туда попасть...

Она встала и закрыла окно, практически отрезав меня от мира в каменной ловушке. Хотя, надо признать: за окном совсем не лето.

— Прости, Ноэль, слишком захотелось подышать свежим воздухом и увидеть свет и почувствовать себя живой, — устало улыбнулась я.

Девушка неуверенно улыбнулась в ответ, обхватила меня за спину, помогла встать и повела к кровати. Несколько шагов дались мне с большим трудом, я бы рухнула на постель, если бы не ее поддержка. С помощью Ноэль, подложившей под спину подушку и накрывшей теплым одеялом, я устроилась полусидя. Она быстро зажгла свечи, разогнав сумрак в помещении, подложила пару поленьев в камин, затем забрала с сундука поднос и направилась ко мне. Я снова отметила жалкую, изношенную одежду, из которой девушка давно выросла; потрепанную шальку, что вряд ли спасает от холода; стоптанные ботинки. И невольно задалась вопросом: неужели «моя» семья настолько бедная? Ведь Ноэль — близкая родственница, а выглядит как побирушка.

Еще я заметила, что она прихрамывает немного.

— У тебя что?то с ногой? Поранилась? — осторожно, опасаясь задеть ее чувства, спросила я.

Бедняжка опустила взгляд, пряча затаенную боль и стыд, поставила поднос на табуретку и сняла деревянные крышки с тарелок, от которых тут же начал подниматься пар: ароматный, вкусный.

— Ноэль?.. — мягко настаивала я.

— Нет, не поранилась! Просто... стерла... — тихо ответила она.

— Показывай!

Не удовлетворившись слишком уклончивым ответом, я чуть свесилась с кровати, пока она разувалась.

— О — о-о!.. — только и смогла потрясенно выдохнуть я, увидев ступни в кровоподтеках и синяках. Мало того, на ногах не было ни носок, ни чулок!

Безусловно, ботинки ей малы. Размера на два! Даже представить не могу, что она испытывает, когда ходит.

— У тебя нет другой обуви? — хрипло поинтересовалась я.

— Нет, леди Сафира!

— Мы настолько бедные, — пришла мне в голову мысль, — что не можем позволить себе самое необходимое?

Ноэль хотела было обуться, но я схватила ее за руку, ожидая ответа.

— Вы — одна из богатейших леди в Приграничье, — пожалала худенькими плечиками кузина.

Я кивнула на ряд сундуков, выстроившихся вдоль стены:

— Это все мое?

— Да! Миледи! Одежда, обувь, украшения... — тихо перечисляла Ноэль.

— А где твоя? — тоже тихо, уже догадываясь об ответе, спросила я.

Девушка отвела взгляд в сторону, сжала кулачки на коленях, но ответила без обиды, без обвинений, как о чем-то само собой разумеющемся:

— Три моих платья в корзине, миледи! Я иждивенка, и ваш батюшка не считал нужным тратиться на меня. Но вы не думайте, я благодарна ему за милость и приют...

Горло свело спазмом, я прокашлялась и попросила:

— Ты не обувайся пока, Ноэль. Залезай на кровать, чтобы ноги не мерзли. Давай покушаем вместе, а потом посмотрим, что в сундуках и выберем тебе новый гардероб.

Она вскинула на меня потрясенные недоверчивые глаза, будто ослышалась.

— Миледи, вы не думайте, что я жаловалась. И не предам вас и... Вы не должны...

— Почему? — нахмурилась я.

По щеке Ноэль побежала слезинка, а глаза испуганно округлились:

— Потому что, вы, вероятно, скоро обо всем вспомните, и ваша одежда на мне станет для вас неприятным сюрпризом и...

Я подняла ладонь, останавливая поток ее слов:

— Нет, Ноэль! Я никогда не стану прежней! Просто поверь, прежняя «я» умерла!

Одинокая слезинка скатилась по бледной щеке девушки и упала на лиф старенького, когда-то, наверное, бывшего добротным и красивым, платья. Она лишь кивнула, принимая обещание к сведению. Затем взяла тарелку с кашей и принялась меня кормить.

— А ты уже завтракала? — озаботилась я.

— Да! Мне дают там... в трапезной... — кивнула она.

Я забрала тарелку, и пусть от усилий удержать посуду у меня затряслись руки, но твердо заявила:

— Открывай другие блюда, что там еще? И на будущее: я хочу есть в компании, а не в одиночестве.

Снова отметила неуверенно — удивленный взгляд Ноэль, но та послушно убрала крышку, под которой лежал нарезанный ломтиками желтый сыр, серый ноздреватый хлеб, рядом стоял глиняный кувшинчик с молоком. В общем, позавтракали мы плотно и с удовольствием. Потом я с улыбкой наблюдала, как Ноэль, с опаской, постоянно оглядываясь на меня, открывала сундук за сундуком и показывала вещи, хранившиеся в них. Увидев красивые платья, большей частью бархатные и облегающие до бедер, с богатой ручной вышивкой золотыми или серебряными нитями и шнуровкой по бокам, мне в голову пришла мысль, что я попала в средневековую Англию времен короля Вильгельма Завоевателя.

Мы выбрали девушке три платья — довольно скромных, но добротных и теплых. Нашли подходящие удобные ботинки и чулки, к счастью, тоже обнаружившиеся среди одежды. Конечно, дело не обошлось без пары нижних рубашек. И в довершение — плащ, подбитый мехом. Я внимательно изучала содержимое сундуков, ведь всем этим добром мне придется пользоваться, и попутно выяснила, что сейчас ранняя весна, а здесь, в предгорье, это ветреный и сырой сезон.

После примерки обновок я заставила Ноэль намазать ноги, лечебной мазью из склянки, оставленной сестрой Анисой, а то на них даже смотреть больно. Переодевшись, моя юная кузина находилась в таком ошарашенном и восторженном состоянии, что следовала указаниям безропотно, перестав вскидывать на меня потрясенный взгляд.

Утомившись от приятной суеты, я незаметно для себя уснула, думая о том, как хорошо иметь хоть одно родное существо в чужом мире...

* * *

Тяжелая серая муть вечерних сумерек за окном, завывание осеннего ветра, промозглый холод, крики рыцарей, вернувшихся с охоты, и лай собак — все смешивалось и заставляло вздрагивать от страха. Я неподвижно сидела в кресле у окна в компании мышки Ноэль! Забившись в угол возле кровати, она со страхом смотрела на тяжелые деревянные двери, укрепленные металлом. Жаль, что их неприступный внешний вид не сможет защитить от опасности — щеколда с другой стороны...

Меня защитит имя, а вот сироту Ноэль — ничего! Ей уже девятый год, большая девочка, чтобы самой позаботится о себе. Нельзя, нельзя привязываться к чему?то или кому?то. Все заберут, искалечат, уничтожат.

Двери открыла парочка подвыпивших рыцарей и ввалилась в комнату. Сатис! Как же я его ненавижу. До сих пор в памяти стоит его мерзкая глумливая ухмылка, когда он спускал голодных псов на маминого коня Алого.

Приближенный вассал лорда Калема, заметив Ноэль, сжавшуюся в углу, усмехнулся:

— Детка, ты уже большая стала, пора научить тебя плотским радостям!

Девчонку схватили за талию и, не обращая внимания на ее крики о помощи и мольбы, потащили к дверям. Я видела, как Ноэль протягивает ко мне руки, кричит, пытается

вырваться...

И снова мои губы привычно зашептали: «Не хочу слышать, не хочу видеть, не хочу, не хочу». А взгляд устремился в серое небо, по которому плыли темные тучи.

Детские крики доносились уже из коридора, когда их перекрыл мощный бас отца, заставив меня окаменеть от страха:

— Сатис, эту оставь в покое!

— Но почему, мой лорд? Она же...

— Идиот! Она драка и единственная, кто сможет заменить Сафиру... в случае чего! Если кто-нибудь посягнет на ее невинность без моего разрешения, голову снесу!

— Как прикажете, мой лорд! — последовал покорный ответ.

Да только отец всегда смотрит в лицо, когда говорит, и слушать предпочитает себя, поэтому вряд ли уловил затаенную зависть и злобу в голосе вассала рода Дернейских.

Двери снова распахнулись, и в комнату втолкнули Ноэль, так, что она растянулась на каменном полу, ободрав коленки и ладони. Я не успела привычно опустить голову и поймала затравленный взгляд девчонки. В нем был страх, неверие, что спаслась от надругательства, и обида на меня, что не помогла, не спасла и даже не дернулась на защиту. Маленькая дурочка... В Хемвиле ни для одной души нет спасения! Больше нет!

* * *

В голове продолжал звучать тихий надрывный плач восьмилетней беззащитной девчушки, когда я проснулась в поту, потрясенная увиденным, с ощущением беспросветной пустоты в груди «той» Сафиры, которая заполнялась чернотой и сумасшествием. Рядом, на самом краешке кровати, прикорнула кузина, трогательно подложив ладошку под щеку. Я не выдержала и разрыдалась, кусая кулак.

Ноэль проснулась и испуганно посмотрела на меня. Я потянулась и обняла ее, погладила по русым волосам, хрипло шепча:

— Прости ее, прости! — А перед глазами продолжал стоять затравленный взгляд девочки, всплывший из глубин чужой памяти. — Она просто не могла помочь, она никому не могла помочь, даже себе!

— Что с вами, миледи? — голос Ноэль в панике сорвался на писк.

— Просто вспомнила... кое-что из нашей с тобой жизни! — сипло от слез и волнения пробормотала я. Потом, откинувшись на подушку, посмотрев ей в глаза, твердо, мрачно пообещала: — Я тебя в обиду больше никому не дам! И с... отцом я придумаю, как разобраться!

Ноэль сглотнула, неожиданно грустно улыбнулась и огорошила:

— Не выйдет!

— Почему? — нахмурилась я. — Я придумаю...

— Семнадцатый лорд Дернейский умер два месяца назад!

— Как? — удивилась я и, тем не менее, через секунду испытала невероятное облегчение.

— Его отравил ваш супруг! — пояснила Ноэль, пожав плечами.

— Мой — кто? — сиплым от ужаса голосом спросила я.

— Ваш супруг, Мердок Револейский! — кивая в такт своим словам, словно придавая им весомости, довела до моего сведения фактически сестра.

Я прикрыла глаза, пытаюсь принять эту шокирующую новость. Мало того, что замужем, так еще и муж с противным именем достался.

— Миледи... — словно издали услышала испуганный голос Ноэль.

Но я, уже не в силах удержаться, вновь погрузилась в пучину чужих воспоминаний.

* * *

Вторая по размерам спальня Хемвиля, ставшая моей пыточной. Дрожь пробирает до внутренностей, сковывая тело лютым холодом. От ужаса сердце заходится бешеным стуком. Нестерпимо хочется зажмуриться, а еще лучше — свалиться без чувств в спасительную темноту. Но нельзя, потому что будет еще хуже.

Передо мной на огромном ложе сплетаются блестящие от пота тела... стоны страсти... животные крики... Мердок не главный в этом аду. Сейчас его объезжает любовник, заставляя прогибаться, подчиняться, раскрываться полнее... ласкать другого мужчину, лежащего уже под ним...

«Не хочу слышать, не хочу видеть, не хочу, не хочу...» — шепчут мои губы, а взгляд обращен в себя.

— Смотри, тварь! Не смей отворачиваться! — рычал, заходясь в экстазе еще один мой мучитель.

Долгое тягостное ожидание неминуемого продляет мою агонию. Рык, в котором слышится облегчение похотливой троицы, а затем обнаженный Мердок сползает с кровати и приближается ко мне.

Я осторожно сменила позу, внутренне сжимаясь в комок и готовясь к тому, что последует дальше. В том, что последует, не сомневалась. Наша первая брачная ночь закончилась полным провалом для мужа, что любит и хочет лишь мужчин, а меня считает досадной ненавистной помехой свободно предаваться и дальше разврату и разгулу. Женщиной физически я так и не стала, за это меня с удовольствием бы убили. Мердока остановила исключительно перспектива потери Хемвиля. Ведь между ним и замком был еще лорд Калем.

— Ты плохая жена! — злобно прошипел мой муж. — Кто разрешал тебе отворачиваться!

В его руке привычно появляется хлыст. Резкий свист — и моя спина зажглась от боли. Одежда спасает от рубцов, но от боли — нет. За год супружества я свыклась с ней.

— Бей эту бесполезную тварь, бей! — радостно прошипел Мердоку любовник, подзадоривая.

И тот старательно лупил меня, не задевая лица, чтобы никто не узнал, как проходят наши супружеские ночи. Ведь семнадцатый лорд Дернейский ждет внуков, а их все нет и нет. Лорд

Калем опять просчитался. В первый раз принудил силой выйти за него чистокровную драку Амалию, во второй — выбрав садиста Мердока мне в мужья, сочтя его мягкотелым, слабовольным и управляемым. Только не учел его наклонностей, жадности и глупости. Моим мужем легко управлять, но таким манипулятором стал его любовник — мелкопоместный дворянчик из людей: сильный, властный и коварный. От домогательств которого меня спасло, помимо его пристрастий, еще и происхождение. Полукровок отец зятю не простит и убьет, не задумываясь. А Мердок — единственный чистокровный драк в замке, помимо лорда Калема.

* * *

Я металась на кровати, словно в горячке, и даже слышала лихорадочный шепот: «Не хочу слышать, не хочу видеть, не хочу, не хочу...»

Но кошмары не выпускали меня из жутких крепких лап. Словно кадры из фильма пробегали, иногда наслаиваясь, иногда резко сменяясь один другим...

«Семейная» жизнь Сафиры, без всякого сомнения, наказание любому за самые тяжкие смертные грехи. Избиения и «просмотр» порносцен с участием мужчин. Спать ее отволакивали в свою комнату под утро, а там белая как полотно Ноэль смазывала раны целебными мазями и приводила миледи в порядок, чтобы уже днем над ней продолжал издеваться отец.

Немного затихшая боль в ране вспыхнула пламенем, а перед глазами возникла новая картинка.

* * *

В огромном обеденном зале вдоль стен жалась перепуганная прислуга, рыцари были в замешательстве. А я замерла посередине, не отрывая взгляда от пола. Там, в луже крови, лежали трое — те, кто почти четыре года мучил меня изо дня в день, с перерывами на охоту и поездки в столицу, — Мердок и оба его любовника. В нескольких шагах от них стоял отец. Я видела лишь его сапоги и окровавленный меч, которым он только что разделался с теми, кто покусился на его земли, замок и жизнь. О, Всемогущий, давно я не испытывала такого облегчения, неистового счастья, как в эту минуту! Не выдержав, запрокинула голову и от души захохотала, выплескивая накопившиеся за пятнадцать лет боль и страх наружу...

Меч с грохотом выпал из рук захрипевшего отца. Впервые за несколько лет я решилась поднять взгляд от пола в его присутствии. Высокий красивый мужчина с буйной серебристой шевелюрой и яркими голубыми глазами, что стоял напротив — Калем Дернейский! Последний лорд этого рода и владелец Хемвиля! Уж я позабочусь об этом. Меня пронзила дикая радость, сродни экстазу, когда я увидела, с каким ужасом и отвращением отец смотрит на меня. Затем его скрутила судорога, следом другая. Схватившись за горло, отец обессилено просипел:

— Не могу дышать... у меня горит все внутри...

Огромный мощный лорд грузно упал на колени, голубые глаза выпучились от муки, а я продолжала стоять и с триумфом смотреть, наслаждаясь:

— Ты выбрал этого мерзавца мне в мужья! Ты открыл предателю ворота в наш дом. Ты легко прощал ему мои побои! И так же легко сам принял бокал с ядом из рук садиста! — Снова жутковатый сумасшедший женский смех, который вырвался из моей глотки. — Пришла пора платить по долгам, отец!

— Ты... — прохрипел лорд Калем, скрючиваясь от очередной волны боли.

Подошла вплотную, впервые без страха, низко наклонилась и шепнула в ставшее багровым от прилива крови ухо:

— Я, отец! Именно я подменила яд Мердоку. Он хотел, чтобы ты тихо — мирно уснул, не привлекая внимания. — Голубые глаза с красными прожилками вспыхнули пониманием и лютой ненавистью. — Но я не могу позволить тебе умереть так легко! Хочу, чтобы ты умирал медленно и мучительно, как я каждый день, пока жила рядом с тобой! Теперь ты прочувствуешь на себе, каково быть твоим ребенком. Быть Сафирой Дернейской!

Глава 5. Эсфадос

Кто?кто в теремочке живет?

Русская народная сказка «Теремок»

— Миледи, миледи очнитесь!.. — из кошмара, где застывшие голубые мертвые глаза заглядывали в самую душу, меня вырвала отчаянная просьба — мольба Ноэль.

— Успокойся, дитя! Она проснулась, ну все, ну все... Ноэль, успокойся... — тихо приговаривала сестра Аниза.

Я резко распахнула глаза, но находясь между сном и явью, продолжала шептать:

— Это не я! Это не со мной! Не я... не я... не со мной...

— Сафира, — прорыдала кузина, схватив мою ладонь. — Не бросай меня больше одну... пожалуйста, не бросай...

Я тряхнула головой, сбрасывая чужие кошмары. Теплая ладошка сестры по несчастью вернула самообладание и помогла успокоить бешеное сердцебиение. Буквально заставила себя раздвинуть губы в улыбке, но судя по страху, заполнившему несчастные глаза Ноэль, вышел предсмертный оскал. Мысленно одернула себя: «Я сильная, я справлюсь! Ведь даже смерть я победила, а тут кошмары какие?то! Фи!» И эта измученная, но преданная девушка теперь зависит от меня.

Глубоко вздохнув, преодолевая боль в ране, я просипела:

— Прости, сестренка! Снова напугала тебя. Прошлое легко забываться не хочет, но мы все преодолеем, не переживай!

Ноэль сквозь слезы улыбнулась, трогательно вытирая мокрые дорожки ладошками. Сейчас она даже не испугалась, что с ногами забралась на кровать. А ведь до этого даже присаживалась неуверенно. Словно не имела права.

— Вы еще что?то вспомнили, миледи? — осторожно подалась ко мне сестра Аниза.

— Да... уж... — тяжело вздохнула я. — Такое вряд ли совсем забудешь.

Монашка с подозрением уставилась на меня, невольно вызвав грустную усмешку:

— Поверьте, это словно чьи?то чужие воспоминания, разрозненные кусочки всего — навсего. Неясные образы... — Отметив некоторое облегчение в глазах пожилой женщины, устало добавила, чтобы избавить ее от сомнений. — Я не сумасшедшая!

Про себя же подумала: «Хотя иногда кажется, что — да!»

Аниза занялась моей раной, обрабатывая ее пахучими целебными мазями, читая молитвы и утешая меня. Закончив, добрая женщина удалилась.

Проводив ее взглядом и дождавшись, когда закроется дверь, я не удержалась и предложила:

— Знаешь, Ноэль! Давай спать в одной кровати, а то мне страшно даже глаза закрыть, вдруг снова кошмары увижу.

— Ваши кошмары — это наша жизнь! — обреченно заметила Ноэль и осторожно поинтересовалась, хлюпнув носом. — Что вы вспомнили?

— Свое четырехлетнее замужество и как вдовой стала, — буркнула я. Заметив хмурю складку между бровями юной драки, честно добавила. — Не поверишь, я испытываю несказанное облегчение по этому поводу.

Ноэль зябко передернула плечиками, слезла с кровати и налила мне кружку молока. Повинуясь моему настойчивому взгляду, наполнила вторую. Затем, взяв два ломтя хлеба с сыром, вернулась на кровать. После мы сосредоточенно ели, каждая думая о своем, и смотрели в камин, наблюдая как горят поленья. Моя душа успокоилась, я снова поверила, что все складывается хорошо: наконец-то враги сдохли в муках, туда им и дорога, а мы с кухней как-нибудь и без них проживем. И я уж постараюсь, чтобы счастливо!

На ужин Ноэль принесла мясо и проговорила, что дали его впервые с момента моего ранения. Мы объелись как слоники и сыто растянулись на постели. В камине весело трещал огонь; уже не мрачно, а таинственно горели свечи. Кухня, заметно воспрявшая духом, перестав дичиться и вздрагивать, устроилась поверх одеяла, и мы наслаждались покоем и теплом.

— Даже не помню, когда мне было так легко и спокойно... — неожиданно вырвалось у настрадавшейся девушки.

Посмотрев на нее с пониманием и сочувствием, я прощупала почву:

— Хочу о кое — чем спросить у тебя, мне важно это знать, — и предупредила, — но если не хочешь, не отвечай.

— Конечно, я отвечу на любые твои вопросы, мы же договорились, — встрепенулась Ноэль.

Я кивнула и, что называется, в лоб спросила:

— Ты смогла сохранить невинность в том ужасе, который творился в Хемвиле?

Девушка нахмурилась, пожевала губу, потом с грустной усмешкой ответила:

— Вы верно заметили, миледи... ужасе...

— Ноэль, давай перейдем на имена. Мне так будет легче. Приятнее ощущать себя не одинокой. Ты моя кухня, к чему эти формальности?

Она улыбнулась немного неуверенно, и все же выглядела польщенной.

— Давай... Сафира!

— Ну и... — напомнила ей о своем вопросе.

— Да, Сафира, невинность я сохранила. Ваш отец — лорд Калем — опасался, что может лишиться дочери... по разным причинам. И про запас держал для Хемвиля еще одну, хотя и не совсем чистокровную драку... Ведь я ваша родственница по мужской линии Дернейских. Значит, мою кровь замок тоже примет. Или моих наследников...

— Угу — выдавила я.

Ноэль, горько улыбнувшись, добавила:

— Меня не продали замуж, сберегли невинность, но каждый день любыми способами напоминали, что я всего?то жалкое подобие чистокровной, и в моей родословной люди поучаствовали больше, чем надо... Слабая, никчемная замена...

— В каком смысле — подобие? И почему слабая? — опешила я.

— Все чистокровные драки — серебряные или золотые. Женщины, у которых сочетаются сразу два цвета, как у тебя, энергетически очень сильные. Говорят, вы даже на землях драканов сможете жить долго и плодотворно. — Она тяжело вздохнула и закончила. — А я золотисто — русая. Слабая.

Утренние сновидения подзабылись, и я приготовилась слушать информацию об этом мире дальше.

— Ноэль, кто такие драки? Знаешь, давай ты мне расскажешь об Эсфадосе, а то из?за провалов в памяти ощущаю себя птенцом, не умеющим летать, но уже выпавшим из гнезда. Я буду задавать вопросы, чтобы связать свои воспоминания с твоим рассказом.

Она мягко улыбнулась, поправила подушку и выразила сомнение:

— Сложно описать Эсфадос, мне кажется, он необъятный...

— А ты кратко: кто здесь живет, кто с кем дружит или воюет, кто такие драки... Мне все интересно.

Ноэль, не подозревая, что мой интерес имеет иное происхождение, потеряла чешуйчатые виски, задумавшись, и принялась за просвещение:

— Твоя воспитательница учила, что наш мир огромный и делится на три части. Одна — полностью принадлежит людям, самой многочисленной расе, но не обладающей магией. На ней расположено много разных королевств, то и дело воюющих между собой. Вторая часть занята исключительно драканами. Они жуткие и владеют магией. Там нет королевств, драканы делятся на кланы, а возглавляет их совет кланов.

— Тоже воют? — уточнила я.

Ноэль перевела взгляд на меня и, отчего?то неожиданно смутившись, покраснела, затем, сглотнув, неуверенно продолжила:

— Не знаю — как между кланами, но с людьми и с нами нет.

— Почему? — удивилась я. — И... жуткие?

— Просто их не зря зовут темными. На территории драканов не многие могут жить, а тем более — долго, поэтому желающих проливать кровь за то, что, в конце концов, убьет — нет.

— А по какой причине? Земля чем-то заражена? — пришла мне в голову мысль.

Рассказчица говорила медленно, почему-то тщательно подбирая слова, а может просто вспоминая:

— Нет, их земли вроде бы высасывают жизнь из пришлых. А сами драканы спокойно там живут. В легендах говорится, что давным — давно бог темных наложил заклятье на подвластные ему земли, закрывая от посторонних, чтобы другие божества не смогли привить свой культ драканам. И те возносили молитвы ему одному, возвеличивая над другими. В более поздних легендах есть разные предположения. Например: огромное небесное тело упало на землю, изменив ее и создав самих драканов; темная магия, которой владеют драканы, влияет на их территорию. И еще много сказок и выдумок, но все сводится к тому, что чужакам у темных не выжить.

— Занятный народ... — протянула я. Потом, улыбнувшись, добавила. — Ты рассказывай, не отвлекаясь.

— Ну и третья — самая маленькая часть Эсфадоса — принадлежит дракам. Нас называют пограничниками, потому что наша территория находится между людскими и темными.

— А драканы от драков чем отличаются? — осторожно спросила я. — А то звучит похоже...

Ноэль, лежа на спине, положила ногу на ногу и, безмятежно покачивая ступней, снисходительно пояснила:

— Отличия есть и значительные. Они... слишком похожи на зверей. Смертельно опасных хищников.

— Тоже с чешуей? — выдохнула я, сгорая от любопытства.

Кузина бросила на меня насмешливый взгляд, подложила руку под голову, совсем расслабившись, и ответила:

— Больше, чем мы! В результате первой волны смешения драканов с людьми, их потомки получили светлый облик, сгладивший черты темных, и в то же время сохранили магию. В общем, они существенно изменились внешне, но не потеряли главного...

— Первая волна?

— Ну, я о схожем названии. Это неслучайно и объяснимо. Раньше на Эсфадосе жили драканы и люди. Человеческие миссионеры пытались раскрыть драканам глаза, что наш Триединый — милосердный бог и всех принимает под свое крыло. Говорят, нашлись те, кто проникся страстными убедительными речами, и на границе владений двух народов невольно началось смешение рас и религий. Так и появились первые драки — полукровки под знаменем Триединого. Темные не любят чужаков, поэтому драков не приняли, а отступников веры Темного бога выгнали из родовых кланов. Со временем образовалось Пограничье — Великое царство драков.

— То есть, мы владеем магией? Я владею? — прохрипела я, наконец, выдав задевшую мое сознание мысль.

— Конечно! Сафира, я же сказала, что чистокровные драки — потомки первых полукровок, чья кровь больше не разбавлялась человеческой, — сильные энергетически.

— Про энергию я понимаю, а вот про магию не совсем. В чем она заключается?

— В умении чувствовать и управлять энергетическими потоками земли! Но...

Дослушать Ноэль, я не успела: в очередной раз провалилась в чужие воспоминания.

* * *

Пушистые облака медленно плыли по вечернему небу, расцвеченному красками заката, прошитому лучами заходящего светила. Стайки птиц носились, наедаясь впрок и готовясь к ночи. Я стояла на площадке центральной башни замка, положив маленькую хрупкую детскую ладошку на каменный «зуб» ограждения, остро ощущая прохладу камня и мелкие песчинки, которые впивались в кожу.

— Сафи, доченька, ты чувствуешь его? — прозвучал рядом нежный женский голос.

Я повернула голову и увидела невероятно красивую золотоволосую женщину в желтом бархатном платье, украшенном черной вышивкой на груди и подоле. Мама — леди Амалия!

В ее золотых глазах светилась любовь и... затаенная печаль.

— Камень холодный, мама! — ответила я.

Леди Амалия подошла ко мне вплотную и обняла, прижав к животу и защищая от пронизывающего ветра. Затем положила свою ладонь на мою и тихо произнесла:

— Детка, в твоих венах бежит чистая кровь лордов Дернейских — владельцев замка, построивших его. Придет время, когда Хемвиль будет полностью принадлежать тебе! Это значит, что даже камень на твоей земле не может быть холодным. Надо лишь прислушаться к себе, открыться внутренне, будто потайную дверцу в груди найти и позвать поток... обогреть, поделиться своими чувствами...

— Но почему? — удивилась я. — Это всего лишь камень...

За мягким ласковым смехом последовал поучительный ответ:

— Сафи, просто прими для себя и запомни! Хемвиль — часть тебя, когда ты созреешь как женщина, сможешь чувствовать его, и может быть, даже полюбишь...

— Как ты? — тихо спросила я.

Мама тоскливо посмотрела вдаль, словно всей душой желала улететь туда. На серебристых чешуйках, украшавших ее лоб и скулы, отразились красноватые отсветы заката, придавая ей таинственности и в то же время — мрачности. Блестящие желтые глаза смотрели печально. Она обвела рукой все, что виделось с этой башни, и заговорила:

— Посмотри на окружающую красоту! Каждая драка — это источник силы, который питает землю энергией. От драки зависит, насколько богат и щедр этот источник. И чем больше ее любовь к своей земле и дому, тем плодороднее край, богаче жители и владельцы. Наши женщины — словно матери или возлюбленные для своих земель и замков. Благодаря нам веками стоят крепкими здания, в год собирают несколько урожаев. Вспомни, ведь не зря же из

человеческих королевств к нам стекаются новые вилланы, желающие жить здесь, растить своих детей в довольстве и сытости. Приграничье — благодатный край для земледельцев и ремесленников...

— А ты любишь Хемвиль? — совсем тихо спросила я.

— Нет, но ради тебя я отдаю ему причитающееся! Не бойся, тебе достанется хорошее наследство.

— А почему не любишь? — Я обняла тонкую талию матери, прижимаясь к ней.

— Когда повзрослеешь, ты поймешь почему. — Леди Амалия тяжело вздохнула. — Просто... к земле драку, не рожденную на ней, может привязать либо любовь к ее владельцу, либо брачный союз, связанный кровью, через детей. Поэтому будь осторожна со своими чувствами.

— Я знаю, ты не любишь папу! — запальчиво буркнула я, уткнувшись лбом маме в живот.

Ладони леди Амалии легли мне на голову и привычно погладили, зарываясь в волосы.

— Он заставил меня выйти за него замуж. Я любила другого мужчину, но права выбора мне не дали... — в ее глухом голосе звучала застарелая обида.

— Мамочка, но зачем же заставлять? Разве можно заставить любить? — удивилась я.

— Чистокровных драк все меньше, а желающих иметь процветающее богатое хозяйство все больше. У людей периодически случаются то войны, то голод, а урожайные поля и тучная скотина в наших приграничных землях вызывают зависть... Мы чаще смешиваемся с людьми, и женщины, рожденные от таких союзов, теряют способность влиять на землю. Твой отец... — Амалия снова тяжело вздохнула, подбирая слова. — Хемвиль после набега стоял разоренный, твои бабушка и дедушка погибли. Калем тогда служил правителю соседнего королевства и по возвращении пришел в ярость. Бедным он быть не привык и не желал оставаться таковым. Мужчины драки «пустые», источники в женщинах, и чтобы восстановить этот замок и землю, нужна была сильная хозяйка, чистокровная... Другие свободные драки принадлежали крепким семьям и надежно охранялись, а я... а меня просто выкрали и вопреки воле привязали к Хемвилю.

— Мамочка, я тебя очень — очень люблю! За всех сразу... — шепнула я, стискивая ручками мамину талию.

— Я знаю, свет мой. И потому спасла поместье от разорения и... — она оборвала себя на полуслове, а затем сменила тему. — Посмотри, — снова обвела рукой вокруг, — все это твое до самого горизонта!

— Пока еще мое! — прозвучал за нашими спинами грозный голос отца. — Хемвиль вряд ли достанется Сафире!

— Почему? — вкрадчиво прошипела леди Амалия, пряча меня за спину.

— Потому что следующим наследником станет восемнадцатый лорд Дернейский, а не девчонка.

— А Сафира как же? — тихо, с угрозой спросила мама. — Или продашь подороже, как свою тетку?

— Не тебе решать, Амалия! — злобно рыкнул отец. — Твоя обязанность — родить мне наследника!

— Этого не будет никогда! Судьбу моей дочери я не позволю испоганить! — гордо заявила леди Амалия

— Сафира, иди к себе! — в гневе приказал лорд Калем.

Мама подтолкнула меня к лестнице, хоть я и сопротивлялась, и ласково шепнула на ухо:

— Иди, малышка, я позабочусь обо всем.

Спускаясь вниз по лестнице, я оглянулась. Ветер трепал подол желтого мамино платья, казалось, что она бьется, словно птица, и никак не может взлететь. В тот день я в последний раз ощутила тепло, ласку и любовь. И главное — видела мамочку живой! Но она сдержала слово: позаботилась о том, чтобы Хемвиль стал только моим. Пусть и жестоко!

* * *

Я проснулась, когда свет уже не проникал сквозь щель в ставнях. За окном, надо полагать, вечер, потому что свечи еще горят. Брови уснувшей рядом Ноэль даже во сне были тревожно сведены к переносице. Укрыв подопечную одеялом, погладила ее по русой голове. Бедные, бедные девочки Сафира и Ноэль! Сколько же им пришлось пережить в этом мире?! А главное — что еще предстоит пережить самой?

Тяжело вздохнув, тут же ощутила, как болезненно напрягаются мышцы вокруг раны, села, а затем, осторожно спустившись с кровати, побрела к стоявшему в углу ночному горшку. Пока устраивалась на нем, поняла, что из-за ранения за две недели вынужденного покоя это тело пришло в плачевное состояние. Я буквально по стене сползала на чертов средневековый туалет. Не — ет, в таком калечном состоянии в суровом мире выжить нельзя. Надо приводить себя в порядок! С момента как очнулась, я, наконец, полностью освоилась с новообретенным телом. Еще бы память прежней хозяйки научиться контролировать, взывая к ее закромам исключительно по необходимости, а то пока получается только отключаться.

На трясущихся от слабости ногах добралась до сундука, на котором стоял поднос с едой, пристроившись с краю, поужинала. Теперь основная задача: восстановиться как можно быстрее.

В слабом свете свечей минут пять снова изучала свое лицо в зеркале, привыкая, «обживая», принимая себя. Дрожащие в пламени свечей тени играли на моем осунувшемся лице. Желтые глаза поблескивали нездоровым блеском, а темные круги подчеркивали усталость и бледность. Поскребла чешуйки на лбу и висках, и невольно хихикнула — щекотно. Погримасничала и показала самой себе язык. Потрогала золотисто — серебристую копну спутанных во сне волос на макушке — мягкие и в тоже время упругие. Отложив зеркало в сторону, раздвинула широкий ворот рубахи и присмотрелась к рубцу под грудиной. Хорошо заживает, вероятно, со временем останется лишь небольшой белый шрамик. Осталось узнать: откуда он взялся?

Столько вопросов, на которые, пока не знаю ответов. Ноэль спит, а я трясусь от страха, только что костями не гремлю. Меня до дрожи пугает этот средневековый мир. Страшит неопределенность моего положения, а радуется только статус вдовы. Если исходить из собственных знаний земных законов «того» времени, то статус вдовы должен давать больше свободы, независимости и нести меньше условностей. Но с учетом реалий Эсфадоса ничейная чистокровная драка с целым замком в придачу может вызвать нездоровый ажиотаж среди

мужского населения и различные неприятности. А нас с Ноэль таких двое — «золотых» курочек. Боже, где я очутилась?! Сама почти беспомощный ребенок в этом мире, да еще и ответственность за одинокую несчастную девочку лежит.

Обхватив свои худенькие костлявые плечи, передернулась от холода и сырости этого почти подземелья. Невольно решила, что в монашки точно подаваться не хочу, даже в крайнем случае! Добровольно заключить себя в этом склепе... Нет уж.

Сделала над собой усилие, чтобы встать, и начала ходить от одной стены до другой и обратно. Мышцы надо разрабатывать — это я хорошо помнила; аппендицит мне вырезали лет в шестнадцать и подняться заставили уже на следующий день. Пошаркав туда — сюда, согрелась и устала, выпила молока и улеглась спать. Все, с завтрашнего дня, начинаю новую жизнь!

Глава 6. Брачный браслет

— Он должен был понять, что это кольцо не в моём вкусе. Как я могу выйти замуж за мужчину, который не знает моего вкуса?

— Вот именно: не то кольцо, не тот мужчина.

Секс в большом городе

Приоткрыв глаза, я осмотрела келью — никого, а за окном утро: в узкой полоске солнечного света, проникавшего в щель между ставнями, плясали пылинки. Доносился монотонный шум монастырской обители: приглушенные голоса, шорох шагов, звуки, издаваемые домашними животными...

Вытащила из-под одеяла руки и потянулась, сладко зевнув. Мое внимание опять привлекли браслет и кольцо на правой руке. Оригинальные, красивые, но уж слишком громоздкие. Повертела браслет на запястье. Не снимается, видно, с секретом. Тяжеловесное необычное украшение довольно сильно мешалось, мало того, золотая цепочка, тянущаяся к кольцу на пальце, доставит дополнительное неудобство. Браслет сполз до самой кисти, цепочка провисла и наверняка будет цепляться за все при неосторожном движении.

Пока я размышляла, как избавиться от произведения здешнего ювелирного искусства, пришла Ноэль с завтраком. Я с удовлетворением отметила, что сегодня она хорошо одета, шла легко, как и положено девушке, не хромала и, судя по неподдельной светлой улыбке, была рада меня видеть бодрствующей. Хотя, присев на кровать, с намерением вместе позавтракать, она все же бросила неуверенный опасливый взгляд, проверив: вдруг я изменила свое мнение о нашем равенстве.

— Доброе утро, сестричка! — Я широко, от чистого сердца, улыбнулась. — Что нам дали на завтрак?

И снова девушка посмотрела на меня с робкой надеждой, на ее бесхитростном лице открыто читалось: «Только не меняйся снова в худшую сторону, не бросай меня одну».

— Кашу, Сафира! И свежего хлеба с медом. Сестра Аниза сказала, что он вам сейчас особенно полезен.

— На все согласна, такая голодная, — потерла я ладошки в предвкушении.

Запивая последний кусочек хлеба ягодным отваром, в который мы по моему совету добавили

меда, чтобы получился морс, я поинтересовалась:

— Ноэль, подскажи, как этот браслет снять? — Досадливо потрясла кистью и раздраженно добавила. — Он тяжелый, болтается и мешает...

Девушка откинула русую косу назад, наклонилась над моей рукой, потрогала браслет и удивилась:

— Хм, странно! С момента активации держался как влитой, его даже сдвинуть с места было невозможно. Насколько я поняла, он не должен так болтаться. — Ноэль подняла на меня глаза и хрипло добавила. — Пока ты не очнулась, он не двигался. И мешал за тобой ухаживать...

Не видя причины для испуга, что отразился в глазах сестры по несчастью, я пожала плечами, предположив:

— Наверное, похудела сильно.

— Да, похудела ты сильно, но... — она замолчала, подбирая слова.

— В любом случае, не страшно! — решительно заявила я. — А будет дальше мешаться, распилим и снимем! Просто любопытно, как его вообще мне на руку одели? Тем более, если раньше я была не такой тощей...

С улыбкой посмотрела на Ноэль, ожидая поддержки, но та побледнела и испуганно уставилась на меня, по всей вероятности, не зная как ответить.

Сглотнув от плохого предчувствия, с трудом поборов желание втянуть голову в плечи, выслушивая очередные плохие новости, я жалобно попросила:

— Ноэль, говори уж как есть. Лучше сразу и сейчас, чем потом, когда будет поздно.

Она нервно хихикнула, затем сморщила нос, сняв поднос с моих коленей, переставила на табурет возле постели и выдохнула:

— Уже поздно!

— В каком смысле? — хрипло переспросила я.

— Снимать поздно, миледи!

— Да говори ты толком! — не выдержала я напряжения, — и без «миледи».

— Это брачный циль! Который нельзя снять, распилить тоже. После активации можно удалить лишь с рукой обладателя, либо умереть вместе с ним. Его на тебя одел муж во время церемонии бракосочетания.

Какое облегчение! Ощущение, что гора с плеч свалилась!

— Ну ты меня напугала.... — выдохнула я с улыбкой, даже не заметив, что затаила дыхание, пока слушала. Рассмеялась и махнула рукой, беззаботно заявив. — А, пусть висит! Мой муженек — мерзкий голубой садист — к счастью, помер, так что этот наручник будет приятным напоминанием о моем избавлении.

Взглянув на погрузневшую рассказчицу, я резко перестала смеяться и, похолодев в

предчувствии очередной пакости, тихо спросила:

— Я еще чего?то не знаю?

Драка облизала губы, а потом словно в прорубь нырнула:

— Миледи, вы стали вдовой лорда Мердока Револейского и одновременно умер ваш отец. Лорд Калем планировал жить долго, управлять Хемвилем, командовать вами с мужем. Более того — передать право на имущество своему будущему внуку, потомку лордов Дернейских. И, понятное дело, не успел заявить вас как независимую наследницу...

— И что? — хрипло спросила я. А потом предположила. — Мы лишились наследства?

Ноэль опустила голову, сжала кулаки на коленях и ответила:

— Это невозможно по закону Великого царства драков. Вы — единственная прямая наследница, а я имею право второй очереди. Но найти способ обойти любой закон всегда можно.

Остаться без поместья, конечно, нежелательный вариант, но сейчас мне показалось — это не самое худшее, что может произойти. И содержимое окружающих сундуков я видела. Так почему же родственница стала бледнее простыни?

— Быстрее, Ноэль, а то, того и гляди, стемнеет, когда я, наконец, разужнаю все подробности. — Мягко попеняла я.

Девушка, все так же, не поднимая взгляда от своих кулаков, тихо ответила:

— Лорд Хасин Револейский, дядя вашего покойного супруга, заявил право на вашу опеку как ближайший родственник. Хемвиль теперь под ним...

Я снова с облегчением выдохнула, только уже не спеша радоваться — мало ли что.

— Милая, с нашими талантами на землю влить, мы голодными не останемся. И драгоценности у нас есть... продадим. Проживем как?нибудь и без Хемвиля!

Драка усмехнулась устало и пугающе мрачно. А потом бесцветным голосом напомнила:

— Сафира, я же сказала: ты наследница Хемвиля. Пока ты жива и свободна, он не смог бы чувствовать себя в безопасности, по — хозяйски распоряжаясь замком.

— Это он меня пытался убить? — догадалась я, обмирая.

Ноэль вскинула на меня удивленный взгляд, тряхнула головой, по всей видимости, вспомнив о моей «амнезии». Поморщилась так знакомо и добила:

— Нет! Ты сама... себя пыталась убить!

— Я?.. Сама?.. — у меня даже в голове не укладывалось.

— Да! — кивнула драка. — Я видела своими глазами. Хотя остальным сказали, что на тебя напали грабители.

— Но почему? — ужаснулась я, хотя, припомнив чувства, когда душа несчастной Сафиры мимо

пролетала, поняла почему. У меня невольно вырвалось недоумение. — Ведь... она... получила свободу...

— Свободу? — едко процедила Ноэль. — Свободы у нас не было и никогда не будет! — затем запальчиво и торопливо начала выкладывать все остальное. — Хасин, узнав о смерти твоего отца, поторопился к нам в замок. Сумасшедшая, смертельно опасная женщина под боком ему не нужна, вот он и... согласился.

— На что?

— Избавиться от тебя и... меня! — Драка вскочила с кровати и, тяжело дыша от волнения и злости, продолжила возмущаться. — Убил двух уток одной стрелой! Тебя, в сущности, подарили темным, отдав за чисто символическую плату, а меня отправили следом за сумасшедшей, якобы для пригляда, а на самом деле... чтобы загнулась там... на темных землях. Вот и нет двух наследниц, и Хемвиль по закону достанется безземельному подлому Револейскому. Лорд Калем, наверное, никогда не сможет упокоиться с миром, ведь его родовое гнездо больше никогда не достанется Дернейским. Ну и поделом ему, за грехи и черное мертвое сердце!

Я слушала горькие речи Ноэль, впервые за время, проведенное с ней, увидев ее столь возбужденной и неистовой, и чувствовала, что меня тоже колотит от злости и обреченности! Я — подарок? Бонус? Теперь понятно, почему Сафира предпочла умереть. А как мне жить дальше? Что делать подарку темным? Тем, которые, по словам Ноэль, хуже зверей...

— В каком смысле — подарили? Разве можно подарить аристократку? Наследницу огромного состояния? Ты же сама сказала, что я... что мы... — мой голос дрожал от страха, подкативших к горлу слез и ярости.

Девушка сникла, а я, опершись ладонями о постель, подалась к ней, ожидая ответа, который жизненно важен для меня. Она присела на краешек кровати и голосом, лишенным эмоций, очевидно устав сопротивляться судьбе, начала рассказывать:

— На похороны сразу двух лордов в Хемвиль неожиданно явился глава одного из кланов драканов... Ваши поместья расположены по соседству вдоль Великой реки Пограничья. И стоило распространиться новости, что земля с нашей стороны потеряла владельцев, он забеспокоился. А в замке, узрев тебя, возжелал. Я видела его плотоядный взгляд, которым он буквально поедал твое тело... следил как хищник...

— И что? — я невольно передернула плечами. — Ты же сказала, что драконы не любят чужаков? Даже драков, по сути, иноверцев. И не пускают на свою территорию.

Ноэль горько хмыкнула:

— Ты двухцветная, сильная драка, Сафира. И этим все сказано!

— Я не понимаю... — в отчаянии воскликнула я.

— За рекой начинаются горы и простираются на многие — многие лиги вокруг. Ты чистокровная двухцветная драка, которая сможет принести пользу тому дикому краю.

Сделать его более плодородным, богатым... За это можно простить твою «светлость» и смешанную кровь.

— Ноэль, подожди! Но на темных землях другим не выжить, ты сама сказала!

— Можно! Такой как ты — можно! Если тебя привязать кровью к земле. Кровью дракана и детьми от него! Как они сказали, ты легко справишься с влиянием их земли и магии. Хотя этим обещанием они заметно огорчили дядюшку Мердока. Он?то размечтался вскоре похоронить оставшихся в живых наследниц Дернейских.

Я в ужасе обхватила ледяными ладонями свое лицо и сипло выдохнула:

— Но почему? Ведь этому клятому Хасину я как чистокровная тоже нужна. Зачем ценными кадрами разбрасываться?

— Чем? — не поняла Ноэль.

— Женщинами, способными сделать его богатым! — спешно поправилась я.

— Если бы ты помнила себя до... ранения, то поняла бы. С тобой прежней договориться было невозможно, — Ноэль тяжело вздохнула. — Ты пыталась убить Хасина, едва тот заикнулся, что возьмет над тобой опеку. Хемвиль был почти в твоих руках, ты громко кричала, что свободна...

— А ты? — тихо спросила я, обрывая ее. — Почему тебя... отдали?

— Не знаю, Сафи! — устало ответила она. — Служанки шептались, что дядюшка Мердока не далеко ушел в интимных пристрастиях от племянника. И как такому же безземельному дворянину, ему будет достаточно того, что принесет Хемвиль и без хозяйки. Люди же как?то живут... А я... а я — твоя тень, и многие считают, что тоже... такая же.

— Ясно! — выдохнула я, — что теперь?

— В каком смысле?

— Зачем я... темному хищнику дракану? — я словно погружалась в беспросветный мрак.

Ноэль в который раз пожала плечами, задумчиво покусала полную нижнюю губу и осторожно ответила:

— Я подслушала разговор Хасина с его помощником. Он чуть ли не плевался желчью, когда говорил, что драканы такие же ненормальные, как и... — девушка запнулась, — ...ты. Если чего?то сильно захотели, с пути не свернут. Поэтому люди и драки очень осторожно ведут с ними дела, чтобы врагов в их лице не наживать, а то убьют или отомстят...

— Простое желание плоти? — усомнилась я.

Ноэль поморщилась, она, видимо, к сексу относилась с огромным предубеждением. Но уверено парировала:

— Хасин с помощником тоже удивлялись, отчего дракан крепко на тебя запал, ведь красивых баб много... Но захотел он тебя и все...

— И в качестве кого меня подарили темному или сразу всем темным? — готовясь к самому жуткому, спросила я. Потрясла рукой с украшением и добавила. — Это браслет невольницы?

Голубые глаза Ноэль распахнулись в искреннем недоумении. Бесспорно, моя попытка пошутить была совсем дурацкой.

— Это брачный браслет драканов — цель! Уже почти три седмицы назад вы стали супругой

гранта Сэбиана Керо. Теперь вы миледи Сафира Керо — хозяйка целого клана темных.

— Женой? Снова? — придушенно выдохнула я.

А дальше память Сафиры вновь поглотила меня и выбросила среди очередного кошмара.

* * *

Свет факела разгонял темноту в каменном коридоре, пламя буквально лизало стены, позволяя рассмотреть бесконечные щербинки и копоть. Приподняв тяжелый подол теплого шерстяного платья, я спустилась по спиральной лестнице вниз, за идущим впереди мужчиной. Одним из прибывших вместе этим ублюдком — Хасином Револейским. Чувствовала омерзительный запах пота, исходивший от сопровождающего, и внутри меня почти осязаемо восставала неистовая, всепоглощающая ненависть к нагрывшему в Хемвиль явно с целью чем-нибудь пожить родственному. Но ничего, я позабочусь и о тебе, дядюшка. Отправлю вслед за племянничком, своим бывшим никчемным муженьком...

Сзади раздавались робкие шаги и шелест платья: Ноэль привычно следовала за мной. Мне кажется, она уже настолько свыклась со статусом моей тени, что не мыслит своего жалкого существования иначе.

Наконец, ступеньки закончились, мы вышли на площадку, ведущую в замковый зал. Сюда доносились гул голосов, звяканье посуды и кубков, а из-за вечных сквозняков — вонь немых мужских тел и запах горящих свечей и факелов. Ненавижу мужчин, будь они все прокляты!

Слава Триединому, мне не к обедавшим «гостям» и замковым рыцарям! Спрятав сжатые кулаки в складках ткани, не торопясь, вошла в бывший кабинет отца, дверь в который располагалась с правой стороны от лестницы. После похорон эта комната моя! Да, в первые дни пришлось заставлять себя приходить сюда, где меня столько лет частенько наказывали хлыстом или тяжелым кулаком. Но теперь я свободна, теперь я хозяйка, теперь я... Свобода пьянит похлеще хмеля, заставляет кровь бурлить, а сердце в груди — гореть от долгожданного счастья.

— О — о-о, дорогая племянница, благодарствую, что соизволила почтить нас своим присутствием... — язвительно, насмешливо приветствовал меня лорд Хасин Револейский.

— Только за тем, чтобы напомнить: тебя здесь лишь терпят! — тихо, но с угрозой прошипела я.

Привычно глядя в пол, увидела, как ко мне приближаются темные сапоги из кожи прекрасной выделки. И едва не задохнулась от тяжелой удушливой волны бешенства: полуниций Хасин посмел рыться в вещах отца. Не важно, что месяц назад, после похорон, я хотела сжечь все, что напоминало о покойном родителе. Все равно, наглый приبلудный драк не имел права трогать здесь что-либо без моего позволения. Тем более — заходить в кабинет... мой.

— Так думаешь только ты, Сафира! А вот остальные знают, что Хемвиль теперь мой! — прошипел над моим ухом родственник проклятого богами Мердока.

Я заставила себя медленно поднять голову и посмотреть в ледяные голубые глаза выскочки, даже не обратившегося ко мне, как положено к леди, замыслившего отобрать у меня свободу, и предупредила:

— Прежде чем Хемвиль станет твоим, ты сдохнешь, как твой племянник!

Позади испуганно всхлипнула Ноэль, но я не обернулась. Хасин пропустил угрозу мимо ушей, скривил породистое лицо в мрачной усмешке и придвинулся вплотную, нависая, подавляя. Я лишь злобно рассмеялась. Мужчина вздрогнул, но видимо, собственный страх передо мной, взбесил его. Обхватил мой подбородок сильными длинными пальцами, не позволяя вырваться, и прорычал в лицо, обдавая запахом чеснока и брызжа слюной от переизбытка эмоций:

— Вчера, я дал согласие на твой брак с драканом. Грант Керо выразил желание забрать тебя в свой клан. Наши земли граничат вдоль Великой реки. А таким как он не принято в чем-то отказывать. Так что...

Я изловчилась и оттолкнула от себя Револейского с такой силой, что он покачнулся и чуть не упал, отступая.

— Ты не можешь распоряжаться моей жизнью! Никто больше не может. — Заорала я в гнев. — Я свободна, я...

— Лорд Калем не успел подтвердить твое независимое наследование Хемвиля. — С мрачной удовлетворенной ухмылкой процедил Хасин, поправляя на себе камзол. — А я ближайший родственник по мужской линии. Так что, как опекун высокородной чистокровной драки, по закону могу дать разрешение на брак подопечной без ее на то согласия!

В голове зашумело, в глазах потемнело от всепоглощающей ярости, злобы и ненависти. Выхватила из потайного кармана платья тонкий кинжал и кинулась на ненавистного лорда, посмеявшегося не только ограничить меня в правах, но и продать дракану. Кошкой прыгнула ему на грудь и замахнулась для удара в самое сердце. Но противник оказался расторопным и успел отклониться. Мы упали и катались по полу, пытаюсь вырвать один у другого оружие и запутываясь в полах моего платья. Через несколько секунд борьбы — скорее всего лютая ненависть придала мне сил справиться с мужчиной, не ожидавшим подобного от леди, — я всадила клинок ему плечо и взревела от торжествующей злобы и ненависти... Недолго! Меня схватил под мышки и оттащил ворвавшийся в кабинет главный прихвостень, вероятно и любовник, Хасина.

Краем глаза я заметила прижавшуюся к стене Ноэль, белую как полотно, круглыми от ужаса глазами наблюдающую за происходящим. К моему глубокому сожалению, раненый лорд с перекошенным от страха и боли лицом, шипя сквозь стиснутые зубы, вытащил кинжал из плеча и отбросил в сторону. Зажав рану, Хасин прохрипел:

— Обряд бракосочетания с драканом состоится завтра! Он торопится домой!

— Я прикончу тебя! Слышишь, зарежу как свинью... я...

Мои крики он оборвал с мрачной решимостью:

— Попробуй только отказаться завтра принять его брачный браслет — пожалеешь, что родилась на свет. Если ты хоть слово скажешь против, пока находишься в Хемвиле, сожгу и тебя, и замок следом. Если он не достанется мне, значит — никому!

— Тебе не позволят, — прорычала с ненавистью, — я...

— Мне? — захохотал новоявленный хозяин, потом скрипнул зубами от боли. — Ты — сумасшедшая баба, и каждый в округе об этом знает. Да половина обитателей замка считает, что ты проклята. Что весь ваш род Дернейских проклятый. Пятнадцать лет назад земли Хемвиля ломались от богатых урожаев. Но Амалия, зарезанная твоим полоумным жадным

отцом, в могиле, и что теперь творится здесь?

Не в силах молча вынести такого обвинения, невольно оправдалась, словно передо мной снова стоял отец:

— Я не успела войти в полную силу... и все из-за Мердока! А теперь позабочусь о своей земле, она опять станет богатой и... — замолчала, увидев холодный презрительный взгляд ненавистного драка.

Он схватил старую, вышитую еще мамой скатерку с тумбы и, приложив к раненному плечу, процедил:

— Тебя хочет взять в жены Керо. И мне нет резона отказывать дракану в его желании. Решение принято!

Я сжала кулаки, потому что руки безнадежно дрожали, и просипела, потому что горло свело от отчаяния и злости:

— Рассчитываешь, что я там сдохну?

Хасин скривился в злобной усмешке и предупредил:

— На все воля Триединого. Но запомни, если пикнешь хоть слово завтра во время обряда, то послезавтра вместе со своей тенью Ноэль взойдешь на костер. Я всем докажу, что вы черные колдуньи и продались темным. — Поморщившись от боли в плече, он мстительно добавил. — Этого жениха сюда сам бог послал. Теперь ни один виллан не поверит, что дракан от нечего делать в Хемвиль пожаловал. Этих зверей боятся как огня. А если откажешь ему, твоя же челядь мне поможет. Сначала сдерет с собственной хозяйки шкуру, а потом медленно поджарит!

— Что б ты сдох, проклятый! — взвыла я и вновь кинулась на него.

Не судьба — по темечку досталось тяжелым кулаком. Погружаясь в темноту, я услышала:

— После тебя, Сафира!

Глава 7. Замуж выйти не напасть

Не рань того, кого не можешь убить.

Человек — паук 3

Беспомощно болтаясь между сном и явью, я слышала, как рядом Ноэль сквозь слезы шептала молитвы, поглаживая меня по руке, а память Сафиры между тем подбрасывала новые и новые эпизоды из ее невыносимо тяжелой и безрадостной жизни. Наконец рассмотрела отражение миледи в высоком мутноватом зеркале: стройная молоденькая блондинка с бледной кожей, одетая в красное парчовое платье, обильно вышитое черными рунами. Память бывшей владелицы тела услужливо подсказала — это традиционный свадебный наряд драки, и я уже второй раз за небольшой промежуток времени надеваю его. Невеста медленно перевела взгляд и внимательно посмотрела в глаза своему отражению, а я в этот момент мысленно вздрогнула от страха. Таких пустых, словно мертвых глаз не может быть у живого человека, пусть даже и нечеловека. В сумрачном свете комнаты черный росчерк зрачка расширился, сделавшись пульсирующей, зловещей, безумной щелью на золотом фоне радужки, а черты лица словно

окаменели, превратившись в мраморную маску вечного страдания и муки.

Неужели она выглядела вот так? Я выглядела вот так?..

Затем я оказалась в огромном зале Хемвиля, и глубокий, хрипловатый мужской голос, пробирающий до самых костей ледяным тоном, за моей спиной поинтересовался:

— Вы и впрямь полагаете, что я соглашусь пройти обряд в вашей часовне? Я — темный гранд! Мы договорились о брачном союзе по традициям драканов!

— Милорд, вы должны понимать, что леди Сафира Револейская, урожденная Дернейская — драка. Подданная нашего Великого царства. — Вкрадчиво заблеял Хасин Револейский, от чего мое тело задрожало в неистовой, плохо контролируемой жажде убийства, но треск поленьев в очаге заставил остановиться перед последствиями необдуманных шагов. — И соблюдение всех условностей ее бракосочетания необходимо, прежде всего, для вас.

За зловещим глухим рыком последовало безапелляционное заявление, высказанное тоном, от которого спина покрылась холодным потом:

— Я согласен на вашего священника, но церемонию проведем в этом зале!

В мыслях царили паника и ужас. Этот зверь не Мердок, с таким не справишься, а яды на драканов не действуют. Не убить, не убежать, не... И снова каждую ночь начнутся мучения, да только Керо отнюдь не слабый никчемный драк. Этот будет драть мою плоть когтями, рвать клыками и... удар плетью покажется всего — навсего укусом комара в сравнении с возможностями дракана.

Та Сафира задыхалась от страха, едва не теряя сознание, а я, лежа на кровати, погруженная в ее воспоминания, пыталась разжать стиснутые зубы и глотнуть воздуха, наполненного запахом свечей и горящих в камине дров. И вырвать себя из чужих кошмаров, но никак не выходило...

Десятки безликих силуэтов вокруг — челядь, рыцари и самые богатые вилланы Хемвиля явились засвидетельствовать следующий брак наследницы поместья. Лорд Револейский, стоящий рядом, выглядел не лучшим образом: бледен и покрылся испариной. Полученная накануне рана доставляет ему массу хлопот, а мне — злбную мстительную радость, еще и потому, что рассказать о ранении он никому не может. Вдруг грант Сэбиан Керо передумает брать буйную сумасшедшую в жены? Тогда чудесный «божественный» план родственничка — опекуна по захвату наследства Дернейских рухнет в одночасье. А я... я застыла до полной неподвижности, до спазма в горле. Но это к лучшему, потому что открыть рот означает приговорить себя к сожжению. Проходимец Хасин непременно выполнит угрозу. Ведь ему все равно, каким образом захватить мое наследство. Но молчание — это тоже смерть, только души. Медленная и не менее мучительная, чем на костре.

Из лихорадочных раздумий вырвал голос священника, объявившего меня супругой... дракана. Две огромные смуглые руки с когтями, которые будут калечить мое тело, обхватили кисть. Одели на палец кольцо и защелкнули на запястье браслет. Едва слышный щелчок отозвался в моих ушах, словно грохот засовов на клетке в подвале замка, и угрожающим эхом разнесся до самых потаенных уголков души. Дальше я в ужасе, не в силах пальцем пошевелить, наблюдала, как дракан когтем порезал свою ладонь, а затем, заставив вскрикнуть, — мою. Соединив наши руки, смешивая кровь, тягуче запел...

«Проклятый, проклятый, проклятый... — все внутри меня кричало от омерзения, — ...проклятый темный, черный маг!»

Запястье горело под браслетом, будто я уже на костре, а металл побелел, смыкая края навечно, становясь монолитным и буквально сплавляясь с моей кожей. Черный колдун, проклятый дракан и моя погибель...

— Теперь мы связаны, Сафира! — надо мной раздался глухой ненавистный голос. Темный коготь коснулся кольца на моем пальце. — Это моя душа, она привязана к тебе. Пока ты жива, для меня не будет другой женщины. — Затем, скользнув когтем по цепочке, скрепляющей два украшения, указал на браслет и прошептал на ухо, обдавая кожу горячим дыханием, лишь чудом не заставив меня отскочить в сторону от отвращения. — А этот браслет теперь крепко держит твою душу в моих объятиях и для тебя не будет другого мужчины.

Я больше не могла сдерживаться, и маленькая девочка во мне зашептала, мысленно отстраняясь от всего: «Не хочу слышать, не хочу видеть, не хочу, не хочу...» Так легче выжить, так проще пережить.

Мою руку отпустили с неохотой, так и не дождавшись ни одного слова. Я резко отшатнулась в сторону, не посмев поднять на нового мужа глаза, чтобы как следует разглядеть. Внутреннее, свихнувшееся и запуганное «я» видело не то темную, смертельно опасную фигуру, не то черную статую из камня, которая грозила задавить без сожалений, без раздумий. И тьма накатывала волнами, заставляя задыхаться от безысходности и отчаяния: выхода больше нет, выбора нет, а свобода, поманив призрачным крылом, растворилась в небытие...

Я проиграла все и окончательно! Прости, мама, я подвела тебя, не исполнила твою мечту. Хемвиль никогда не будет моим. Твоя смерть была совершенно напрасной. Как и мои мучения!

* * *

«Прости, прости, прости...» — невольно шептали мои губы, а сознание мучительно выпутывалось из чужих, липучих, словно паутина, сумерек.

— Сафи, очнись, пожалуйста, очнись... — плакала рядом Ноэль.

Наконец, я открыла глаза и прохрипела:

— Дай, воды, пожалуйста.

Затем, захлебываясь и обливаясь, глотала живительную влагу, смачивая пересохшее от волнения горло, смывая горький привкус жутких воспоминаний. Вернула кружку кухне и судорожно обвела келью испуганным взглядом. Я тут, а не там, значит все происшедшее в прошлом. В «ее» прошлом, не моем. А я — нормальная! И даже Ира, мачеха, неплохо ко мне относилась. Жаль, в последнее время на фоне кризиса среднего возраста и материального положения изменилась. И отец меня любил... как умел, и подружки были замечательные и душевные, коллеги уважали и ценили — вообще хорошо жилось, а тут... Бр — р-р!!!

Хлопнувшись на такую же сырую, как и моя рубашка, подушку, я пожалела не только себя. Надо же, такой кошмар приснился, что потом прошибло. Это же какие стальные канаты вместо нервов бывшей владелице этого тела иметь надо было?! Ведь даже меня, глядя на творившееся в Хемвиле, потрясло до основания.

— Сафи... с тобой все в порядке? — испуганно и осторожно, словно душевнобольную, спросила Ноэль.

— Да какое «в порядке», когда я свою вторую свадьбу вспомнила... — не сдержавшись,

пожаловалась ей.

Ноэль чуть — чуть помолчала, потом нервно засмеялась, вынудив ухмыльнуться и меня. А через минутку, мы, обнявшись, обе оплакивали жалкую судьбу двух сироток.

Наши рыдания прервали сестра Аниза, явившаяся для медосмотра, и абаниса Эйра, которая, видимо, зашла лично убедиться, что со мной все хорошо. А может, чтобы проверить, не стала ли я опять сумасшедшей. Увидев наши зареванные лица, обе замерли и нерешительно затаптались возле двери. Пришлось прямо рукавом вытирать слезы, сопли, а потом долго исповедоваться в «грехах», правда, пропустив попытку убийства родственника и... много чего еще, во избежание дальнейших, совершенно не нужных неприятностей. Будучи в той жизни верующей, не раздумывая, попросила разрешения при первой же возможности сходить в часовню. Хотела поставить свечу за душу «той» Сафиры, замолвить за нее словечко местным богам. Ожидаемо мое желание вызвало удовлетворенную, одобрительную улыбку у обеих служительниц Триединого.

Перед уходом монахинь я попросила организовать ванну, и мне опять пошли навстречу. Пока сестры носили воду в лохань, мы с Ноэль поели. Затем обе тщательно вымылись и устроились на большой мохнатой шкуре, извлеченной из сундука, возле камина. Мы сушили волосы, помогали друг другу расчесываться и разговаривали. Разумеется, я не могла не задать насущный вопрос:

— Ноэль, а почему мы здесь, в обители? И где мой муж?

Девушка смотрела на огонь, обняв худенькими руками колени. Я же медленно, осторожно водила гребнем по ее волосам, не торопя с ответом:

— Сразу после венчания нас увезли из дома. Обитель находится в трех днях пути от Хемвиля. Как раз посередине между замком и границей с драканами.

— От чего такая поспешность? — удивилась я.

Она пожала плечиками и задумчиво поделилась:

— Знаешь, грант очень плохо себя чувствовал после вашего бракосочетания...

— На него столь сильное впечатление ненормальная жена произвела? — весело отозвалась я, любуясь гладкими блестящими волосами драки, красноватыми на фоне пламени.

Кузина обернулась и посмотрела на меня не по годам мудрыми усталыми глазами:

— С тех пор, как я живу в Хемвиле, не помню, чтобы ты улыбалась. По — доброму. Чтобы твои глаза улыбались и светились жизнью, а за последние несколько дней это происходит так часто и так естественно для тебя... Но совсем непривычно для меня. Ты слишком изменилась, Сафи. После... смерти... Может там и правда... светло, тепло и...

— Не пугай меня! — прервала я шестнадцатилетнюю девчонку, вздумавшую отправиться на тот свет. — Жизнь прекрасна, и скоро ты в этом убедишься!

Она отвернулась и тяжело вздохнула:

— Я боюсь, Сафи!

— Чего, милая? — отложив гребень, положила ей ладони на плечи и начала легонько массировать.

— Что чудо, случившееся с тобой, исчезнет, — тихо шепнула она и еще тише добавила, — каждый раз боюсь, когда ты... засыпаешь, что очнешься прежней, а я... вновь буду одна.

Я обняла ее со спины, прижалась виском к виску и тихо, но твердо пообещала:

— Клянусь тебе, Ноэль, прежней я никогда не стану!

— Ты уверена? — всхлипнула девушка, положив ладони на мои руки.

— Более чем! Клянусь всем на свете!

Девушка расслабилась, буквально обмякла в моих объятиях.

— Значит, чудо все?таки есть на свете. Значит, надеется на него можно...

— Надежда всегда должна умирать последней, сестренка! — со знанием дела заявила я. — А теперь, что ты там про дракана нашего говорила? Ослаб после бракосочетания?

— Почему нашего? — удивилась Ноэль.

— Я об этом мужчине пока ничего не помню и не знаю, получается он тебе лучше знаком, — усмехнулась я.

Повернув голову в мою сторону, драка неуверенно улыбнулась, потом не удержалась и поморщилась:

— Слава Триединому, это не так!

— А что так? Слишком страшный? — осторожно поинтересовалась я.

— Во — первых, грант Керо старый, ему уже тридцать семь. — Просветила юная Ноэль тоном умницы — отличницы. — Во — вторых, с виду непривычный: смуглый, волосы черные, а драки светлокожие и светловолосые. И вообще — жуткий. И аура у него такая сильная, что даже подавляет физически.

— Ну, ты наговорила... аж сбежать захотелось, — уселась я сбоку от собеседницы, поближе к огню, а то продрогла, слушая описание мужа номер два.

Драка хмыкнула с пониманием, тяжело вздохнула и, разведя руки, заключила:

— Да куда ж ты побежишь?то? Мы побегим? Мир большой, но все драки в одном царстве живут. Редко кто за пределы уезжает. Нас быстро найдут, не свои, так чужие. И без защиты две одинокие женщины...

Приняв ее сомнения и доводы к сведению, я предложила:

— Хорошо, давай оперировать теми данными, что у нас в наличии имеются.

— Чего — чего? — с недоумением переспросила драка.

Мысленно дав себе оплеуху за чужой канцелярский язык, «перевела»:

— Про слабость гранта ты хотела рассказать!

Ноэль кивнула и ответила:

— Может я и не права, но в замке милорд Керо буквально олицетворял силу: внутреннюю и физическую. А после свадебного обряда выглядел усталым и так тяжело на коня садился, и лицо посерело.

— Может, потому что он — темный, а священники несут свет в массы...

— Куда несут? — снова не поняла Ноэль.

— В народ! — хихикнула я.

— Все может быть! — кивнула она.

— А что потом было? — поторопила я, уж слишком интересно стало узнать о том, что было непосредственно перед тем, как очнулась в обители. — Как мы здесь?то оказались? Рассказывай!

Девушка сморщилась, потом покусала губы, и наконец, заткнув за ухо прядь волос, приступила:

— В первую ночь после свадьбы, милорд, видно из-за усталости, не тронул тебя. А с утра занялся обхаживанием. А ты ни в какую — в землю уставилась, да так всю дорогу молчком и ехала. На третий день у него терпение лопнуло, и он попытался тебя к себе на коня пересадить... на колени.

— И что? — затаила я дыхание.

— А ты... мерина своего хлестанула и — в лес со всех копыт. А он поскакал за тобой!

— И? — страшно стало, но страшно любопытно.

— Я за вами тоже успела рвануть, а остальные — нет.

— Почему?

— Ты волну земляную подняла, чуть тряхнула... многие попадали из седел.

У меня челюсть отвисла. Я такое могу?

— Не томи! — поторопила я, усаживаясь на пятки.

— Милорд нагнал тебя на обрыве, сдернул с мерина, сам спрыгнул, а потом... ты кинулась на него с кинжалом... как всегда.

Я схватилась за горло, ужаснувшись предстоящим последствиям:

— Ранила?.. Или... убила?

— Дракана? — печально ухмыльнулась свидетельница той драмы и качнула головой с мрачной насмешкой. — Нет! — Я выдохнула от облегчения, а она закончила: — Ты просто... прокляла его и всадила кинжал себе в грудь.

Я сглотнула горькую слюну и сипло спросила:

— А он?

Ноэль пожала плечами, потом, видимо, заметив какое сильное впечатление произвел на меня рассказ, погладила по плечу со словами:

— А что ему оставалось делать? — Затем с явным сожалением и, мне показалось, сочувствием к этому незнакомому мужчине — моему мужу — она продолжила. — Он соврал, якобы на вас напали грабители, тебя случайно ранили и сбежали.

— И ему, такому сильному и опытному воину, как ты говорила, поверили?

— Сопровождающие из Хемвиля, которых выделил для нас Хасин до границы, — нет. Они посчитали, что дракан убил сумасшедшую жену. Но им не с руки было предъявлять обвинение темному лорду. Смертельно опасно для них же самих. А его рыцарям, я думаю, пояснять ничего не надо.

— И что дальше было? — тоскливо спросила я.

— Дальше? Хемвильских отправили обратно. Обрадовать Хасина, что ты при смерти. А нас с тобой довели до обители Святой Матены, по счастью, стоящей всего в паре лиг от того места... Дальше тебя просто не довели бы живой. А тут и присмотр, и... служители для отпевания.

— Ясно! — горько выдохнула я.

— Ты не думай, милорд Керо дал золота за уход за тобой. И приказал сообщить ему, когда ты... отойдешь.

— Угу! — хмыкнула я и ядовито добавила, — вот он удивится, что по — прежнему женат.

После мы обе испуганно посмотрели друг на друга. Интересно, что он предпримет, узнав о чудесном выздоровлении вероломной жены?!

— Не — ет... — задумчиво покачала головой Ноэль, сделав, похоже, наш общий вывод, и сверля меня при этом напряженным взглядом, — не думаю, что он будет мстить или вредить тебе...

— Почему ты так думаешь? — Я все?таки опасалась последствий.

Ноэль, пожав плечами, услышав отчаянные нотки надежды в моем хриплом голосе, на сей раз неуверенно ответила:

— Он видел тебя всего пару раз, но захотел настолько, что женился. И хотя, я уверена, что в замке ему не стали рассказывать о твоём... хм... невменяемом состоянии, но пока мы ехали, он однозначно понял, что ему достался кот в мешке...

— И как это спасет меня от расправы? Сомневаюсь, что мое тогдашнее состояние может служить оправданием для проклятий и попытки убийства мужа, — уныло заключила я.

Боженька, какие еще неприятности мне достались взамен шанса на жизнь?

Ноэль подперла кулаком щеку и тяжело вздохнула, безмолвно соглашаясь с моим выводом.

Дальше мы молчаливо сидели напротив камина и смотрели на горящие поленья, каждая думая о своем. Я, — о том, что делать дальше. Бежать куда глаза глядят или остаться здесь дожидаться таинственного мужа, а потом посмотреть и как?то по ходу дела ориентироваться. Я анализировала информацию, полученную от Ноэль и из памяти Сафиры. Вспоминала свое прошлое, которое стало каким?то далеким, призрачным и почти нереальным. Для меня и прежняя жизнь сейчас не доступна, и теперешняя — страшная сказка. И чем дальше, тем страшнее. Как быть?

Ноэль встала на колени и начала расчесывать мои волосы. А я продолжала прикидывать и так и сяк. Уйти в бега и постоянно рисковать жизнью собственной и Ноэль? Если бежать, то куда? Даже драгоценности, что у нас есть, не выйдет продать без огромного риска — могут ограбить, убить или еще чего 'интереснее'. Душой оставаясь человеком, я не без основания считала, что мы с сестрой весьма и весьма привлекательные, и чересчур приметные. Значит, желающих прибрать красивых и вдобавок наделенных «хозяйственной» магией одиноких женщин к рукам, а точнее — к телу и делу, будет предостаточно.

Остаться в этой обители? Обречь себя на медленное угасание без любви, без семьи и без детей? Для меня не вариант. Неизменно ощущая о себе трогательную постоянную заботу кухни и без раздумий ясно, что для нее тоже.

Вернуться в Хемвиль и отвоевывать его у подлого опасного родственника? Да смешно даже! Кто мы? Женщины с ограниченными правами, с репутацией ненормальных. А кто он? Лорд в своем праве. Вот и весь сказ.

В фермеры податься? О чем я недавно самоуверенно вещала Ноэль. Да кто же позволит замужней драке жить на чужой земле? Не драканы, так наверняка какие?нибудь местные любители халявы приметят.

Разволновавшись, потерла лицо, пытаюсь привести мысли в порядок.

— Ты еще веришь... в то, что у нас все будет хорошо? — тихонько, с пониманием, но явно потеряв надежду, спросила Ноэль.

Я обернулась, встретилась взглядом с грустными голубыми глазами второй кандидатки в фермеры и глухо ответила:

— Знаешь, я выжила вопреки обстоятельствам... и то что видела, пока не очнулась... И сейчас здесь сижу с тобой и болтаю. Поэтому повторяю: надежда умирает последней. Иначе нам точно крышка! А я хочу жить! Очень — очень!

Ноэль едва слышно выдохнула с облегчением, несомненно означавшем, что моя уверенность для нее слишком важна. И похоже, теперь она не в чудо верит, а в меня, что еще больше обязывает.

Мы снова уставились на огонь. Спустя какое?то время я приняла решение и сразу же озвучила:

— Надо попытаться расположить его к себе.

— Кого?

— Мужа... моего! — хмыкнула я, мгновение помолчала, потом, спохватившись, испуганно уточнила: — Я же все еще замужем?

Теперь сестра невесело хмыкнула:

— А куда ты денешься? Если у людей еще бывают разводы, то ни у драков, ни, тем более, у драканов о них даже речи идти не может. Ведь темные магический ритуал связывания душ проводят.

— Зачем им вообще такой сложный и неудобный брак? — проворчала я, невольно покрутив браслет на руке.

— Я поняла, что для таких как ты существует специальный обряд. Чтобы могли на темных землях жить долго и без последствий для здоровья.

— А ты как же? — нахмурилась я.

Девушка беспомощно пожалала поникшими плечиками.

— Так, Ноэль, не раскисаем. Еще не все потерянно, проблемы непременно решим каким-нибудь образом.

После разговора я снова ходила из угла в угол: тренировала тело.

Глава 8. Передышка

Исстари повелось, что женщины заведуют домом, очагом, постелью.

Е. Шепетнов

На следующий день я начала выходить наружу. Ура! Сперва были короткие вылазки во внутренний двор, потом — длительные пешие прогулки по всей территории обители, расположенной, кстати, в живописном месте. Деревья, деревья повсюду. Стройные хвойные гиганты, похожие на сосны, поражали своим изяществом и торжественностью. Среди этого великолепия притаилась обитель Святой Матены, сложенная из обработанного ветром и солнцем камня, добытого здесь же. Основное здание с кельями, трапезной, часовней, мастерскими; и хозяйственные постройки, включавшие скотный двор, амбар, навес для дров.

Обитель почти полностью обеспечивала свои нужды и даже кое-что продавала. Для тяжелых сезонных работ на полях и в солеварне привлекали крестьян из соседних деревень, в основном мужчин, но их я в обители не встретила.

Со слезами на глазах умолила абанису Эйру подождать, не посылать пока никого с сообщением, что я выжила. Мне было жизненно необходимо прийти в себя, нарастить мяса на косточки, освоиться хоть чуточку здесь, на Эсфадосе. И как можно больше узнать о здешнем образе жизни.

Ежедневная несуетливая размеренная жизнь монастыря заинтересовала меня не только с духовной стороны, вернее, не столько, сколько — с практической, хозяйственной. Мы с Ноэль начали с того, что вставали с первыми петухами и неизменно, тайком зевая, шли к заутрене, благодаря чему местные сестры приняли нас в свой замкнутый мирок. Потом и на вечернюю службу начали ходить. Общение с монахинями помогло узнать о религиозных обычаях и учениях людей и драков.

Но самое важное — я совала свой любопытный нос во все дырки, зачастую тенью следуя за руководившей обителью Эйрой. Ведь по сути абаниса — хозяйка замка. В течение месяца —

отсчет мне было удобнее вести «по — старому», тем более выходные в обители не предусмотрены, — я досконально изучила ее распорядок дня. Тайком делала важные, на мой взгляд, заметки в найденной в сундуке толстой тетради с грубоватыми желтыми листами бумаги.

Неделю назад мы понаблюдали за процессом варки пива и даже «налакались». Но рецепт его изготовления я записать не забыла, причем поэтапно и так, чтобы монашки не заметили мой пристальный интерес.

Насмотрелась на здешних домашних животных. Начав знакомство с ними с диковинных овечек с длинной — предлинной красивой мягкой шерстью и хулиганистых пуховых козочек. Помимо шерсти и пуха, они давали молоко, из которого варили тот самый вкусный сыр, которым нас постоянно кормили. Черно — белая коровушка, бесконечно жевавшая, не захотела «знакомиться» ближе, а вот пару пегих покладистых работяг — лошадок я погладила по мордам. Из птицы были коричневые куры с крепкими маленькими ногами и черными хвостами, «возглавляемые» красавцем — петухом, будившим монахинь. Сестры говорили, что есть еще и пчелы, но пока они спят в ульях в специальном теплом помещении.

Сестра Аниза, также как и Эйра происходившая из обедневшего аристократического рода, щедро делилась со мной знаниями о лекарственных травах, и мы, с приходом тепла, часто по полдня проводили в ее садике, где она возделывала полезные растения. Причем, выяснилось, что заниматься садиком и цветочками собственными ручками для леди не зазорно, наоборот традиционное занятие. Там же я впервые решилась попробовать «почувствовать» потоки земли, как учила леди Амалия свою маленькую дочь. Пусть не с первого раза, а через неделю, но у меня получилось. Я тогда сама прыгала как ребенок, хлопая в ладоши под недоуменно веселыми взглядами Анизы и Ноэль.

С того момента мы вместе с кухней регулярно ходили в садик, затем в монастырский огород и настойчиво, целеустремленно развивали свой дар. Драка с грустью сказала, что из поместья они никуда не выезжали. И если раньше ездили по окрестностям верхом в сопровождении эскорта, то последнее время ценных наследниц вывозили под охраной и медленно катали в карете по хемвильским полям. От чего толку никакого не было, как призналась Ноэль. Ведь для такой магии нужно огромное желание помочь земле, поделиться с нею радостью, счастьем, одарить своей любовью и заботой. А измученная, постоянно избитая Сафира была просто не способна на это, что уж говорить о затравленной Ноэль.

Как?то мы «случайно» мыло варили с сестрами. Из средневековой истории я хорошо помнила, что все это знать — прямая обязанность хозяйки замка. Но житейским премудростям годами учатся, а мне пришлось ускоренно, экстерном знания получать, хотя бы минимальные. Обращаться же к памяти Сафиры было противно и страшно, но все равно приходилось, чтобы научиться контролировать чужие воспоминания, не то за припадочную сочтут.

В общем, месяц незаметно пролетел в делах, заботах и восстановлении здоровья. Благо отличная регенерация драков, забота и участие окружающих делали свое нужное дело. Я старательно отодвигала от себя мысли о том, что будет, когда мне, в конце концов, придется покинуть святую обитель?! Как расположить к себе мужчину, ставшего теперь моим мужем и, соответственно, наладить отношения — просто не знала, даже не из?за малого опыта общения с противоположным полом. Загвоздка именно с местными мужчинами, а тут и вовсе маг загадочного народа. И в памяти Сафиры на этот счет такой негатив хранился, что лучше не соваться. Обольстительной чаровницей я себя точно не смогу преподнести. Пусть даже и вспылал он ко мне желанием из каких?то своих соображений. Чем же его взять?то? Чтобы хоть сразу как узнает, что жива, не прибил на месте. И еще немаловажное обстоятельство —

захочу ли.

Сегодня мы пекли с сестрами хлеб — чудесный, ароматный, не такой как в магазине. Здесь тесто подходило в деревянной кадке и превращалось в печи в темные тяжеловатые караваи. И есть его в трапезной с парным молоком было необыкновенно вкусно, слушая ворчание абанисы Эйры, рассказывавшей, как тяжело в прошлом году им зерно досталось. И ветра были сильные, и дожди проливные мешали убирать и сушить, а летом — засуха. Зимой крысы повадились к ним, потому что недалеко целая деревня от тифа померла, а хоронить жителей некому было. Вот и расплодились окаянные прохвосты. Мы слушали, затаив дыхание, и я тщательно запоминала чужие навыки борьбы и с крысами, и с ветрами, и с засухой. Все пригодится!

Глава 9. Иномирец

Незванный гость — хуже татарина или неожиданный олигарх хуже налогового инспектора

Русские поговорки

Вечером, после трудового дня, мы, как обычно, помылись и уселись на шкуру перед камином заниматься волосами. Огонь весело трещал, освещая келью. За окном завывал ветер, и от сквозняка пламя свечей постоянно дрожало. Я зябко запахнула полы бархатного зеленого халата, надетого на длинную льняную рубашку, и покрепче завязала поясок. Ноэль же на свою такую же одежду накинула большую красивую шерстяную шаль.

Допив теплый морс, подогретый у очага, я отставила пустую кружку и в этот момент услышала тяжелые шаги за дверью.

Мы недоуменно взглянули друг на друга и настороженно уставились на дверь, которая через мгновение распахнулась, и в келью, согнувшись в три погибели из-за низкой притолоки, шагнул мужчина, и следом — второй. Медленно, без резких движений, мы с сестрой встали и безмолвно рассматривали неожиданных гостей.

На разбойников, какими я их теоретически представляла, пришедшие не похожи, вроде. Сначала мое внимание привлек смуглый брюнет, явившийся вторым. Наверное, потому что вошедший первым посторонился, давая ему пройти. Ростом метр восемьдесят, не меньше. Волосы, забранные в короткий хвост на макушке, позволяли рассмотреть вытянутое овальное лицо, эльфийские уши с высокими острыми кончиками, темные раскосые глаза в обрамлении густых черных ресниц, из-за них, да еще мерцающих язычков пламени не рассмотрела зрачок. Вокруг бровей, на висках, частично на лбу и узком подбородке поблескивали чешуйки. Нос подкачал: крупный и с широкой переносицей. Этот незнакомец в длиннополном кафтане из плотного синего бархата с дорогой вышивкой по широкому подолу и коротким, до середины плеча, рукавам выглядел очень нарядно. В распахнувшихся полах верхней одежды мелькнуло темно — синее, тоже украшенное золотой вышивкой... платье, а может рубашка такая, почему?то в пол, с воротничком — стоечкой и длинными рукавами. На ногах сапоги со шпорами, похожие на ковбойские.

Я во все глаза разглядывала этого индивида неведомой расы. Себя?то до сих пор сложно воспринимать не человеком: двадцать шесть лет из памяти не выкинешь. Ноэль почти не отличается от человека, так, узкая полоска чешуи на лбу и кошачий зрачок. Все монашки в обители — люди. А сейчас, в скудном дрожащем свете камина и свечей, увидеть, по сути, инопланетян... невероятно!

В общем, впечатление мужчина произвел почти такое же, как и сама на себя в первый раз, когда в зеркало здесь заглянула, — внешность непривычная, но однозначно интересная, как на

родине говорили, экзотически привлекательная.

Перевела взгляд на второго, и горло перехватило от волнения. Я не осмелилась сразу посмотреть ему в лицо. Выше первого на полголовы, шире в плечах, которые облегает черный бархатный кафтан, ниспадающий до пола тяжелыми складками. Ворот темного платья затянут блестящим плетеным шнуром. Массивный пояс украшен золотом. Обувь такая же, как у первого.

Наконец я отважилась взглянуть выше и увидела черные волосы, забранные в хвост на макушке, выбритые на висках и, похоже, немного — на затылке. На кончиках ушей поблескивали темно — серые чешуйки, впрочем, как и на лбу, у висков, вокруг бровей и на выдающемся подбородке. Такой же крупный нос с широкой переносицей и полные чувственные губы, как и у другого, но с четким, более контрастным контуром. И невероятные глаза: темные, раскосые. Черные пушистые ресницы создавали эффект подводки, подчеркивая их, углубляя и одновременно делая более устрашающим взгляд их обладателя.

Скромнее одетый мужчина выглядел не столь привлекательно, и дело не в том, что необычно, строго и мрачно, он... жуткий. И даже не из-за внешнего вида, а чего-то другого — внутреннего, витающего вокруг него, заставляющего опасаться, еще не глядя ему в лицо. А уж когда я столкнулась взглядом с «пришельцем», то непроизвольно сглотнула от страха и вздрогнула. И неосознанно выдвинулась вперед, заслоняя от незнакомцев Ноэль.

— Кто вы? И как посмели войти в келью к женщинам... даже без стука? — мысленно поморщилась, услышав свой задрожавший от страха голос.

Глаза «красавчика» распахнулись от удивления, а вот «мрачный» скривился, словно лимон укусил. В этот момент в келью вошла абаниса Эйра, позволив мне облегченно вздохнуть, потому что выглядела как всегда спокойной, правда, немного запыхавшейся.

Однако пожилая женщина удивила меня до крайности, когда непривычно заискивающе пролепетала:

— Ну вот, видите, милорды, а вы сказали — невозможно!

— Абаниса, скажите мне, будьте любезны, кто они? И на каком основании ворвались к нам? — я нашла в себе силы твердо спросить, задрвав подбородок повыше для пущей важности.

— Невероятно! — изумился тот, которого я условно назвала красавчиком. — Выжила!

Заволновалась: вдруг этих сурового вида «товарищей» послали добить меня. Не успела я сравнить их с драками, мрачный тип перевел жуткий ледяной взгляд в сторону. Ноэль! И я тут же почувствовала за спиной движение, сопровождаемое шелестом одежды. Обернулась и в замешательстве наблюдала, как кузина склонилась в глубоком почтительном реверансе, опустив голову. Очевидно, она знает тех, кто пришел. Я же, по — прежнему находясь в неведении, испуганно повернулась к незнакомцам и абанисе. Те втроем вперились в меня взглядами. Только Эйра — сочувствующе, печально, а вот незнакомцы — оценивая и изучая... как врага.

— Сафи... — голос Ноэль дрогнул, дальше она продолжила едва слышно и по этикету. — Миледи, позвольте напомнить вам, это ваш супруг — грант Сэбиан Керо.

Чувственные губы мрачного мужчины, являющегося моим мужем, скривились в ухмылке, ярко отразившей всю гамму сомнений и недоверия.

— Ну... здравствуй... Сафира! — произнес он глубоким глухим голосом, от которого руки покрылись мурашками.

И голос этот был очень знаком мне по тяжким воспоминаниям бывшей владелицы тела. Память Сафиры накатила привычной темнотой, которую я не смогла вовремя взять под контроль.

* * *

Широкое поле с правой стороны, слева — лес. Я ехала верхом на крупном — сером в яблоках — коне за повозкой в окружении отряда всадников, исподлобья взирая на спины чужаков и мысленно насылая на них все известные проклятья, нервно сжимая в руках поводья. За мной следовали сопровождающие из Хемвиля. А слева постоянно находился тот, которого я возненавидела всеми фибрами души.

Неожиданно конь подо мной споткнулся и захромал. Затем последовало то, чего я избегала три мучительно долгих дня. Этот уродливый зверь, протянув ко мне лапы, раздраженно прорычал:

— Ты поедешь со мной, Сафира! У твоего коня, наверное, камешек застрял в копыте. И вообще, я устал терпеть твою холодность и...

Ударила хлыстом по темной когтистой ручище, коснувшейся моего колена и направила мерина в лес, прочь отсюда. Не смотря на ужас перед содеянным, внутри клокотала ненависть и восставала отчаянная решимость — я не могу больше так жить: не могу снова принадлежать мужчине, не хочу превращаться в жертву каждую ночь, терпеть унижения и даже представлять, зачем я нужна дракану. Похоть сквозила в его черных глазах, каждом движении и жесте, обращенном ко мне.

Если он коснется меня, как мужчина женщины...

Это невыносимо, омерзительно, неприемлемо. Лучше умереть не тронутой, чистой, не проклятой мужским семенем, чем смириться....

— Стой, стой, ненормальная! Я не причиню тебе вреда... — рычал преследующий меня Керо.

А я неслась сквозь лес, подгоняя коня, не обращая внимания на хлесткие удары веток. Свобода, свобода, впереди меня ждет желанная и долгожданная свобода...

— Стой! Впереди обрыв... — заорал дракан, почти нагнав меня.

Но я не вняла предупреждению, крик улетел прочь, мне было все равно, лишь бы убраться подальше и навсегда.

Между деревьями открылся просвет, и яркий свет ударил в глаза, ослепляя. А затем... снова плен. Сильные руки, сдернув меня с коня, отбросили в сторону. Я больно приложилась бедром о камни, на несколько мгновений оглохнув, затем, тряхнув головой, посмотрела на происходящее на обрыве. Дракан, прилагая невероятные усилия, тянул за узду коня, который громко ржал от страха, соскальзывая в обрыв. Пока Керо спасал коня, я выхватила кинжал и хотела вновь броситься в лес, но, увы, не успела. Лошадь, всхрапнув, ударила задними копытами о камни и выскочила на ровную площадку, дернулась к деревьям, толкая меня в плечо. Вновь поднимаясь, я нащупала кинжал, упавший на землю, но передо мной встал муж.

— Не глупи, девочка! — глухо произнес он, следя за мной.

Я невольно рассмеялась, заставив его нахмуриться. А потом, больше не раздумывая, кинулась на него, стремясь достать и поглубже...

Глупая, глупая, глупая, если даже жалкого драка Хасина убить не получилось, то воина дракана — и подавно. Едва заметным движением он ушел в сторону, лишь полы его черного кафтана взметнувшись, коснулись моей руки, а я словно провалилась в пустоту. Судорожно обернулась и увидела в его глазах отвращение, смешанное с жалостью. Массивная устрашающая фигура мужа давила темной аурой, заставляя все внутри сжиматься от ужаса. Долго терпеть его на расстоянии вытянутой руки было невыносимо.

— Зачем согласилась на брак? — спросил он ледяным тоном, от которого пробрало до самых костей.

«Я не хочу больше слышать, я не хочу больше видеть, не хочу, не могу...» — крутилось в сознании. Вместо связных мыслей остался только страх маленькой несчастной девочки, жившей внутри меня, которая больше всего на свете боялась чужих прикосновений и даже малейшего внимания, ведь они неизменно несли боль и потери.

— Сафира... — рыкнул ненавистный мужчина, двинувшись ко мне.

Чем подстегнул мою решимость. Я громко расхохоталась сквозь слезы. Подняла оружие, заставив дракана остановиться, посмотрела ему прямо в глаза и, вкладывая в слова все силы, выплюнула:

— Ты... ты так хотел мое тело, что забыл про мою душу. Пусть все вокруг станет свидетелем: я плачу кровью. Пусть твое желание исполнится. Отныне и навсегда желать ты будешь лишь мое тело, ничье больше! Будь ты проклят, как и все!

Клинок взлетел вверх, затем с силой вонзился в мою грудь, словно в масло — мягко, легко и беспрепятственно. Сначала я не чувствовала боли, она пришла через мгновение, не давая вздохнуть, застревая в горле и груди. Потом услышала свой собственный хрип, и темная пелена вновь укутала меня.

* * *

Я пришла в себя, скрючившись и чуть наклонившись вперед, будто еще держала в руках рукоять кинжала, который вонзила в собственное тело. Судорожно всхлипнув, отняла от груди руки, не в силах поверить, что жива, а увидела очередной кошмар Сафиры. Несколько мгновений в замешательстве рассматривала ладони, пытаюсь прийти в себя. Наконец?то удушливая сковывавшая волна отступила, я распрямилась и — столкнулась взглядом с Сэбианом Кери, своим мужем.

Из его глаз исчезли сомнение и неверие, сменившись напряженным ожиданием. Видимо, он догадался, что я вспомнила момент... самоубийства и попытку убийства супруга, мало того, дракана, и ждет моих дальнейших действий.

Трудно представить, какое наказание заработала в этом мире Сафира, совершившая это, и перед тем проклявшая его...

— Ты в порядке? — над ухом всхлипнула Ноэль, вцепившись в мое плечо.

Не вспомнив о манерах, я рукавом халата вытерла влажный от пота лоб и хрипло выдохнула:

— А?.. Нет... Да...

Глубоко вдохнув, полностью выпрямилась. Снова вдох — выдох, и я повернулась к остальным. И опять чуть не задохнулась от страха. Прямо надо мной возвышался Сэбиан Керо.

Он заслонил меня от спутника и абанисы, окутывая неожиданно приятным пряным ароматом, и резко вскинул руки. Не успела я отшатнуться, полы моего халата разлетелись в стороны под звук рвущегося ворота рубашки. Ошарашено опустив глаза, я увидела молочную кожу груди с розовыми вершинками, а ниже — небольшой красноватый рубец. Через мгновение я опомнилась, схватила разорванные концы рубашки и поспешила прикрыться от нескромного мужского внимания. Пришлось подождать, пока смуглые сильные руки дракана позволят мне это сделать. Наконец, запахнув халат, возмущенно посмотрела на... мужа.

Черная бровь Сэбиана Керо дугой взметнулась вверх от удивления. Так мы и стояли, пристально глядя в глаза друг другу. Я — задрал голову, а он — склонившись.

— Если бы не это свидетельство, я бы не поверил, что ты — Сафира! — глухо признался он.

Я дрогнула и проблеяла, безнадежно пытаюсь скрыть страх, ведь знаю, что в душе самозванка:

— Почему?

— Потому что единственный раз, когда ты посмотрела мне в глаза, был перед тем как проклясть, и потом умереть.

Надо было срочно что-то придумать, найти какую-нибудь вескую причину, действовать, а не стоять, закусив губу.

— У меня амнезия! — выпалила я. Заметив вторую поползшую на лоб бровь, поторопилась добавить. — Склероз, то есть! Тьфу ты, память я потеряла. Полностью и, наверное, безнадежно. И вообще, стала абсолютно другой, — чистила я, сжимая на груди края халата, — совсем — совсем другой.

— Я заметил! — бесстрастно заключил дракан.

Он медленно обошел меня вокруг, заставив нервно следить за ним. Ей богу, словно лошадь на базаре осматривает. Внезапно, едва уловимым движением, схватил мою руку. Я вздрогнула и вместе с ним уставилась на нее. Что он там проверяет? Не поцарапала ли я «брачное свидетельство» ненароком?

Керо когтем поддел цепочку, соединяющую два украшения, и пару раз дернул. Кольцо, олицетворяющее его душу, сидело как влитое, а вот браслет, как обычно, сполз к кисти и вызвал неожиданную реакцию у мужчин. Второй дракан тоже приблизился, явно изводясь от любопытства, и пораженно выдохнул:

— Она свободна. Но это же... невозможно...

Взглядом, которым грант одарил своего спутника, можно убивать на месте. Затем посмотрел на меня, заставив сглотнуть от страха, и спросил:

— Как давно он... болтается?

Облизав внезапно пересохшие губы, я очень осторожно ответила:

— Когда очнулась... висел свободно. А что было с ним до того — не помню...

— Милорд, браслет ослаб после... воскрешения леди Сафиры. До этого мы обмывали ее, и он держался крепко, как и кольцо. — Пояснила Ноэль.

Не выпуская мою руку из захвата, дракан долго смотрел прямо мне в глаза. А я, наконец, смогла рассмотреть цвет его глаз. Оказалось, что они не черные, а темно — серые со зрачком, широким полумесяцем делившим радужку пополам.

— Другая... — от тихого глухого голоса Керо по коже опять мурашки побежали. Он моргнул, словно прогоняя наваждение, и тоном, подразумевающим беспрекословное подчинение, заявил: — Завтра повторим брачную процедуру и уедем отсюда.

Удивленно похлопав глазами, я выпалила:

— Мне очень хочется, чтобы абаниса Эйра осватила наш брак.

Лицо новоявленного мужа окаменело.

— Зачем?

— Я не помню ту свадьбу, — соврала я. — Но хочу, чтобы эта стала лично моей.

— Я не... — попытался отказаться Керо.

— Прошу вас, милорд, — я умоляюще посмотрела на него, — очень прошу, хотя полагаю, что не заслуживаю хорошего отношения. Поймите, мне важно выйти замуж... снова и по своей воле именно здесь, где, можно сказать, родилась заново.

Дракан холодно смотрел на меня с минуту, затем что-то промелькнуло в его жутковатых глазах, верно, принял решение, и наконец, скривив губы в злой улыбке, процедил:

— Как я понял, последние события ты только что вспомнила?

— Да! — охрипшим от страха голосом призналась я.

— Тогда ты не удивишься моему пожеланию.

— Какому? — просипела я.

— Думаю, о проклятии тоже помнишь? — Я кивнула с опаской. А он продолжил: — Обряд мы повторим, но наш брак потребует подтверждения... которого так и не произошло. По твоей вине!

— Да, я понимаю и...

— После обряда мы закрепим наш брачный союз! — усмехнулся он мрачно, коварно блеснув глазами.

— Милорд, Сафи еще плохо себя чувствует и... — зашептала неизменно преданная кузина, вступаясь за меня.

— У нее есть время до завтра, чтобы свыкнуться с этой мыслью и подлатать здоровье.

— Угу, — кивнула я без особенного энтузиазма.

Вот жизнь у меня...

Вперед выступила абаниса, на которую светские жители, пока мирские отношения выясняли, не обращали внимания, и тактично предупредила:

— Извините, грант Керо, но уже довольно поздно, и в обители скоро прозвучит гонг, призывающий сестер ко сну. Вам пора...

— Я остаюсь с женой! — спокойно пригвоздил муженек.

Я испуганно посмотрела на него и едва не вздрогнула — жутковатое у него лицо, темное... демоническое... бр — р-р...

— Милорд, вы знаете наши правила? — продолжила настаивать слуга божия. — В обители после заката не может оставаться ни один мужчина и...

— Абаниса Эйра, я думаю, вы тоже знаете правила драканов. Женатые пары на ночь не расстаются. А учитывая прошлые заслуги моей жены, я не могу позволить себе оставить ее без присмотра.

В уверенном тоне гранта было столько злой иронии, что пожилая монахиня заколебалась, подвигнув меня вступить в разговор:

— Милорд, наша свадьба только завтра, а вы? И...

Керо шагнул ко мне, холодно смерил взглядом и процедил сквозь зубы:

— Наша свадьбы была почти два месяца назад. Все остальное — не имеет значения.

Я судорожно сглотнула и осторожно напомнила:

— Милорд, вы сами недавно настаивали, что подтверждение брака произойдет после повторного обряда.

— В отличие от тебя, Сафира, я своего слова никогда не нарушал и не нарушу!

— Я тоже не нарушала... — буркнула я тихонько.

Вокруг меня словно тьма сгустилась: со всех сторон сдавило нечто невидимое. Ошеломленно оглядевшись, я встретилась с почерневшими от гнева глазами мужа, вновь невольно удивившись капризу природы, одарившей мужчину густыми черными ресницами.

— Ты уверена? — спросил он.

— Да! — пискнула я.

— Значит завтра, во время обряда, мыждемся твоего личного ответа и обещания?

— Конечно, — кивнула я для убедительности.

Давление после моего ответа неожиданно пропало, позволив вздохнуть с облегчением. Из чего следовал логичный вывод, что Керо, наблюдавший за мной, прищурился, испытывая и

изучая, точно применил какое-то воздействие. Кажется, до конца не поверив, что перед ним та, за кого выдает себя. Под его тяжелым взглядом я испытывала не просто дискомфорт и неудобство, было неприятно до тошноты и до чертиков страшно. Волей — неволей задумаешься, что приручить такого мужчину — проблема сложная. А уж после незабываемой, из ряда вон, выходки моей предшественницы — сомнительно и вовсе.

Не выдержав пристального внимания, я трусливо отвела глаза в сторону. Обернувшись на Ноэль, увидела, что та, побледнев и опустив глаза долу, дрожит не то от страха, не то от волнения. Неужели испытанная мной темная сила дракана настолько повлияла и на нее, причем, с гораздо худшими последствиями. Жалкий вид девушки напомнил об одном немаловажном обстоятельстве. Пришлось снова, собрав волю в кулак, посмотреть в глаза мужу и выдать:

— Боюсь, милорд, вы все равно не сможете остаться в этой комнате ночевать. Мы делим келью и кровать на двоих с сестрой.

Тревожно ожидая ответа, я пялилась на его грудь, опасаясь заглянуть в лицо.

— Ничего страшного, миледи, — ядовито процедил Керо, в первый раз обратившись как к аристократке, — я уверен, для отдыха мне предоставят соседнюю с вашей келью. Впрочем, так же, как и моему спутнику, лорду Ройвану Данкеро. Почему-то мне кажется, вы и его имя забыли, вернее, не удосужились запомнить в прошлый раз.

Я смутилась, понимая, что, наверняка, он прав. Ту Сафиру имена, титулы и вообще посторонние мужчины не интересовали и вызывали скорее глухую ненависть и злобу, нежели желание общаться. Именно поэтому постаралась максимально вежливо и мягко улыбнуться и присесть в реверансе. Не таком глубоком, в котором склонилась Ноэль перед грантом — различие в нашем социальном статусе я учла — но достаточном, чтобы выразить уважение другу — аристократу мужа. Затем мысленно усмехнулась, отметив неприкрытое удивление на лицах обоих мужчин после моего приветствия.

Лорд Данкеро, замешкавшись, спешно ответил поклоном, приложив кулак к груди. А я сделала себе мысленную пометку: надо выяснить на счет всех местных приветствий — реверансов, поклонов и жестов. Кто, кому, что должен демонстрировать при встрече, а то ненароком заработаю неприятностей, не оказав кому-нибудь должного уважения. Чтобы хоть немного исправить репутацию той Сафиры, мне придется тщательно следить за своим поведением и манерами.

По обители пронесся гулкий звук гонга. Абаниса тяжело вздохнула, обратив мятежный взгляд на мужчин. Керо отцепил от пояса объемистый кошель и, взвесив его на ладони, бесстрастно предложил монахине:

— Хотел бы снова выразить благодарность за гостеприимство, — Эйра с улыбкой протянула руку и уже взялась за подношение, но дракан не спешил выпускать деньги из рук, продолжив, — а также за сытный поздний ужин и горячие ванны для нас с лордом.

Абаниса Эйра опять строго посмотрела на лордов, но тщательно дозируя негатив, демонстративно тяжело вздохнула и цепкими пальцами буквально выдрала кошелек у Керо. Опустив голову в вежливом, исполненном достоинства поклоне, она ловко спрятала кошель в широком рукаве и засемила к двери со словами:

— Ужин, как и лохани с горячей водой вам сейчас предоставят. Но, помните, милорд, вы дали слово, что Обитель Святой Матены не будет осквернена... интимом.

— Я помню! — жестко ответил дракан.

Эйра ушла, а мы с Ноэль остались наедине с двумя, мягко говоря, малознакомыми и, безусловно, опасными мужчинами. Сестра неосознанно спряталась за моей спиной, вызвав у них очередную ухмылку. Сэбиан посмотрел через мое плечо на Ноэль и не терпящим возражений тоном распорядился:

— Поможешь моему другу с омовением!

— Что? — опешила я. Взглянув на здорового, пусть даже не старого и симпатичного, если так можно назвать иномирца, Данкero, возмутилась. — Ей всего шестнадцать.

Как можно заставлять невинную девчонку мыть взрослого чужого мужчину?

Теперь на меня смотрели две пары не просто удивленных, а изумленных глаз. Ноэль дернула меня за рукав халата и тихонько прошептала:

— Помочь с омовением гостям — обязанность всех леди замка, начиная с двенадцати лет. Я мыла, знаю.

Обернувшись к ней, тоже шепотом возмутилась:

— Но это же... недопустимо... — Сколько еще дичайших сюрпризов подбросит этот мир! Потом, вспомнив средневековую историю Земли, неуверенно спросила: — А я? Я тоже мыла... незнакомых мужчин?

Ноэль бросила едва уловимый взгляд загнутого в угол существа мне за спину и порадовала:

— Всего один раз... — Я почти с облегчением выдохнула, но она добила меня подробностью. — Тебе было тринадцать. Во время омовения к тебе пристал один из гостей, и ты... — последнее она прошептала едва слышно, — впервые убила...

Я молча кивнула, чувствуя еще больше сострадание и жалость к той Сафире. Потом посмотрела на поникшую девушку и развернулась к мужчинам с намерением обвинить их во всех смертных грехах.

Ройван Данкero, видно, успев оценить ситуацию, сделал шаг вперед и тихо, но твердо пообещал:

— Клянусь: я не трону ее и пальцем. Пах прикрою. Она польет из кувшина сверху и посидит в сторонке, пока Сэбиан здесь вымоется.

После клятвенных заверений лорда я сдулась, словно шарик. Вымучила благодарную улыбку и решила посмотреть на мужа. Столкнувшись с его задумчивым взглядом, отвела глаза, избегая нежелательного внимания, судорожно огляделась и неуверенно предложила гостям:

— Стул только один, так может быть сундуки подойдут? Присядете?

Ройван вопросительно посмотрел на Сэбиана, обозначив, что главный из них Керо. Муж мотнул головой и двинулся к нам, заставляя отступать. Казалось, даже полы его черного кафтана и нижнего платья шевелились угрожающе. Выражение его смуглого лица не изменилось и после того, как он отметил наш обоюдный с Ноэль страх перед ним. Мужчина медленно опустился на колени на шкуру рядом с нами и положил ручищи на бедра.

Данкero последовал примеру друга, так же присев со словами:

— Хорошая идея, Сэбиан. А то весна в этом году ранняя и довольно промозглая.

Не ответив спутнику, Керо уставился на меня. И судя по ожиданию в сумрачных глазах милорда, он ждал, что мы разделим с ними место у камина. Пришлось подчиниться его молчаливому, как ни крути, приказу. Мы послушно приблизились к шкуре с другой стороны, и Ноэль устроилась подальше от мужчин, откровенно предпочитая находиться на максимальном расстоянии, предоставив мне роль живой преграды.

Сидя как на иголках рядом с драканами, я в который раз невольно отметила насколько они мощные и высокие в сравнении с нами, мелкими и худосочными драками. Если бы он тогда, возле обрыва, захотел, расправился бы с Сафирой, наверное, щелчком. Но ведь не убил, даже уговаривал успокоиться. Может у меня все же есть надежда на нормальную семейную жизнь?

— Как давно ты пришла в себя? — раздался в тишине кельи, нарушаемой лишь треском огня в камине, глухой голос Керо.

Я неуверенно посмотрела на кузину, предлагая ей ответить.

— Почти две седмицы горячки, потом... кризис. В общем... после прошло тридцать восемь дней, — пролепетала она.

У Ройвана брови на чешуйчатый лоб поползли, а вот Сэбиан потемнел как грозовая туча, хотя куда ему больше темнеть с его цветом кожи, верно, из-за того, что черты лица стали более суровыми, а в глазах опять загорелся недобрый огонек.

— Почему мне не сообщили сразу, что она пережила кризис?

— Это я попросила абанису, — поспешила сама признаться.

От волнения я теребила зеленый бархат халата. Умоляюще заглянула в штормовые глаза Керо и объяснила, почему его оставили в неизвестности:

— Когда очнулась, ничего не помнила. Даже своего имени. И по крупичам узнавала обо всем от окружающих.

— Это не причина держать меня в неведении, — сердито возразил милорд.

— Поймите, я словно родилась заново, как чистый лист бумаги, — шепнула, потянувшись к нему всем телом, уговаривая поверить, — а потом начались кошмары...

— Кошмары? — удивленно прервал меня Данкero.

Увидела оставленную у камина кружку с остатками морса, забрала и выпила залпом, перед тем как ответить:

— Да! Ее жизнь была сплошным кошмаром!

— Ее? — зацепились за нечаянно вырвавшееся слово оба дракана.

Я с досадой отвернулась, глубоко вздохнула и с покаянным видом стыдливо «призналась»:

— Боюсь, вам будет сложно разобраться. И... мне сложно... невозможно теперь принять, что

она — это я. Мы — разные! У меня сегодняшней нет прошлого, лишь обрывочные воспоминания, а у меня — той нет будущего, потому что та Сафира — умерла.

— Занятно... — протянул Данкоро, задумчиво посмотрев на Керо.

Осторожно скосив глаза на мужа, я проверила, какое впечатление на него произвела моя пламенная речь. И тут же затаила дыхание, потому что шторм в его глазах утих, а вот сумрак стал гуще, темнее, загадочнее. Он, однозначно, что-то решил для себя, а может даже догадался о подмене. Хотя, бред, наверное... Каким бы образом? Поверить в подобное? И Ройван этот не так прост...

Мои терзания прервал стук в дверь. Следом две крепкие монахини, не глядя по сторонам, бухнули на сундуки деревянные подносы с ужином и вышли. Ноэль сразу же подскочила и переставила подносы на шкуру.

Во время ужина я тайком наблюдала за будущим бывшим мужем. И меня, по мере общения с ним, все сильнее мучил, пожалуй, главный вопрос: зачем я ему? Не заметить, что неземной любви он к Сафире уж точно не испытывал, — надо быть совершенно слепой. Кроме того, видел ее перед тем, как предложить выйти замуж, наверное, пару раз, не больше. Что же тогда подвигло его на такой серьезный шаг как женитьба?

Профиль у Керо весьма впечатляющий, мужественный, только чешуя на ушах, подбородке, висках и лбу немного портит впечатление, по мнению обычной среднестатистической землянки, которой я оставалась... в душе. Даже кончики пальцев зачесались — так захотелось потрогать и поковырять чешуйки, проверить на ощупь, похожи ли на мои, но боюсь, муженек меня не поймет.

Оба мужчины, перед тем как приступить к ужину, откинули полы бархатных кафтанов назад, видимо, чтобы жирных пятен случайно не оставлять на виду у честного народа. Оказалось, что под кафтаном тоже висят ножны и не пустые. Я невольно засмотрелась, как плотная, похожая на льняную, ткань нижнего платья обрисовывает мощные бедра.

После того как Керо в очередной раз длинными сильными пальцами, на костяшках которых тоже темнели чешуйки, взял кусок вареного мяса с общей тарелки и отправил в рот, отметила, что передо мной не особо цивилизованные «товарищи». Едят руками, довольно жадно. Из-за того, что монахини не дали им ложки, можно, конечно, сделать вывод, что они неплохо знакомы с культурными особенностями драканов. А с другой стороны, у нас тут, можно сказать, пикник, столы с лавками только в трапезной, и поесть принесли такое, что можно руками брать...

У меня в груди екнуло, когда Данкоро едва заметным ловким движением достал из-за пояса кинжал размером с мое предплечье и отхватил от куска мяса очередную порцию. Отметив мое повышенное внимание к разделке блюда, чуть наклонил голову, приподнял уголки губ в вопросительной улыбке и протянул мне на кончике ножа этот самый только что отрезанный кусочек. Чтобы не шарахнуться в сторону от кинжала, который сунули под нос, от меня потребовалась масса усилий.

— Ой, нет — нет, спасибо огромное, мы уже поужинали совсем недавно, — пролепетала я, стараясь незаметно отодвинуться от опасного, не столового, прибора в сторону.

Мой маневр, увы, не замеченным не остался. Сумерки в глазах Сэбиана вновь сгустились, когда он повернулся ко мне и осмотрел. По всей видимости, слишком напряженной и испуганной я выглядела.

— Ты прав, Ройван, весьма занятно! — согласился он в чем-то с другом, как пить дать, по поводу меня.

Не хочешь, чтобы тебе задавали вопросы, не задавай глупых сам. Именно этого принципа я решила сейчас придерживаться, хотя, что занятного нашли в моем поведении, могла лишь предположить. Исходя из соображений безопасности, скормила им полуправду о разнице между мной и предшественницей, отретпетированную на Ноэль и монахинях. Они же поверили! Конечно и кузина, и драканы в той или иной степени знали ту Сафиру. И я никогда не смогу сыграть ее точь — в-точь, даже если очень постараюсь. Во — первых, фактически не знакома — воспоминания не в счет. Во — вторых, актриса из меня самодеятельная. Поэтому сделала ставку на амнезию, очистительный свет в конце тоннеля, да что угодно, лишь бы не сожгли на костре, не закидали камнями за попытку убийства мужа, самоубийства и... убийства других, как выяснилось.

Грант сменил позу, усаживаясь более удобно, и теперь опирался на ладонь, которую положил возле моего колена. Полы моего халата чуть касались его темного жутковатого когтя. На Земле женщины, сравнивая мужчину со зверем, либо делают ему большой комплимент, либо обвиняют в жестокости, а тут подобный эпитет банально отражает суровую действительность.

Фоном к моим впечатлениям и размышлениям журчала вода, которую монахини носили в лохань. Судя по шуму в коридоре, в соседней келье тоже все подготовили. В какой-то момент я неосознанно принялась: пахнет дракан приятно, и это с учетом, как я думаю, длительной поездки. Раз уж они так сильно проголодались, то на отдых точно не останавливались.

Задумавшись, остановилась взглядом на мужском плече — мощном, широком, как мое бедро, не меньше, облаченном в черный бархат, поблескивающим на фоне пламени камина.

— Закончила? — вдруг рыкнул Керо, заставив меня вздрогнуть.

Оказалось, что он обратился к монахине, замешкавшейся возле ведер с водой, со страхом и неприязнью, тарасившейся на драканов.

— Да, милорд, ваша... комната подготовлена для двоих. Ванны тоже. Доброй ночи!

Глава 10. Разоблачение

Баня лечит, баня парит, баня всё на место ставит.

Русская поговорка.

Когда дверь с неприятным скрипом закрылась за ней, я ощутила себя в ловушке. Сегодня насиловать меня не будут, вроде пообещали уже, но мыть голого незнакомого мужика — это еще то развлечение на ночь. И сразу мысленно дала себе оплеуху, ведь это замечательная возможность поговорить наедине. И хоть немного прояснить его отношение ко мне и получить хотя бы несколько ответов. Осталось помочь ему расслабиться в ванне, размокнуть и вывести побольше!

Правда, когда мы все одновременно встали, и Керо случайно остановился рядом с лоханью, в которой будет расслабляться, я чуть не застонала с досады. Размеры ванны и мужчины оказались несопоставимы. Это как кашалот в тазике. Если вода хотя бы ему до коленей достанет, мне повезло: не сгорю от стыда, разглядывая гениталии муженька раньше времени.

Данкеро жестом позвал Ноэль за собой, а я напряженно посмотрела ей в спину. Увидев, что я

беспокоюсь, Ройван напомнил:

— Драконы никогда не нарушают своего слова, а тем более клятв! Просто польет водой и посидит в уголке.

Я выдохнула с облегчением и заставила себя благодарно улыбнуться. Подлая скрипучая дверь опять закрылась, оставляя меня наедине с мужем, которого я пыталась убить недавно, проклинала, ненавидела... Снова вздохнула и, силой воли удерживая на лице доброжелательную улыбку, повернулась к Керо.

Он спокойненько сидел на кровати и уже даже кафтан с поясом снял, оставшись в длинной темной рубахе, пошитой в виде трапеции, которую я сначала платьем назвала. Внизу виднелись клинья, расширяющие подол. Зачем, интересно? Без кафтана дракан выглядел еще менее цивилизованным и еще более угрожающим.

Милорд вытянул ногу и приказал:

— Сапоги сними!

— Что? — Страх перед ним испарился. — Я?

— Да! — он откинулся на ладони и насмешливо изучал меня. — У драканов так принято. Мужа всегда раздевает жена, полностью!

Скрипнув зубами, я подошла поближе, разглядывая покрытые пылью дорог сапоги.

— А ты с меня тоже обувь снимать будешь... грязную? — буркнула я.

— Только когда понесешь от меня и во время вынашивания! — бесстрастно, от того еще более обидно, ответил он.

— А что тогда в твои обязанности входит? — замерла я на полпути к его ногам, собираясь нагнуться.

— Кормить тебя, причем в буквальном и переносном смысле. Защищать и содержать, — прозвучал такой же равнодушный голос.

— Как мне сказали, я одна из самых богатых наследниц Приграничья. Так, наверное, содержать себя я и сама могу... — бросила взгляд, оценить реакцию будущего кормильца и защитника.

И забыла, как дышать. В глазах мужчины, который даже позы не изменил, вновь заштормило.

— Думаю, тебе эта девочка Ноэль рассказала о наследстве? — дождавшись моего кивка, он загадочно усмехнулся и продолжил. — Сафира, по вашим же законам после замужества с драканом твое наследство сразу после брачного обряда переходит в управление ближайшему родственнику. Любой драк в курсе, что драканам по другую сторону Великой реки делать нечего. Собственность, находящаяся здесь, меня не интересует. Соответственно, я больше чем уверен, что доходов с поместья тебе Хасин Револейский лично возить за реку не будет... Так что, содержать тебя придется мне!

Я согласно кивнула. Сама уже поняла, а дракан подтвердил, что знает: практически бесприданницу взял. Разве что несколько сундуков с добром.

Обхватила мужнин сапожище и стянула, затем — второй. Аккуратно поставила рядом возле ножки кровати. Как?то автоматически получилось, чтобы их потом удобно брать было и обувать. Почему?то дракан задержал на сапогах задумчивый взгляд. Может мне их еще и чистить положено?

Отряхнув руки, я отошла к столбику, поддерживающему каркас кровати, и рискнула:

— Я понимаю, что... — о том, что знать не заслужила, язык не повернулся сказать. Затем, тщательно подбирая слова, продолжила. — Скажите, пожалуйста, милорд, зачем я вам нужна? Вы из другого... страны и нравы, думаю, у вас иные. И внешность несколько отличается... Не понимаю, почему именно Саф... я вам понадобилась.

Медленно обернулась, подняла взгляд на дракана и пытливо уставилась ему в глаза.

Опять не хорошо усмехнувшись, причем, как мне показалось, не надо мной, а над собой, он ядовито процедил:

— Захотелось немного света и тепла! Купился на скромный вид, ведь ты не смела взглянуть на нас. При этом не шарахалась, как остальные. — Подошел ко мне вплотную, поднял руку и погладил костяшками пальцев по щеке. — Какая нежная бархатная кожа, светится изнутри, и чешуйки серебристо — золотые, чистые, как отражение солнца в воде. — Намотал на кулак прядь моих волос и полюбовался. — Шелковые, золотистые...

Я вырвалась из его захвата, чуть не оставив скальп в когтистой ручище, и раздраженно выпалила, не сумев себя сдержать:

— Неужели просто захотел? Это же глупо... так жену выбирать. И ваши женщины, думаю, не менее... красивые и желанные и...

— Но не пахнут так вкусно и не обладают сильной магией, ведь они пусты, как мужчины драков! — ледяным тоном перебил он.

Так вот оно что... моя магия!

— И все? — понурилась я, потеряв весь запал.

Эх, лучше бы не спрашивала. Я?то, романтическая душа, думала — любовь с первого взгляда, ну может затмение нашло от неземной красоты Сафиры. А тут...

В серых глазах дракана неожиданно мелькнули удивление и интерес. Он помолчал пару мгновений и неохотно признал:

— Нет, не все! Не обратил внимания на особенности твоего поведения, повелся на магию, соблазнительное тело и...

— И? — мне хотелось лирического продолжения.

— ...я слишком сильный темный маг. Мою ауру мало кто из наших женщин может без проблем вынести... долго. Особенно, когда я теряю контроль над собой.

Я прямо?таки поймала себя на том, что уголки моих губ печально опустились и поджались с досады.

— Угу, угу, — покивала и уточнила на всякий случай, — а сильная двухцветная светлая может,

да?

Он небрежно пожал мощными плечами.

— Сейчас убедился, что легко!

Сжав кулаки, я сверлила его взглядом, не зная, что сказать в ответ. Хотелось просто прибить. На долю секунды позавидовала Сафире, которая вполне могла зарезать кого?нибудь, правда, в следующую секунду ужаснулась своим чувствам. И даже мысленно трусливо пожаловалась Всевышнему, сославшись на жуткий мир, который на меня не лучшим образом влияет.

Дракан начал расшнуровывать рубаху на шее. А я, справившись с эмоциями, вкрадчиво предложила:

— Наш брак не был подтвержден, может быть, вы, милорд, убедившись, что я не подхожу вам в качестве жены и... Ну, может быть, аннулируем договор, и вы вернете меня в Хемвиль и...

Сначала что?то грохнуло об пол, а в следующую секунду раздался жалобный треск дерева. Я рефлекторно опустила взгляд вниз... на это что?то и потеряла дар речи. Так и застыла, прижав кулачки к груди и ошеломленно разглядывая мощный чешуйчатый хвост, причем не скромный какой?нибудь, кошачий там, нет, этот выглядел прямо как крокодилий. Нет, как у динозавра! Острые короткие шипы на кончике от силы удара вонзились в дубовый столбик кровати, а остальные по внешнему гребню убежали вверх, под подол рубашки.

Я икнула от потрясения и подобно деревенской недотепе брякнула:

— Это че? Твое что ли? А откуда?

— Из задницы! — прозвучал короткий, но емкий ответ. — Никакого аннулирования не будет! Вообще, думаю, все, что ни делается — мне на пользу!

Моему удивлению не было предела и когда я, наконец, смогла оторвать ошеломленный взгляд от хвоста, попросила повторить, на всякий случай, вдруг чего?то не расслышала:

— Прости, что ты сказал?

Керо осторожно поднес согнутый палец к моему лицу и... помог мне закрыть рот, а потом задумчиво произнес:

— Однако все занятнее и занятнее, чем я думал вначале. — Заметив, что я нахмурилась, добавил уже серьезнее. — Теперь в браке меня все устраивает.

Отчасти задетая его покровительственным жестом, отчасти собственной реакцией на «пятую конечность», я встряхнулась и попробовала еще раз:

— Пойми, я не та, кто тебе нужен и... — взвизгнула, потому что проворный хвост коснулся моих лодыжек, после чего исчез, словно и не было.

На губах мужа расцвела мрачная ухмылка, а мое сердце едва не выскочило от страха. Но любопытство меня погубит. Я чуть было не задрала подол дракану, чтобы уточнить, куда именно пропал или спрятался таинственный хвостик. Втянулся, может быть... куда?нибудь. Потом, услышав смешок, пришла в себя с вытянутой рукой. Так стыдно и неловко мне, насколько помню, еще не было!

Но это было только начало «стриптиза», потому что затем Керо поднял руки и как обычный земной мужик со спины начал снимать с себя длинную темную рубаху... Обнажаясь при этом полностью. А я?то в первый момент думала, что у него там штаны, трусы, может быть, ну или набедренная повязка.

В итоге — пунцовая, наверное, потому что щеки горели как никогда — я стояла, зажмурившись, чтобы не пялиться на голого иномирного мужика. Зато теперь точно знаю, что у него чешуйчатая полоска идет от затылка до самого копчика; вдоль позвоночника странные наросты, словно гребень. Такие же, напоминающие шипы, на чешуйчатых локтях и коленях. На ключицах и вдоль грудины тоже чешуйки блестят. Эти драканьи особенности, надо признать, не выглядели отвратительно, но смертельно опасно, жутковато и угрожающе — очень даже! А вот в пах я не смотрела, смелости не хватило. А то мало ли, что я там увижу.

Услышав плеск воды, сообразила, что муж залез в воду, и можно приоткрыть глаза. Повернулась и убедилась, что так и есть — сидит там, как кашалот в тазике. Колени торчат над краем лохани, потому что вытянуть ноги он при всем своем желании в этом «водоеме» не сможет. Вот уж точно, что в бане все равны. Напряжение, незримо витавшее между нами, спало, особенно после того, как Сэбиан, подобно самому обычному усталому человеку, попросил:

— Сафира, мы три дня в пути, почти без сна и отдыха. Помой меня, да спать пойду, а завтра рассмотришь в подробностях, в любых местах.

Я еще больше смутилась, кивнула и поспешила к сундуку, где у нас хранились завернутое в полотно ароматное мыло и тряпки для мытья.

Только хотела присесть рядом с лоханью, муж бросил на меня короткий осуждающий взгляд:

— Халатними, намокнет.

— Но... — хотела было сказать, что на мне под халатом лишь рубашка тонкая и... с «вырезом» до талии, его собственноручного «покроя». Но сочла лучше промолчать.

Неохотно сняла халат и медленно, чувствуя себя совсем не в своей тарелке, подошла к мужу со спины. Заглянула в лохань и быстро отвела взгляд — все равно стыдно. Чтобы заполнить неловкую тишину, я сперва продолжила:

— А куда вы так спешили? — и быстро добавила, собравшись выяснить более важную для себя информацию. — И зачем вы сюда приехали? Тоже кто?то доложил, что я выжила?

Намылила тряпку и начала осторожно мыть плечи дракана. Он повернул ко мне лицо и, взглядываясь в мои глаза, ответил:

— Мне донесли, что твой родственник Хасин умер! Пришлось срочно ехать на похороны, у меня остался еще один должок там.

— Как умер? — я опешила.

— Сказали, что опекун поссорился с тобой, а ты ударила его кинжалом в плечо. Началось заражение, и он умер неделю назад.

Я испуганно посмотрела на мужа, замерев как кролик перед удавом. На родине людям было бы не важно, чья там душа в теле Сафиры. Посадили бы, недолго думая, за убийство. А что будет

со мной здесь?

— Не бойся, тебе ничего не грозит, — неожиданно успокоил Керо. — О своем ранении он не распространялся. Тем более, умер после твоего отъезда. Так что, не переживай. Жене дракана, по сути, владельцу Хемвиля, никто даже не подумал бы предъявлять претензии.

Всхлипнув от облегчения, я начала усиленно намыливать широченную спину Сэбиана.

— А сюда зачем вы... — хрипло от волнения спросила я, надеясь на подробности.

— Мы заехали узнать, почему до сих пор нет известий. Я был уверен, что ты умерла!

— Почему? — снова замерла я. — Из-за болтающегося браслета?

— Да! Этот браслет... для души и болтаться не может.

— Но ведь болтается, — предчувствуя грядущие неприятности, уныло прошептала я.

Мускулистые руки дракана легли на край лохани, невольно привлекая к себе внимание. Дальше он заставил меня забыть обо всем:

— Это значит лишь одно! Одна душа умерла, а вместо нее пришла другая! И подтверждение этому я получил!

Остановив ладонь между лопаток на выступающем чешуйчатом гребне, по всей видимости, дополнительно защищающем позвоночник воина — дракана, я смотрела, как мыльная вода стекала по его смуглой коже. Сперва на край лохани и дальше капала вниз, а отчетливый звук капелек, падавших на мокрый земляной пол, будто отмерял минуты моей жизни. Отстранившись и сев ровно, ошеломленно посмотрела на Керо. Столкнувшись с его равнодушным, изучающим взглядом, судорожно сглотнула от волнения и попыталась отшутиться:

— Ой, — смешок вышел истеричным, — ну скажете тоже, милорд! — даже я услышала фальшь в своем сорвавшемся голосе, что уж говорить про дракана. Эх, актриса из меня даже не доморощенная — никудышная!

Сэбиан зачерпнул воды и плеснул себе в лицо, чем неожиданно привлек внимание к украшению на руке. Далее я будто в трансе наблюдала за свободно двигавшемся туда — сюда браслетом на широком мужском запястье, отличавшемся только размерами от моего, пока владелец цilia несколько раз, шумно фыркая, умывался. Кольцо сидело как влитое, опять же, как и мое. Прижав намыленную тряпку к груди, я с трудом сдерживалась, чтобы не впасть в панику и с криком не выбежать за дверь.

В очередной раз отфыркавшись, муж, которого я пыталась провести, заговорил:

— Сафира, за мертвыми глазами не может прятаться жизнь, даже если бы та девушка прошла через смерть, а твои — сияют. У нее внутри жили ненависть и злоба на всех и вся! В тебе же горит огонь. Не может так естественно улыбаться тот, кто не умеет этого делать. Нельзя удивить драка хвостом дракана. Им с детства рассказывают страшные сказки о нас, и каждый знает, как мы выйдем, где наши уязвимые места.

— Просто... меня Триединый обогрел, и...

— Ты имеешь дело с темным магом! И сказки светлых не для меня! — оборвал мой лепет Сэбиан.

— Я не совсем вас понимаю, милорд...

Керо резко, но не больно, обхватил мой затылок здоровенной ручищей и заставил приблизить лицо к нему. Когда он заговорил, теплое дыхание почти касалось моих губ:

— Не надо мне врать, девочка! Я этого не потерплю! Ни от кого! Понимаешь меня?

В наступивший тишине я громко сглотнула и смогла лишь согласно моргнуть.

— Повторяю, я — темный маг! Сафира Дернейская — твоё тело, а вот душа в нём — чужая! Сообщать о подмене я никому не собираюсь, ты всё же моя жена, но обманывать себя — не позволю!

Я чувствовала, как его большой палец угрожающе давил под левым ухом, а другие — на нижнюю челюсть и затылок с правой стороны, когтями царапая кожу. Этому чрезвычайно сильному мужчине ничего не стоит придушить меня или свернуть шею и усилий не потребует, и из смешного деревянного тазика вставать тоже. В голове царил неразбериха и нарастала паника. Наверное я сходила с ума, потому что даже мурашки носились по моему телу и отчаянно вопили: «Мы все умрем, мы все умрем»...

Из состояния крайнего замешательства — такмышь, загнанная в угол котом, должно быть, себя чувствует — меня вывел звук треснувшего в камине полена, и вопрос вырвался сам:

— Почему вы так подумали, милорд?

Облокотившись на край лохани, он повернулся вполборота ко мне, чуть не выплеснув воду и большим пальцем начал рисовать загадочные узоры на моей шее. Странное дело: тепло ручейками разбегалось по телу до самых кончиков пальцев, согревая и успокаивая. Затем он произнес с некоторой ленцой:

— Сафира, цель не только украшение! Этот носитель самой крепкой связи, что может соединить женщину и мужчину, надевают для того, чтобы ты не погибла на моей родине. Мы обменялись кровью, прошли древний обряд. Я половину своего резерва вбухал в него. И что же вижу? Браслет, который просто обязан врасти в кожу и никогда, повторяю, никогда не двигаться с места... болтается.

— А вдруг вы ритуал провели неверно? — не хотела сдаваться я и преданно посмотрела на него.

В темно — серых глазах напротив снова поднялся шторм.

— Девочка, чтобы ты больше глупостей не несла, поясию прощю. Этот браслет мог сдвинуться, если бы магия драканов исчезла с лица Эсфадоса... полностью. Либо, если бы ты умерла... и не воскресла. Он завязан на душу, Сафира. Когда та умерла, мой браслет повис на запястье. Таким образом я узнал, что вдовец.

— А ваше кольцо? — прохрипела я.

— Кольцо, завязано на тело... мое. Вот оно меня и беспокоило, потому что удерживало нашу связь...

— Почему такая дискриминация по половому признаку? — возмущенно выпалила я. — Вам — моя душа, а мне — всего лишь ваше тело? Да? Выходит!

— Дискриминация? — черные дуги бровей взлетели на лоб, даже серые чешуйки чуть топорщились.

— Несправедливое ограничение прав части членов общества по определенному признаку.

— Уверен, твоя предшественница даже слова такого не знала. А про столь любопытную теорию — тем более.

Я с досадой на себя — продвинутую экс — гражданку цивилизованного демократического общества — закусила губу.

Уголки чувственных, четко очерченных губ невероятного собеседника дрогнули в ухмылке, затем он продолжил:

— Смешав свою кровь с твоей, я поделился, дал тебе возможность сливаться с нашей землей, смешивать свои потоки. Чужаков она, в отличие рожденных на ней, не приемлет. Побочным эффектом является полная брачная связь с моей стороны. Именно поэтому в обряд вплели привязку души светлого супруга к дракану.

— Понятно! — уныло прошептала я и попыталась кивнуть, но Керо продолжал крепко удерживать мою голову.

— Я! Знаю! Что ты! Не! Она! — прорычал он, четко выделяя слова для полной ясности и угрожающе сверкнув глазами.

Я беспомощно тарачилась на темного мага, чувствуя, как его пальцы еще больше сдавили мой затылок и прижали браслет к шее.

— Как тебя звали в другой жизни? — строго спросил он.

С тяжелым вздохом я приняла для себя факт разоблачения и словно в ледяную воду прыгнула:

— Светлана.

— Светлая и к тому же Светлана... Светлячок. Тебе подходит! — заинтересовался он, наконец-то убрав руку от моей головы. Затем равнодушно добавил. — Но, увы, теперь ты Сафира.

Забрал из моей ослабевшей руки импровизированную мочалку, мокнул в воду и начал усиленно тереть свои руки. Я же с трудом сдержала всхлип и с облегчением подумала: «Сафира, так Сафира, главное — живая!» Потерла местечко вокруг раны: постоянно волнуясь, дергаясь, я слишком перенапрягалась, и сейчас вновь вернулись болезненные ощущения.

Он снова намочил тряпку и бесцеремонно сунул мне в руки:

— Займись делом!

Предательски дрожащими руками я быстро намылила мочалку и начала тереть его широкие плечи, спину, шею... Потянулась к бритому затылку и задела кожаный шнурок, на котором болтался кулон. Я попыталась его оттянуть, но Керо запретил:

— Не трогай его!

— Но я только хотела... — неуверенно начала объяснять.

— Не надо трогать амулет, — оборвал он.

— Амулет? — снова невольно коснувшись интригующей вещицы кончиками пальцев, я ощутила тепло и вибрацию. Показалось, что магическую.

— Это магическая защита какая?то? — с придыханием пещерного человека, впервые узревшего огонь, спросила я.

Сэбиан усмехнулся, бросив на меня изучающий взгляд:

— Я на чужой земле. Вдобавок, еще и в святой обители, намоленной тысячами женщин. Естественно, мне нужна защита, экранирующая вашу магию света.

— О — о-о... — протянула я удивленно и занялась мытьем его мощной груди.

Чтобы не перевалиться через борт лохани, пришлось держаться за руку дракана. Кожа у него на ощупь оказалась горячей. После окончания допроса с разоблачением я, испытав немалое облегчение, чувствовала себя обычной женщиной, которую мужчина попросил потереть спинку... но этот по прихоти мироздания оказался мужем. От этой мысли невольно замедлилась и, автоматически двигая мочалкой, скользила взглядом за рукой, изучая, привыкая к нему. И по гладким чешуйкам на ключицах, и вдоль грудины провела, и... задохнулась от неожиданности и стыда, когда непредсказуемый иномирец сунул мою руку под воду и заставил помыть его в паху. Действуя тряпкой, я мало что «прощупала», но там, вроде бы, как у людей. Дракана эта ситуация несколько не смутила, казалось, он вообще развлекается за мой счет.

Сполоснув тряпку, снова намылила и возмущенно посмотрела на него. В ответ на бортик плюхнулась здоровая, перевитая мускулами лапища... нижняя. Пока мыла ее, свои ноги затекли, пришлось встать и, наклонившись, старательно тереть мужнины ножищи с чешуйчатыми коленями, гладкими, не волосатыми, смуглыми голеньями, пальцами с темными когтями.

Сэбиан, всколыхнув воду, резко подался ко мне запустил руку в разорванный вырез совсем промокшей рубахи и обхватил грудь, а я задохнулась от такой наглости...

— Похоже, в кои?то веки совершив невероятный по глупости промах, я даже его повернул себе на пользу, — ровным голосом произнес он, потеряв мой сосок между пальцами.

Мокрая тряпка свалилась в воду... Мое тело нежданно — негаданно откликнулось на ласку: грудь отяжелела, а внизу живота... Но вот... допрос, давление и его наглость...

— Вы в святой обители, милорд! — нашлась я.

— Уж поверь, кому как не темному знать об этом! — сухо парировал он. — Голову мне помой, да пора заканчивать. А то чешуя вот — вот облезет.

Мужчина, только что ласкавший меня, поднял руки, от чего рельефные мышцы, двигались, перекачиваясь словно ртуть. Из-за впечатляющего, прямо?таки завораживающего зрелища я на несколько мгновений отвлеклась от собственных ощущений. Он что?то убрал с волос, и те

шелковым водопадом рассыпались по плечам. Тряхнув головой, Сэбиан посмотрел на меня в ожидании, а я во все глаза рассматривала его. С распущенными волосами он выглядел мягче и симпатичнее. Человечнее, что ли.

Полюбовавшись игрой света от пламени на абсолютно черных блестящих густых волосах, полила из ковша, намылила ему голову и помассировала кожу. Хотела уже убрать руки и смыть мыло, но услышала:

— Еще!

— Кто?то боялся, что чешую смоем... — беззлобно пошутила я.

— Ничего...

Еще пару минут я старательно массировала голову притихшему дракану, потом решительно отстранилась и промыла волосы.

Стремительным плавным движением Сэбиан поднялся из лохани во весь рост, а я, инстинктивно сделав шаг назад, застыла рядом с ведром с чистой водой, обозревая его мускулисто — шипастое — чешуйчатое тело, что называется, во всей красе, особенно «подробности» ниже пояса. Убедившись, что «там» все знакомо, без шипов и чешуи, зажмурилась.

— Поливать тоже с закрытыми глазами будешь? — ровным тоном поинтересовались сверху. И следом с ехидцей: — А в брачную ночь?

— А скромнее нельзя быть, никак? — ядовито парировала я, смывая с него остатки мыла.

Он надменно хмыкнул:

— Лучше шокировать тебя сейчас, чем потом.

Я чуть глаза не закатила, но мою реакцию муж отметил и поинтересовался:

— Кем ты была... до? Какой сущностью?

Хотела было признаться, но в противовес его поведению, на нервной почве, видимо, решила пошутить. Вспомнив свой гороскоп, я невинно пожала плечами, поправила съехавшую рубашку и ответила:

— Змеей!

— Кем? — вытаращился он.

У меня даже в груди потеплело от мстительного удовлетворения, когда я уставилась на него невинными глазами и ресничками похлопала:

— Змеей! А что такого?

Пришел его черед озадачиваться. Для разнообразия. Жаль, продолжалось это не долго. Дракан тряхнул мокрыми волосами, переступил лохань и с таким угрожающим видом двинулся на меня, что я, отступая, пискнула:

— Ай!

— Я предупреждал: никогда не лги мне! Но ты, вижу, не вняла...

Этим вечером я слишком устала эмоционально, и больше всего устала бояться, поэтому, сжав кулаки, упрямо посмотрела обнаженному мужчине в глаза:

— А что теперь? Убьешь, да?

Он остановился в полуметре от меня, подхватил простыню, используемую здесь в качестве полотенца, и, медленно вытираясь, ледяным тоном пригрозил:

— Нет, просто, спущу свою темную сущность.

— И что будет? — уже без апломба вздохнула я.

— Она очень любит питаться жизненной энергией таких глупых, лживых девчонок.

— Я пошутила, вообще?то, — мой голос сорвался на писк. — Просто мало что уже помню из прошлой жизни, но я была человеком.

Сэбиан кивнул своим мыслям и продолжил выдавать перлы прозорливости:

— И явно из другого мира!

— Почему ты так решил?

— Речь правильная, как у аристократки, но вместе с тем, слишком свободная. Что характерно для драканы, а не для леди, которая живет за рекой! В тебе слишком много воли, независимости, однако ты рефлекторно ставишь обувь туда, где ее удобнее взять. Складываешь вещи как... прислуга. Но при этом краснеешь при виде голого мужчины, даже мужа. Ты образована, воспитана и благожелательна, но все это не плоды Эсфадоса.

— Может быть, я родилась и выросла на другом конце Эсфадоса? Почему сразу из другого мира? — предприняла я вялую попытку выкрутиться. Скорее по привычке.

— За тридцать семь лет жизни я успел побывать во многих уголках нашего мира, — ровно ответил он, отбрасывая мокрую ткань и присаживаясь на кровать.

— Ну что ж, ты прав, — тихо признала я, пока он натягивал рубаху.

Думая о том, как теперь может поступить со мной темный маг Сэбиан Керо, автоматически отметила, что он босиком. Выловила из лохани тряпку и присев на корточки, вытерла ему ступни. Пусть земля здесь сухая, глинистая и утоптанная, но все равно, мне самой было бы неприятно вымытыми ногами ходить по земляному полу.

— Спасибо, — неожиданно хрипло произнес он.

Пока Сэбиан обувался, я оправила свою рубашку, стянула ворот в кулак и ожидала его дальнейших действий.

Притопнув сапогами, он встал, подхватил кафтан, пояс, ножны, перебросил через локоть и наконец озвучил свое решение:

— Завтра ты подтвердишь брачные клятвы... по светлым и темным законам. И о твоей тайне никто не узнает!

— А как же твой друг? — всхлипнула я, чувствуя себя развалиной от усталости, ноющей боли в растревоженной ране и навалившихся проблем.

— Мы с Ройваном связаны кровью и клятвой верности. Поэтому он никогда не сможет предать меня или мои интересы!

— Но я — не ты? — уточнила я.

— Да, но тыходишь в сферу моих интересов, — спокойно ответил он, направляясь к выходу из кельи. — Утром будь готова к свадьбе.

— Хорошо! — ответила я в закрытую дверь.

Глава 11. Накануне

Две кошки стоят одного медведя

Арабская поговорка.

Вернувшаяся через минуту Ноэль, увидев меня возле камина с подсвечником в руке, прямо с порога осторожно спросила:

— Ты что делаешь?

Будучи не в самом хорошем расположении духа после общения с мужем и глубоко в своих мыслях, наверняка отражавшихся на лице, я выпалила:

— Да вот, думаю, чем бы прибить этого наглого, самоуверенного, самовлюбленного деспота, тирана и эксплуататора... моего почти мужа! А, ладно, подсвечник тоже пойдет, тяжелый... Хрясь по темечку — и нет проблем с очередным замужеством, привет, свобода выбора, жизнь и...

Я чуть не выронила подсвечник: сестра, испуганно охнув, ринулась ко мне. Бухнулась на колени, обняла мои ноги и отчаянно запричитала:

— Сафира, умоляю тебя, не надо! Не надо на них нападать. Они сильнее, разве ты с ними справишься?! И за воротами точно расположился его отряд. Мы же только — только жить собрались. Ты же обещала, что никогда не станешь прежней, Сафи... — ее голос звучал тихо, но оглушающе эмоционально, выдавая чувства, которые драка весь вечер пыталась спрятать от чужаков. — А как же я? Что будет со мной, если тебя убьют? Ты обещала, обнадежила... а сама...

Истерика Ноэль пробирала до костей, вместе со сквозняком, гулявшим по невысохшей рубашке. Поглощенная собственными чувствами, я не заметила, что и у нее нервы давно уже на пределе были. Понадобился лишь малюсенький повод, которым стала дурацкая, не смешная шутка измотанной попаданки. Попробовала отцепить бедняжку от своих коленей и поднять на ноги, но не тут?то было. Она продолжала безудержно рыдать, причем, едва слышно, содрогаясь худеньким телом. И от того, к моему стыду, картина выглядела еще более удручающей, болью отдаваясь в душе.

После второй попытки поднять плачущую девушку, сама опустилась на пол, обняла ее и начала уговаривать:

— Прости, прости меня глупую, пошутила неудачно. Ноэль, миленькая, не плачь, просто я разозлилась на Керо, вот и несла всякую чушь. Не собираюсь я никого убивать, ты что?! — потрясла сестру за плечи, и глядя в переполненные слезами несчастные голубые глаза, заискивающе зашептала. — Ну не надо, сестренка, успокойся. Все будет хорошо. Завтра выйду замуж, и все устроится. Сэбиан не даст нас с тобой в обиду, вот увидишь!

— Ты так легко назвала его по имени, будто вы уже лет десять в браке живете... — хлюпя носом, неуверенно заметила она.

— Стоило один раз помыть мужчину — и такое чувство, что всю его подноготную узнала.

— Да — а-а? — недоверчиво откликнулась драка.

Я помогла ей встать с пола и, обняв, повела к кровати, продолжая увещевать:

— Мы с ним уже столько всего прошли вдвоем: и свадьбу, и проклятье, покушение на убийство и самоубийство, и почти развод, сейчас, вот, помывку совместную. А завтра опять свадьба... Так что, думаю, вполне можем общаться по — семейному, без лишних формальностей. Сафира и Сэбиан — как хорошо наши имена вместе звучат, что диву даешься, отчего я раньше противилась нашему браку...

Мы переглянулись и захихикали.

— Слава Триединому, ты снова шутишь и улыбаешься, значит, точно не изменилась!

— Ага, слава ему! — весело согласилась я, залезая под одеяло, но вспомнив о Данкере, ворчливо уточнила: — лорд не приставал?

— Нет, как можно? Он же клятву дал...

— Если бы всем обещаниям мужчин можно было верить... — тяжело вздохнула я.

Ноэль покачала головой и с жаром зашептала, словно боялась, что кто-то услышит:

— Всем известно, что темные крайне редко дают клятвы. И только тогда, когда точно знают, что выполнят!

— Ого, неужели порядочные? — удивилась я.

Девушка усмехнулась и с придыханием, как страшилку, поведала:

— Нет, просто, говорят, что в противном случае драконы получают откат их же темной магией. И чем серьезнее клятва, тем сильнее последствия. Поэтому не нарушают своих обещаний. Правда не больно ими разбрасываются!

Фу — ух, устала сегодня, будто мешки ворочала. Но одно «но» не давало мне уснуть:

— Ноэль?

— Да, Сафи?

— Скажи честно, ты сможешь выйти замуж за дракана? И жить там?

Девушка завозилась под одеялом, наверное, не решаясь ответить как на духу. Я легонько

толкнула ее локтем и пристально посмотрела прямо в глаза.

Кузина вздохнула, отрицательно качая головой:

— Я слабая... Даже если привязать кровью дракана, не проживу у них долго. Но это же лучше, чем ничего, правда?

Я потрясенно уставилась на хорошенькую шестнадцатилетнюю драку, которой в Хемвиле пришлось едва ли лучше, чем отдавшей богу душу старшей родственнице. Которая не знает, сколько ей осталось жить, но живет как может именно сейчас, особо не надеясь на чудо...

— Выходит, ехать со мной на темные земли — для тебя подобно самоубийству, только медленному? — уточнила я.

— Ну... — протянула она.

Не дожидаясь положительного ответа — и так ясно, сообщила:

— Сэбиан сказал, что Хасин умер...

— Что? — оборвала меня на полуслове Ноэль.

— Да! Из-за ранения в плечо — зараза попала — почил неделю назад.

— Вот так новость! — Взволнованная неожиданным известием кузина села в кровати. — Представляю, какая драка за Хемвиль сейчас начнется.

— И кто будет претендовать? По — твоему? — заинтересовалась я.

— Гранту Керо он не нужен. Это любому драку и человеку понятно. Я вторая наследница после тебя, но женщине в одиночку не удержать поместье.

— Ну, а кроме тебя? — поторопила я.

— Кроме меня, другие Револейские... А еще со стороны твоей матери ее двоюродный брат, Гленир Сандерский — молодой и родовитый, но безземельный. Младший сын бедного рода. Вряд ли ему удастся без поддержки захватить власть в Хемвиле.

Глаза Ноэль потеплели и заблестели, а в голосе появилась... нежность, когда она упомянула некоего мужчину, невольно выдав, что испытывает к нему симпатию.

— Он тебе нравится? Холостой?

Девушка покраснела, опустила голову и призналась:

— Просто он пару раз защищал нас с тобой от твоего отца и покойного супруга, пока служил в Хемвиле. За что даже не успел принести присягу лорду Калему.

— Где он сейчас?

— Не знаю. Когда мы уезжали, его не было в замке.

— А если бы у него было законное право, он смог бы удержать Хемвиль в своих руках?

— Да! — грустно кивнула Ноэль. — Гленир сильный, умный и честью дорожит. Такой прикроет спину в бою и не обманет, но в том кошмаре, что у нас творился, он не смог находиться.

— Милая кузина, я кое-что придумала!

— Что? — оптимизма не уловила.

— Любыми путями уговорить Сэбиана, чтобы помог выдать тебя замуж за этого Гленира Сандерского и оставить вас управляющими, а в дальнейшем сделать собственниками Хемвиля. Как ты правильно отметила, дракану замок ни к чему, и мне, видимо, тоже. Разумнее всего, чтобы он остался в семье Дернейских по твоей линии. И... Амалия ради него погибла, так что, может быть ее двоюродный брат там счастливым станет... мама была бы рада.

Моя подопечная снова расплакалась, уткнувшись мне в плечо, только теперь от счастья, вернее, надеясь его обрести. Конечно, мы не были уверены, что получится, как нам хочется. А сколько времени займут поиски Гленира? Но обе непременно должны попытаться наладить жизнь. Главное — уговорить мужа помочь в этом нелегком деле. Ведь по закону замок его...

Ноэль боялась поверить в свою личную счастливую сказку: вдруг Гленира скоро не найдем, а Керо не захочет долго искать, а может и вообще — вмешаться в бабские дела. Или, того хуже, вдруг тот уже женился ненароком... От моего возражения «на что он семью кормить будет» она отмахнулась, потому что «такого белокурого зеленоглазого красавца — драка любая человеческая богатая наследница с руками и ногами заберет».

Таким образом, утомленные и возбужденные донельзя, заснули мы с трудом, как и встали утром, уже по привычке с первыми петухами.

Глава 12. Бракосочетание

Муж и жена — одна сатана

— Сафи, простынешь. Платье теплое, но ты еще слаба после болезни... — мягко попеняла Ноэль, накрывая мои плечи плащом, подбитым мехом наподобие кроличьего.

Обернулась к подруге и благодарно улыбнулась, объяснив, почему захотела постоять у открытого окна:

— Сегодня особое событие: замуж выхожу. Обычно в этот праздничный день девушкам полагается испытывать волнение, восторг, а... я — смятение и неуверенность в будущем. И все! Хоть красивым восходом полюбуюсь!

— В прошлый раз ты испытывала страх и ненависть, а сейчас — всего-то неуверенность, — с печальной улыбкой заметила Ноэль, присоединяясь ко мне.

Я не могла не оценить поддержку и хихикнула:

— Да уж, жизнь налаживается! — В очередной раз осмотрела свое красное традиционное платье и мрачно констатировала: — Наверное ни одна драка Приграничья не наряжалась в свадебное платье чаще, чем Сафира Дернейская. Глядишь, так дело пойдет — заносу до дыр...

Девушка не выдержала и прыснула от смеха.

— И не надейся, дорогая! Ты в последний раз надела его. Я непременно постараюсь дожить до

глубокой старости, — раздался за спиной не менее мрачный, чем мой, голос Керо.

Сразу ступавшись под потемневшим взглядом внезапно явившегося «жениха», через несколько секунд я опомнилась: с чего бы, ничего «такого» не сказала... вроде, и точно не имела в виду. А подслушивать не приветствуется в любом обществе.

— Как вам будет угодно, милорд! — позволила себе чуточку язвительный тон, потом, увидев входящего следом за Сэбианом Ройвана, вежливо поклонилась и добавила. — Чудное утро, милорды!

— Леди Сафира, вы невероятно прекрасны сегодня, впрочем, как всегда... и не смотря ни на что, — похвалил меня последний с таким же поклоном, затем посмотрел на Ноэль, склонившуюся в реверансе, и, мягко улыбнувшись, обратился к ней: — А вы, госпожа Лояну, сегодня, словно бутон арисы, нежная и восхитительная.

Выслушав Данкоро, драка покраснела, я, наверное, тоже, потому что почувствовала, как тепло прилило к щекам, к сожалению, продемонстрировав драканам нашу полнейшую наивность и неискренность по части комплиментов.

Мужчины задумчиво уставились на нас.

— Мы идем? — нервно поторопила я, чтобы избавиться от неловкости.

— Занятно, миледи! — усмехнулся Керо, скривив уголок рта. — В первый раз вы не спешили стать моей женой.

Вспомнив, что надо было поблагодарить за комплимент, как положено настоящей леди, чему, в конце концов, Ирина в той жизни учила, а не молча краснеть. С досады я чуть слышно буркнула:

— Остается опять порадоваться за вас, милорд!

Данкоро не сдержал смешка, но промолчал. А Сэбиан, взяв меня за руку, повел к двери.

По настоянию гранта обряд проводили во дворе. Не сложно догадаться почему: снова расходовать половину своего магического резерва темный не захотел, а может и больше, из-за того что на сей раз бракосочетание происходило в светлой обители.

Сначала нас обвенчала абаниса Эйра. И если я, несмотря на обстоятельства, испытывала душевный подъем и внутреннее благоговение во время святого таинства, то дракану пришлось тяжело. Ощувив как дрожит мужская рука в моей по окончании священнодействия, я почувствовала жалость к мужу, и неожиданно — уважение и благодарность. Ведь он знал, каково ему будет, но пошел на это ради меня.

Твердо решив ответить тем же, я уверенно смотрела Сэбиану в глаза, когда он начал проводить второй обряд согласно традициям темных. Даже когда полоснул по моей ладони ритуальным кинжалом, поморщилась, но не пыталась убрать дрогнувшую руку и слезы вытерла рукавом другой.

Но стоило нашей крови смешаться, а Керо — запеть, со мной начало твориться что-то непонятное. Однозначно — не то, что происходило с Сафирой. От места соприкосновения наших окровавленных ладоней растекалась волна холода, пробирая меня до костей.

Я застонала и зажмурилась, захотелось обнять себя и сжаться в комочек. Попыталась выдернуть свою руку из когтистой ручищи, но маг крепко держал.

Неожиданно холодный поток словно загустел, превратившись в нечто живое, темное и жутковатое по ощущению и восприятию. Это что?то зашевелилось у меня под кожей, устраиваясь, обживаясь. И, кажется, делаясь целым сонмом едва различимых эмоций...

В ужасе открыв глаза, хотела заорать, но в этот момент посмотрела на Сэбиана, и крик застрял в горле. Мужчина посерел, на щеках выступил лихорадочный румянец, что обычно бывает, когда во время болезни температура поднимается, или обгораешь на солнце. В сумеречных глазах мага появилось смятение и удивление: он явно не ожидал того, что происходило с нами сейчас. И одновременно продолжал хрипло монотонно петь. Пришлось мне, сжав зубы, терпеть боль и страх, держась за его ладонь, как утопающий за спасательный круг.

Брачный браслет снова обжег кожу на месте, где намертво врос, послав волну озноба по всему телу. Затем я почувствовала на запястье холод, облегчивший страдания, и все — больше никаких неприятных ощущений. Если бы не эмоциональный откат!..

Керо замолчал, по — прежнему удивленно глядя на меня. А я не выдержала и, вырвав, наконец, свою ладонь, чуть не плача, пожаловалась:

— Ты не предупредил, что во второй раз будет настолько больно и жутко!

Сэбиан резко шагнул ко мне, сграбастал и прижал лапищей мою голову к своей груди. Однозначно, с намерением заткнуть рот. А я — что? Все поймала на лету. Обиженно зыркнула на него и замолчала, подчиняясь безмолвному приказу не ляпнуть лишнего при посторонних.

Как ни странно, в объятиях иномирца, более того, темного мага, ставшего моим мужем, я ощутила спокойствие, которого так не хватало в последнее время. Доверчиво положила ему на грудь раненную ладонь и сама, все еще вздрагивая, уткнулась в кафтан. Пару раз всхлипнув, затихла, наконец.

Муж бережно погладил меня между лопаток, затем наклонился к моему уху поближе и выдохнул:

— Тебе станет легче, если я признаюсь, что сам не ожидал образования полной связи?

Шмыгнув носом, я подняла лицо и, посмотрев в темно — серые глаза, спросила:

— А что это означает?

Здоровенная тяжелая ладонь, переместившаяся на талию, замерла, потом последовал лаконичный ответ:

— Я тебе скоро расскажу и даже дам почувствовать.

Уловив подтекст, опять шмыгнув носом, я с подозрением взглянула на мужа, заставив его усмехнуться.

— Вещи миледи погрузили, мы готовы в путь! — нарушил странный волнующий момент Данкоро.

От вкрадчивых мягких ноток в его голосе не осталось и следа, насторожив меня, хотя взгляд

оставался прежним — доброжелательно — изучающим.

А вот абаниса Эйра кротко улыбалась, но тревожно посматривала по сторонам. Разумеется, ей бы поскорее проводить загостившихся чужаков за ворота и забыть о нас, как неприятный докучливый сон.

— Неужели мы прямо сейчас в дорогу? — удивилась я спешному отправлению в «свадебное путешествие».

— Святая обитель людей — не то место, где дракан чувствует себя хорошо... — прозрачно намекнул Данкеро, продолжая внимательно разглядывать меня.

Я понуро кивнула, нашла взглядом взволнованную бледную «свидетельницу». Взяв ее за ледяную ладошку, на подрагивающих после темного обряда ногах повела к воротам за лордами. Те шли впереди, позволяя лишний раз оценить мощь их фигур и ширину плеч. Синий бархатный кафтан лорда Данкеро поблескивал золотой вышивкой; рубаха, мелькавшая в боковых разрезах, тоже была украшена затейливым шитьем. Пожалуй, друг жениха выглядел празднично, будто на самом деле собирался на свадьбу. А вот жених, вернее уже муж...

Сэбиан, в отличие от нарядного друга, выглядел чересчур строго и чопорно в черном бархатном кафтане. Солнечные лучи играли на украшенном золотыми заклепками и накладками поясе и колечке, закреплявшем хвост на макушке. Я невольно засмотрелась на его бритые виски, затылок, крепкую шею, которую подчеркивал высокий воротник нижнего платья и шалеобразный верхнего.

Суровый, властный и вместе с тем харизматичный облик темного гранта внушал уважение. Такому мужчине побрякушки да украшения ни к чему, он и без них сразу выделяется среди окружающих.

Снова тяжело вздохнула и заинтересованно посмотрела на пятую точку моего дракана. Правда, сколько я ни сверлила его зад, хвост так и не появился.

А еще муж заметно покачивался, вне всякого сомнения, от слабости. Казалось, вот — вот ступит и запутается в длинных полах кафтана, даже при свете дня напоминавшего клубящийся черный дым. Меня так и подмывало подставить ему плечо. Но вряд ли Сэбиан хотел, чтобы кто-то заметил, что с ним неладно, и я молча наблюдала за его скованными движениями.

Вчера, когда настаивала на брачном обряде по законам людей и драков, отчаянно надеялась на потерю новобрачным «трудоспособности» с целью получить отсрочку исполнения супружеского долга. А сейчас, собственными глазами увидев, насколько физически сильному мужчине тяжело далось повторное освящение семейной жизни, неожиданно расстроилась и почувствовала себя виноватой.

Пришлось шагать за мужем по каменной дорожке к высоким дубовым воротам, испытывая муки совести и уговаривая себя, что он сам виноват. В конце концов, я Его Темность силком в постель тащить не собиралась, в отличие от него.

Сэбиан несколько раз оборачивался, окидывая меня странным задумчивым взглядом. Я уже было обеспокоилась повышенным вниманием, но мы подошли к воротам. Старая привратница открыла одну створку и напряженно следила, как слишком обременительные гости покидали обитель. Грохот воротин и лязг закрывающегося засова отозвались в душе страхом перед неизвестностью, как бывает, когда теряешь стабильность, пусть в данном случае относительную, но тем не менее. А вот что грядет? Ненавижу неопределенность всеми

фибрами души! Когда знаешь, что предстоит или грозит, с проблемами легче справиться, либо преодолеть трудности. А тут...

Глава 13. Поворот

Истинная женщина — это нечто большее, чем просто нормальная, адекватная, «удобная» миру и своему любимому, женщина. Истинная женщина — это космос состояний, это бездна эмоций, это сама история. Хотите стать историей? Тогда нужно быть собой!

Н. Масибут

Мои грустные раздумья оборвали ржание лошадей и перестук копыт. Рядом тяжело вздохнула Ноэль, зябко кутаясь в новый теплый плащ, тот самый — из моего приданого. Но сегодня же не холодно, хоть и раннее утро, тогда почему сестра мерзнет?! Слева мешал забор, справа — Ноэль, я выглянула из-за мужниного плеча и — вцепилась в его руку, потрясенная открывшейся картиной.

Десять грозных, хмурых воинов драканов, обвешанных оружием, восседали — по — другому не сказать — на огромных лошадях, похожих на наших тяжеловозов. Немного осмотревшись, я обратила внимание на детали. У животных ухоженные гривы и хвосты. Седла почти плоские, напоминающие спортивные. Всадники одеты в темные кожаные кафтаны и знакомого вида длинные рубахи. Все как один брюнеты, с косами, собранными на макушках ремешками и спускающимися до пояса. Видимо, «прическу», как у главы клана, им носить не полагается. Их лица... Из десяти воинов, что сейчас пристально разглядывали меня удивленными глазами, по — другому никак не выражая эмоции, трое были в большей степени чешуйчатыми, чем остальные, и таким образом меньше походили на обычных людей, хотя, в данном случае — драков. Бр — р-р... зверолоуды, в общем, или ящеролоуды — пришло на ум определение этим представителям мира Эсфадос.

— Ну! — рыкнул Темное Сиятельство, прерывая гляделки.

Стоило ему проявить недовольство, один из всадников с невероятной пластичностью спрыгнул с коня и метнулся в хвост отряда. Через несколько секунд к нам подвели двух привычного вида лошадей. Серый в яблоках мерин из моего кошмара, спасенный Сэбианом у обрыва. И гнедая молодая лошадка. Видно, что о животных хорошо заботились — вон как лоснятся.

Керо подошел к мерину, ласково погладил по морде и позвал:

— Сафира, этот твой. Иди сюда, я подсажу...

Ноэль шустро скользнула мимо меня к гнедой, постаравшись, чтобы никто не успел к ней подойти с помощью, и сноровисто села в седло.

А я... я тарасилась на коня, которого моя предшественница чуть не убила и, к своему огорчению, видела в его влажных черных глазах страх и неприятие. Уверившись, что мерин, мягко говоря, везти меня не горит желанием, перевела взгляд на Керо и вымученно улыбнулась:

— Милорд, вы же в курсе, что у меня амнезия... э — э-э, отши... потеря памяти?! Дождавшись от него понятливого смешка, смиренно уточнила. — Я не умею... забыла, как ездить верхом. А конь не любит меня...

— Ты его тоже не любила! — возразил муж. — Поэтому, если изменишь к нему отношение, он

тоже... полюбит.

Я, кажется уже привычно, тяжело вздохнула:

— А как его зовут?

Оба лорда удивленно приподняли брови, ответил Керо:

— Не знаю! Это же твой конь!

— У него нет имени! — вмешалась Ноэль, на зависть свободно державшаяся в седле. — Ты говорила, что имя привязывает к живому существу. А такой слабости нельзя себе позволить в Хемвиле!

Я осторожно приблизилась к мужу, державшему лошадь под уздцы, взяла его для храбрости за локоть. Затем посмотрела в глаза коню и тихо спросила:

— Давай ты будешь Серегой?

Конь фыркнул, боднув головой Сэбиана и напугав меня.

— Ты против Сереги? Хочешь, я ласково тебя звать буду — Сережкой?

Теперь в отряде послышались недоуменные смешки. А строптивец продолжал напряженно косить на меня глазом и перебирать ногами.

Нет, я не сумасшедшая, чтобы на него садиться. Поэтому, задрав голову, просительно посмотрела в сумеречные глаза мужа:

— Сэбиан, а можно я...

— Пешком? — сухо спросил он. — Нет, нельзя.

И ждать, пока ты наладишь со своим конем отношения, у нас нет времени.

— Я хотела спросить, можно ли мне с тобой? — обиженно буркнула. — Хотя бы немного... чтобы привыкнуть и...

— Ты согласна ехать у меня на коленях? — жестко спросил он, похоже, почти не сомневаясь в отказе.

— Да! — пискнула я в ответ, тоскливо подумав, что если сейчас откажет, то скоро станет вдовцом снова.

Муж свистнул, сначала я услышала топот и радостное ржание, а пото — ом увидела... Монстра! Черного, огромного коня, который мощным плечом оттеснил бедного Серегу в сторону, чуть не затоптав.

Я потрясенно смотрела на чудовище и мысленно потешалась над собой, в той жизни наивно мечтавшей о рыцаре на черном коне. Получи и распишись! Романтическая идиотка! Лучше бы как прагматичные женщины об олигархах на белых мерседесах мечтала... Хотя, чем гранд не олигарх?

Несмотря на слабость, Керо птицей взлетел в седло, затем, подхватив меня за талию, легко

поднял к себе на колени. Посмотрела вниз — высокогато! Боженька, если я сверзнусь под копыта этому животному, то могу и не воскреснуть. Только и осталось, клещом вцепившись в пояс мужа обеими руками, истово молиться.

— Жена, в пределах моей досягаемости лучше не упоминать светлых богов. Да еще от всего сердца и с таким жаром...

— Почему? — прохрипела я где-то в области его плеча.

— Совсем ослабну и могу уронить... тебя! — серьезно пояснил он.

Моя хватка, наверное, стальной сделалась. Но любопытство распирало больше:

— Ты действительно ощущаешь ее? Ну, чужие молитвы? Землю?

— Сильнее, чем ты можешь себе представить!

— Да — а-а? А что ты чувствуешь? — я отважилась чуть — чуть отлепиться от него и взглянуть вверх.

— Я — темный маг! Уверен, отголоски моей магии ты, в свою очередь, ощутила во время обряда. Разве тебе приятно было?

Невольно передернулась от отвращения. Но в этот момент конь тронулся с места, и я снова вцепилась в мужа.

— Так и я воспринимаю все, связанное со светлыми: вашу землю, молитвы и особенно святые места.

— А мою магию? Ты же сказал, что она вкусно пахнет?

Сэбиан отпустил поводья и рывком пересадил меня лицом к голове коня. Несмотря на то, что его руки фиксировали меня по бокам, а одной он обнял меня за талию, все равно держалась за его кафтан, намертво сжав ткань в кулаки.

— Да, она очень вкусно пахнет. Особенно теперь, когда наша кровь смешалась. Ты сможешь много дать моей земле. — Отозвался муж спустя минуту, когда я немного успокоилась и поняла, насколько это интимно, так ехать.

— Надеюсь... — едва слышно выдохнула.

— Я рад, учитывая, что было... в прошлый раз...

Мы выехали на пригорок, с которого открылся вид на скромную уединенную обитель Святой Матены на каменистом обрыве. Я наглядно убедилась, что сан монахини не для меня. Хочу жить полной жизнью, любить и быть любимой. Обернулась на Кери. Мой муж! Просто невероятно! Эта мысль никак не могла уложиться в голове. Освоиться! А мне теперь надо начинать строить с ним совместную жизнь, налаживать отношения, если я действительно хочу семью и вообще — жить дальше. С Сэбианом полутонами не обойдешься. Он из категории мужчин, которые берут либо все, либо ничего.

Молчала я недолго, слишком много вопросов накопилось.

— А мы сейчас прямо в Хемвиль? — осторожно поинтересовалась его планами.

— Нет! Сейчас едем в лагерь, который я приказал разбить неподалеку.

— Зачем? Сейчас утро, и мы могли бы...

— Затем! Что свою брачную ночь я хочу получить этим утром! — в его глухом голосе вновь прозвучали угрожающие интонации.

Какой-то озабоченный муж мне достался, однако!

Сникнув, я еще минутку помолчала, потом, проверив, что Ноэль в порядке, рискнула обратиться по ее делу:

— Сэбиан, что ты хочешь делать с... моим замком?

Потомившись в ожидании ответа, наконец, услышала:

— Говори прямо, женщина! Чего ты хочешь от меня!

Нервно теребя ткань его кафтана, рискнула пойти ва — банк и рассказала о том, что мы с Ноэль задумали. Закончив, обернулась и умоляюще посмотрела в темно — серые холодные глаза, и попросила:

— Пожалуйста! Помогите нам! — и зачастила. — Ведь Хемвиль тебе совсем не нужен. А Ноэль не выживет на вашей земле. Она Дернейская, значит имеет право, и закон на ее стороне. Надо всего лишь замуж ее выдать, чтобы уберечь от очередного опекуинства и... Не губи девочку...

— У вас ничего не выйдет! — устало ответил Керо.

— Почему же? — неприятно удивилась я.

В этот момент мы перевалили через холм, и я увидела пару палаток, лошадей. Лагерь. Керо спешился, положил свои ладони на мои бедра и молчал, словно задумавшись.

— Сэбиан?! — поторопила я.

Он кивнул, снял меня с коня и ответил:

— Пока ты жива, родственники твоего бывшего супруга имеют больше прав на замок, чем Ноэль. Пока она вторая наследница, не больше.

И тут мне в голову пришла сногшибательная идея:

— А если доказать, что мой первый брак был недействительным? Ведь тогда они вообще никакого права на Хемвиль иметь не будут. Впрочем, как и на любую опеку над наследницами Дернейскими...

— И каким же образом ты собираешься доказать недействительность брака? — нахмурился муж.

За его спиной замаячил Данкеро, но меня присутствие посторонних беспокоило гораздо меньше, чем судьба Ноэль. Я видела цель и напролом шла к ней.

— Если я правильно понимаю, брак, пока не скреплен... физически, не может быть признан законным?! Ведь так?

— И ты сможешь доказать это? — почему-то хрипло переспросил Керо.

— Конечно! — я все-таки смутилась, отвечая на интимный вопрос. Поэтому поясняла уже без азарта и гораздо тише. — Мердок Револейский целых четыре года избивал Сафиру, но так и не притронулся к ее телу! Любая повитуха подтвердит, что я до сих пор невинна.

Через несколько долгих секунд молчания Ройван хлопнул по плечу Сэбиана и оглушительно расхохотался.

Я в недоумении переводила взгляд с хохочущего одного на угрюмого, явно недовольного второго.

— Мне не жена досталась, а наказание за грехи! — со злостью заявил Керо.

— Ты о чем? — уныло спросила я.

— Завтракаем и собираемся! — рявкнул Его Темность своей охране. Затем мне пояснил: — С одной стороны, ты просто сокровище: красивая двухцветная драка, которую теперь можно привязать не только моей кровью к себе, но и кровью твоей невинности к моей земле. Теперь не сбежишь... от меня.

— А с другой стороны? — обреченно поинтересовалась я.

— С другой — брачную ночь, в связи с этим, придется отложить, — ровным голосом, справившись со своими эмоциями, произнес Керо.

Какое облегчение! У меня прямо от сердца отлегло. В тоже время под кожей, там, где поселилось то самое «темное» нечто, царил хаос из различных чувств. Но злость и радость бушевали на равных.

— Так ты поможешь нам... Ноэль? — тихо спросила я, положив ладонь на его руку.

— У нас слишком мало времени, посмотрим, как дело сложится.

Запищав от восторга, я подпрыгнула и захлопала в ладоши. Однако быстро угомонилась, смутившись, потому что все до единого мужчины вокруг пораженно смотрели на меня. И даже сестра.

Неосознанно спрятав руки за спину и опустив глаза долу, я невольно вспомнила свое детство. Ирина, обладавшая замашками английской аристократки, вечно одергивала меня за подобные всплески эмоций, по ее мнению, не подходящих для леди. Тем не менее, все равно они прорываются из меня фонтаном, а ведь не девчонка уже.

Глава 14. Чужие обычаи

Обычай примиряет с действительностью.

Эдмунд Бёрк

— Завтрак! Быстро! — приказал Керо караульным, встретившим нас в лагере.

Я обратила внимание, что трое «поставленных на хозяйство» драканов выделяются повышенной чешуйчатостью, если так можно сказать. Видимо, представители темной расы различаются между собой и по этому признаку.

Дежурные по кухне сноровисто подкатали два бревна и натянули между ними кожаное полотно, устроив своеобразный низенький столик, вокруг разложили подстилки. Прямо кемпинг за две минуты...

На стол выложили, предварительно развернув из холстин, хлеб, сыр, вяленое мясо, чем-то наполненные бурдюки с выпирающими боками, и роскошь для весны — яблоки.

Как только Ройван жестом позвал нас завтракать, Ноэль послушно подошла и присела на подстилку. Похоже, она во время предыдущей поездки освоилась с правилами и обычаями драканов.

Я вздрогнула, когда Сэбиан неожиданно взял меня под локоть, чтобы проводить к столу. А потом настал черед новым сюрпризам. Едва я протянула руку к кусочку сыра, Кери сцапал его и пояснил:

— Сафира, ты моя жена. По обычаям драканов, за общим столом замужнюю женщину всегда кормит муж.

Я вытаращилась на него и спросила:

— А если он не в состоянии этого делать? Напился, например. Или обиделся на жену... Тогда что?

Лорды поморщились, а от темного внутри меня исходило возмущение.

— Драконы не пьют... точнее не пьянеют, — с едва заметной снисходительной улыбкой пояснил Ройван.

— А обида? Или ненависть? Или... — попыталась уточнить наиболее возможные причины будущей голодовки.

— Дракан никогда не обижается на женщину, — вновь отозвался Ройван. — Это... мы настолько разные, а женщины слабые, что... уровни восприятия другие, — он с трудом подбирал слова, объясняя очевидное для них положение вещей. — Разве может обижаться день на постоянно сменяющую его ночь?

— Да — да, — хмыкнула я беззлобно, вспомнив первую встречу с драканами, их настороженное, предвзятое отношение. — Вы не обидчивые, просто память у вас хорошая...

Данкери, уловивший мою иронию, прикусил губу, в его глазах блеснули смешливые искорки. А вот Кери спокойно наблюдал за мной изучающим взглядом, продолжая держать в руке тот кусочек сыра, который я должна была взять губами.

А, ладно, раз так положено, пусть кормит. Будем налаживать семейные отношения, в конце концов, аппетит разыгрался после насыщенного событиями раннего утра, проведенного на свежем воздухе, не шуточный. Я чуть наклонилась и, обхватив запястье мужа руками, поднесла к себе. Вдохнув кислородный запах овечьего сыра, осторожно взяла губами кусочек. Ни взгляд Сэбиана, ни поза не изменились, зато темный у меня внутри отозвался удовлетворением, дав понять, что вероятно это испытываемые мужем эмоции. Пока с удовольствием жевала вкусный сыр, одновременно пыталась разобраться, как теперь к этой обретенной способности относиться. Тем временем длинные сильные пальцы кормильца предложили взять кусочек лепешки, затем сунули мне в руки деревянную кружку с каким-то кисломолочным напитком.

Я прожевала, запила и напомнила с извиняющейся улыбкой:

— А за что ваши мужчины могут ненавидеть женщин?

Муж осторожно, словно боялся спугнуть, ласково провел здоровенной лапищей по моей щеке и заботливо убрал мешавшиеся прядки золотистых волос за плечо и короткие — за ушко. Потом, словно в противовес этой нежности, строго предупредил:

— Мы — темные! Ненависть тоже темное чувство. Есть у нас те, кто активно поддерживают ее в других, чтобы питаться и укреплять свою силу. А вообще, дорогая, ненависть у темного — весьма кратковременное чувство...

— Почему? — почти шепотом спросила я.

— Потому что ненавидим мы лишь врагов, а врагов убиваем... рано или поздно. А так как даром кормить чужую силу своими темными эмоциями никто не хочет, то убивать врагов, как правило, поторапливаются.

Покивала, давая понять, что услышала. Запила из кружки чем-то по вкусу напоминающим наш айран не столько еду, сколько ошарашившую информацию.

И куда, спрашивается, еду? К чокнутым убийцам?

Мое состояние не замеченным не осталось. Кусочек вяленого мяса муж поднес к моим губам со словами:

— Я рассказал об этом к тому, чтобы ты знала: среди драканов больше всего ценятся положительные эмоции и чувства, как ни странно для вас, светлых, звучит. Чем проще смотришь на жизнь, тем дольше живешь, и меньше пиявок будет питаться за твой счет и высасывать жизненную энергию. — Заметив мое удивление, он весело добавил: — Поэтому лишний раз думай, прежде чем говорить. Сдержанность тоже приветствуется.

Я уныло кивнула, вспомнив, что недавно прыгала. Задумавшись, как выгляжу со стороны, самой себе напоминая беспомощное дитя, взяла кусочек предложенного мяса, нечаянно лизнув кончики пальцев «заботливого папочки». А он неожиданно вкрадчиво добавил:

— Хотя, сдержанным должен быть мужчина. Женщинам, особенно замужним, прощаются вольности. Вы же... другие...

Радостно встрепенувшись, я приподняла голову и переглянулась с не менее удивленной Ноэль, которая, по — видимому, тоже впервые услышала неизвестные факты о жизни драканов, причем от них самих.

Дальше я не обращала внимания, что ем и каким образом, в основном интересуясь внешностью Кери. На этот раз залюбовалась игрой света в абсолютно черных, блестящих гладких волосах, закрепленных золотым колечком, пускавшим солнечных зайчиков.

Взяв губами очередной ломтик сыра, я на мгновение замерла, заметив как Сэбиан слизнул крошку с пальца и следом отправил себе в рот кусочек лепешки. Это так лично выглядело, что даже дыхание сперло от всплеска непривычного ощущения близости. Наблюдать, как муж ест, оказалось так интересно и даже немного забавно, потому что когда он жует, чешуйки едва заметно шевелятся и уши двигаются.

— Что вас так развеселило, миледи? — отвлек меня Данкоро.

Не найдя с ходу что ответить, просто пожала плечами, чувствуя как щеки предательски заливают от смущения.

Сразу после завтрака начались стремительные сборы. «Столик» и подстилки скатали, палатки сложили за минуту. Поклажу навьючили на запасных лошадей. Пришла и наша очередь «по коням». Точнее — моя. С опаской подошла к привязанному Сереге. Сперва пробовала подластиться к несговорчивому животному, тихонечко болтая всякие нежности, потом нанизала припасенное для него сморщенное яблоко на ветку и осторожно протянула. Конь громко фыркнул, заставив меня, библиотечную крысу, никогда близко не подходившую к лошадям, испуганно вздрогнуть и шарахнуться.

Попытка приручить мерина вызвала ухмылки у воинов, по — прежнему с удивлением поглядывавших на меня. И я их прекрасно понимала! Они видели «ту» Сафиру, которая уверенно скакала на лошади, поднимала пласты земли магией, ненавидела всех и вся, ловко орудовала кинжалом и даже убивала.

А сейчас перед ними другая — «та», что боится собственного коня, просится на коленочки к мужу, раньше противившаяся ему настолько, что пыталась спрыгнуть с обрыва, только бы не пересаживаться на те же коленочки. Ест у него из рук теперь, хлопает в ладоши... Невозможно переделать свою суть.

И еще, загадочный умиротворенный темный, поселившийся во мне, сейчас посылает спокойствие и уверенность.

— Одним яблоком его не купишь, — раздался рядом со мной бесстрастный голос Кера.

— А тремя? — уныло спросила я.

Уголки четко очерченных губ дрогнули в улыбке, но ответил он, не меняя тон:

— Нет! До Хемвиля ты поедешь со мной. Я так решил!

Моя независимая натура воспротивилась столь бескомпромиссному заявлению, но всхрипнувший рядом Серега, резко мотнув головой, быстро и эффективно заставил согласиться:

— Как скажете, милорд.

* * *

Кавалькада из пары десятков всадников двигалась по дороге между холмами, поросшими низкорослым кустарником и весенней зеленой травкой, пробившейся через прошлогодний сухостой.

Сначала я не могла ни о чем думать, кроме как удержаться на огромном высоченном коне по кличке Трак, что на языке богов драканов означает верный.

Спустя некоторое время успокоилась и уже не держалась бульдожьей хваткой за полы кафтана. Скорость нашего движения тоже изменилась: до лагеря мы ехали шагом, наверное, — к сожалению, видами походки лошадей не интересовалась. В общем, не торопились, а теперь рысили. Соответственно, я испытывала дискомфорт — особенно доставалось моему заду,

который, по идее, должен быть привыкшим к подобным нагрузкам, а нет. И куда эта хваленая мышечная память запропастилась? Кроме того, чувствовала себя неловко, потому что при каждом движении муж терся о мои ягодицы пахом, и довольно скоро я ощутила его нескромное желание.

Ноэль ехала позади нас под присмотром Ройвана Данкери, и довольно скоро я перестала следить за ней — в отличие от меня, она уверенно сидела верхом на лошади и выглядела бодро.

Часа через два Керо, видно, надоела вертлявая соседка, постоянно ерзающая на коленях, угрожавшая макушкой его подбородку, и он взялся учить меня верховой езде. Я с радостью откликнулась, но дракан не был бы мужчиной, если бы даже обучение не превратил в соблазнение. Сначала теорию читал, потом заставил сесть как сам, расположив ноги по бокам Трака, и мне стало понятно, почему у них нижние платья широкие. Часть подола они отводили назад, превращая в импровизированные штаны. Так же поступили и с моим платьем, но, увы, оно не такое широкое и плотно облепило ноги.

Спустя время, не добившись быстрого результата словами, Сэбиан положил ладонь мне на промежность, застав охнуть от неожиданности, а следом почувствовать, как запылали щеки, шея и даже уши от смущения, неловкости и возмущения. А главное — невольного желания. Потому что мои бедра с усилием терлись о его руку. К тому моменту как я, сгорая от стыда и распаленная мужем, научилась правильно держаться в седле, он дышал рывками и с присвистом, сам сгорая от желания. А я причем? Мне велели держать спину ровно, слегка прогнув поясницу, развернув плечи, смотреть вперед и двигаться в такт. Сам виноват!

Зато к вечеру до конца не отобью себе все, что можно.

Как только я приноровилась к ходу Трака, путешествие верхом перестало быть сплошным мучением. После того, как оба всадника начали дышать спокойно, решила поговорить:

— Сэбиан?

— Да? — бесстрастно откликнулся он.

— Зачем ты на похороны Хасина собирался? Если тебе все равно, что будет с Хемвилем?

— Мой долг — предать тело жены земле. Я распорядился, чтобы после смерти труп сожгли... Но монашки молчали слишком долго, и я отправился проверить, в чем дело, заодно отвезти твой прах на семейное кладбище, как принято у нас. Тем более, повод случился: Хасин умер...

— То есть, сейчас, ты едешь в Хемвиль только по моей просьбе? И ради Ноэль? — уточнила я.

— Да, — коротко ответил Керо и поделился воспоминаниями. — Мы еще после первого брачного обряда удивились, почему Ноэль с тобой отправляют. Ведь любой драк знает, что девочка у нас долго не протянет, будет медленно, но неотвратимо умирать. Но ваш опекун заверил, что сестра привязана к тебе так сильно, что быстрее зачахнет с тоски, если останется.

— Он хотел разом избавиться от двух наследниц. А нас заставил молчать под страхом смерти на костре... — вырвалось у меня от обиды за несчастных девушек.

— Нас? — тело Керо напряглось.

Я грустно усмехнулась и поделилась:

— Ее память иногда выдает такие подробности, что кровь в жилах стынет.

Забеспокоившись из-за длительного молчания, — не сказала ли чего лишнего — я обернулась. Дракан взгляд в сторону отвел, поэтому довольствовалась тем, что рассматривала его мужественный и непривычный землянке профиль. У него не только аура подавляющая, но даже в чертах лица проступает «хищность»: в сомкнутых на переносице черных бровях; чуть топорщившихся чешуйках на лбу и плотно сжатых губах; на массивном подбородке; в четкой, строгой линии скул и чуть впалых щек; крупный нос и высокий лоб довершали облик грозного воина. Из-за волос, собранных на макушке и выбритых висков и затылка он чем-то напоминал самурая, что подчиняется законам чести и жестким правилам.

Удивительный мне муж достался. Никогда раньше я не задумывалась, каким он будет, должен быть. Теперь считаю: даже не по течению плыла, мечтая о любви и крепкой семье, так — на мелководье плескалась. Домечталась, получила крепкого иномирца в тридевятом царстве, прямо-таки в сказочном антураже, и это уже не мечты, не игра — реальность!

Я вновь тяжело вздохнула и опустила взгляд на свои бледные руки, лежащие на черном гладком бархате кафтана. Искренне считая красивую шикарную ткань не практичной и на родине, а для путешествия верхом и вовсе, выпалила:

— Сэбиан?

— Да? — сразу откликнулся он.

— В дороге пыль, грязь, костры, лошади потеют, а на вас с лордом Данкоро красивые дорогие бархатные наряды. Не практичнее ли было одеться в кожу, как ваши сопровождающие?

— На мне одежда из зачарованного бархата с защитой от грязи и запахов. За право носить которую любой из моих ранатов глотку перегрызет другому.

— Почему? И кто такие ранаты? — заинтересовалась я.

— Ранаты — подданные главы клана. А бархат и у драков, и у людей носят избранные — аристократы. Хотя, у светлых эта традиция — скорее дань богатству, а у нас — именно право. Изредка, правда, за заслуги перед драканами в качестве награды, любой ранат или дракан может получить от главы высшего совета бархатный лоскут.

— Любопытные традиции... — пробормотала я.

М — да, кое-что человеческое им не чуждо, на Земле тоже мантии из горностая были и цвета королевские.

— Сэбиан? — снова потеряла его за кафтан.

— Да?

— А ничего, что я по имени обращаюсь? — улыбнулась я.

— Конечно, нет! У нас среди супругов, очень близких друзей и родственников не приняты формальности. Ройвана можешь тоже называть по имени, он не обидится, более того, примет за честь, потому что в нашем клане ты выше любого.

— А родственников у тебя много? — слегка напряглась я. Вдруг я не ко двору придусь из-за

нелюбви драканов к чужакам.

— Данкери мой троюродный брат. Свой клан он потерял в дуэли сильнейших. Молодой был совсем, а его отец затеял войну кланов и проиграл, потеряв все. И Ройван в ту пору еще не вошел в силу, поэтому не смог выстоять против более сильного мага, — огорошил меня муж и прибавил еще более печальных подробностей. — Мой отец погиб десять лет назад, выгорел, проводя магические эксперименты. Мама стала супругой главы другого клана, проживающего далеко на севере. Родители отца по разным причинам тоже умерли, а матери — не поддерживают с моим кланом связи. Они были против брака их дочери с выходцем рода Керо из-за старой кровной вражды.

— То есть, у вас можно сместить главу клана, вызвав на дуэль? Кто сильнее тот и правит? — опешила я.

— Это правило распространяется исключительно на владельцев права на бархат. И сильный дар, в большинстве случаев, только у нас. — Видимо отметив, что я заволновалась, добавил, едва слышно усмехаясь. — Не бойся, Светлячок, я один из сильнейших темных магов. Быть может, самый сильный...

Я почувствовала облегчение. А то не хотелось бы, привыкнув к новой замужней жизни, внезапно остаться вдовой... в очередной раз.

Мы так легко разговаривали, что я рискнула спросить:

— Сэбиан, скажи честно, зачем тебе светлая жена?

Он долго молчал, а я, опасаясь торопить, боролась с тянущим тоскливым ощущением в груди. Неужели опять засада, прямо змейство какое-то?!

— Потом поговорим, — уклонился муж от ответа.

Крепко держась за него, я повернулась на три четверти и попросила:

— Когда знаешь, легче жить, спать, работать, а не придумывать лишнего и страшного.

Керо молчал, послав Трака рысью, что-то обдумывая, наверное. Потом, наконец-то, ответил:

— Мои земли — это горы, раньше они были богаты рудой и драгоценными камнями. Благодаря накоплениям, мой клан до сих пор один из богатейших. Но постепенно ресурсы истощаются, и я не намерен ждать того дня, когда рассчитывать будет не на что. Отец выгорел, играя с потоками земли, пытаясь сделать ее плодородной, но магу смерти это не под силу. А его судьбу повторять не хочу. Я случайно узнал, что двухцветная драка за рекой осталась свободной после смерти мужа и отца, подумал — это шанс для меня... А увидев тебя, решил, что выгода двойная: плодородная земля и согретая постель в придачу. И... та женщина была столь покорна, скромна, глаз не поднимала, а я так загорелся открывшимися перспективами... что сумасшествие будущей жены просмотрел.

Поджав губы, я слушала меркантильного гранта, к чести своей, признавшего промах. Пожалуй, в данной ситуации лучше банальный брак по расчету, чем, не дай бог, если бы он влюбился в мою предшественницу, а тут я...

— Спасибо за честность! — чистосердечно поблагодарила я, отворачиваясь.

Мы проехали приличное расстояние, прежде чем он нарушил тягостное молчание:

— Ты помнишь что-нибудь о другой своей жизни?

Внутренне напряглась, помялась немного и осторожно спросила:

— Что именно тебя интересует?

— По твоему поведению догадался, что многого о народах Эсфадоса ты не знаешь, никогда не видела. Это так?

— Да. — Чуть расслабилась, благодаря его, кажется, невинному любопытству.

— А магия... ты владела ею до... этого? — вкрадчиво поинтересовался он, тщательно подбирая слова.

— Нет, — со вздохом ответила я и поспешила заверить. — Не переживай, в обители я научилась пользоваться своим даром и вполне успешно его развиваю.

— А там у тебя был мужчина? — прозвучал неожиданный вопрос. — Любимый или нет...

Я отрицательно покачала головой, желая ограничиться жестом. Но темный недовольно заворчался, пришлось отвечать:

— Там все другое... было. И я... другая. Я не успела ни влюбиться и... ничего не успела, — поэтому поводу не хотела распространяться и выворачивать душу, поэтому отделалась скуными фразами, да и те с трудом дались.

— Жалеешь? — глухо спросил он.

Я пожала плечами:

— Бессмысленно жалеть о том, чего никогда не вернуть. Лучше думать о настоящем и будущем!

— Я рад этому, — тихо произнес он. Показалось, что с облегчением.

Мы вновь замолчали, а дорога, казалось бесконечно, вела и вела нас. Вскоре отряд сделал короткий привал на обед и продолжил путь.

Глава 15. Фиги, хвосты, поцелуи...

Наша жизнь и вправду театр, а мы — актеры. Но плох тот актер, который подчиняется судьбе.

О. Рой, Е. Неволina. Ромео стоит умереть

К вечеру от постоянной тряски у меня разболелась едва зажившая рана, каждая клеточка тела ныла от непривычной нагрузки. Настроение медленно, но верно ползло вниз, чему немало способствовали изучающие взгляды драканов и мужа, которые я постоянно ловила на себе. К исходу дня начавшие нервировать.

«Привал!» — рявкнул у меня над ухом Сэбиан.

С Трака я буквально сползла мужу в руки. Ноги дрожали от слабости; ссутулившись, я

осторожно потеряла шрам. Керо окинул меня внимательным взглядом, а у самой сил не осталось даже на вымученную улыбку. Для ночлега нам установили в этот раз три палатки. Наверное, лорды не приветствуют совместный отдых.

Мы с Ноэль поплелись по нужде в ближайшие кусты, затем уселись на подстилки возле костерка погреться. Закутавшись в теплые плащи чуть ли не по уши, устало и молча наблюдали за четкой работой воинов. Драканы все делали одновременно, быстро и без суеты. Распределяли охрану, готовили походные постели, варили еду на соседнем костре. Лошадей распрягли, а тех, что везли мои сундуки еще и растерли дополнительно. Каждой повесили на морду торбу с овсом.

Ужинали похлебкой из вяленого мяса и крупы: просто, но вкусно. Пока меня кормили деревянной ложкой, что раздражало невероятно, задумалась о любопытном наблюдении. Гранта ранаты побаивались, мало того, создавалось ощущение, что им неприятна его аура. Они сутулились и словно сжимались внутренне, будто рядом с ним их к земле что-то придавливает. Ройван производил такое же эффект на тех, кто не облачен в бархат.

Я тихонько поинтересовалась у драки, когда лорды отошли по своим делам:

— Ноэль, скажи честно, пожалуйста, что ты испытываешь, когда Керо или его друг рядом с тобой находятся?

Девушка задумчиво закусила верхнюю губу, затем шепотом поделилась:

— Будто на меня крепостная стена Хемвиля упала. Или меня в яму кишашую пауками засунули... или...

— Я поняла, — усмехнулась, прервав сестру, включившую воображение. — Думаешь — остальные тоже?

— Это одна из причин, почему драки не любят драканов. У них аура жуткая... — Ноэль обхватила ладонью мой локоть и шепнула на ухо. — Сафира, будь осторожнее с милордом...

— Почему? — насторожилась я.

— Просто я заметила, что сейчас он с тобой такой разговорчивый, добрый... почти...

— Да? — удивилась я.

— Да! Поверь, до этого он был совершенно другой. Жестокий, мрачный и... не разговаривал, а короткие приказы отдавал.

— Знаешь, я тоже не стремилась общаться... тогда, поэтому его поведение можно объяснить.

— Он вел себя так же и до договора о браке. Рыцарей в Хемвиле с пути хвостом раскидывал, одного чуть не убил за какую-то мелочь, а с Хасином разговаривал как с прислугой. Лишь когда тобой заинтересовался, немного сменил тон, но ровно до обряда.

Рассказ кузины не настроил меня против дракана, наоборот расположил к нему еще больше.

— Сама бы этих рыцарей недоделанных поубивала, — проворчала я.

Ноэль положила голову мне на плечо, прижимаясь теснее и тихо устало продолжила убеждать:

— Не обольщайся, сестра. Слухов на пустом месте не бывает. Драки и люди торгуют с драканами, вдоль реки есть несколько портов. Знаешь, бывалые наемники, служившие в Хемвиле, не раз рассказывали, что драканы чересчур жестоки и злопамятны. А их маги — особенно.

— Сэбиан сказал, что все мужчины драканы владеют магией... — тоже тихонько, неуверенно возразила я.

— Как знаешь, — она пожала плечиками, — я рассказала о том, что слышала, и сама в замке видела.

Ободряюще погладила девушку по голове, понимая, что ее опасения связаны с искренней заботой обо мне и благодарно шепнула:

— Спасибо, милая, но лучше буду выводы делать сама.

Донельзя утомленная поездкой, я больше всего на свете хотела вытянуться под одеялом. Снова потерла ноющую рану и в этот момент услышала шорох позади нас. Вздвигнув, мы с Ноэль обернулись: лорды стояли за нашими спинами с непроницаемыми лицами. Обе от страха затаили дыхание, кажется и сестра догадалась, что наш разговор услышали.

— Госпожа Лояну, вам приготовили отдельную палатку, — спокойным, почти мягким голосом сообщил Ройван.

— Э — э-э... а я? — невнятно проблеяла, но быстро сменила тон на не допускающий возражений. — Мы с сестрой привыкли спать в одной комнате, и не пристало незамужней...

— Ее никто и пальцем не тронет, обещаю! — оборвал меня Керо.

— Но...

— Твое место рядом с мужем.

— Ты же сказал, что...

— Да, твою невинность заберу не сейчас, но я твой муж, и ты будешь спать со мной. Всегда!

Мы с мужем как два упрямых барана стояли друг против друга. Увы, я проиграла в этой схватке слишком быстро. Смутилась и сникла, словно напроказившая школьница, под насмешливым взглядом Данкero, которым тот одарил нас. Хорошенькое дело получается, еще совсем недавно я экзамены у студентов принимала, меня побаивались и уважали, а теперь... Я... леди двухцветная, чешуйчатая, плюс магиня — недоучка с подмоченной репутацией и мужем — тираном. Причем вторым мужем!

Положила руку на плечо Ноэль, оказывая ей молчаливую поддержку. Она покорно кивнула и, ссутулившись, побрела в палатку. Жалко одинокую несчастную девочку стало до слез...

— Не волнуйтесь, миледи, — тихо произнес Данкero. — Я чутко сплю и присмотрю за ней. В палатке меховая подстилка и одеяло. Их специально захватили для девушки. Мы же не знали, что она предпочтет: вернуться в Хемвиль или...

«Или» так и осталось произнесенным. Выбора?то у бедняжки никакого не было.

Я шмыгнула носом, смахнула выступившие слезы и передернулась от холода. Похвально,

конечно, что о Ноэль позаботились, но я бы лучше переночевала с ней вместе, на меху и под теплым одеялом. А теперь, похоже, буду мерзнуть дальше.

В палатке, освещаемой внутри одинокой свечой, куда меня за руку привел Сэбиан, лежала большая красивая шкура с мягким даже на вид, коротким ворсом, а сверху — одеяло. Какая прелесть! Я снова чуть не запрыгала от восторга, а уж было вспомнила о той, что теперь путешествовала в одном из сундуков с приданым. Правда в следующее мгновение переключила внимание на начавшего раздеваться мужа. Оставшись в нижнем платье, он присел на шкуру и дал понять, что ждет, когда его разуют. Ну и традиции у них! Лучше бы я ела самостоятельно, а он таким же манером сапоги снимал. Ни советовать, ни бунтовать сил и смысла не было. Подобно древней старухе, я наклонилась и стащила с него обувь, а дальше ошеломленно наблюдала за тем, как он без разговоров посадил меня рядом, расшнуровал мои ботинки и снял. Потом встал, в очередной раз поразив плавностью движений своего крупного мощного тела, поднял на ноги меня и принялся раздевать.

— Т — т-ты что это? — испугалась я незнамо чего.

— Обещаю, ты не замерзнешь! — глухим, иногда пробиравшим до мурашек голосом, пообещал Сэбиан.

Оставшись в нижней рубашке, я растерянно покосилась на мужа, легла и потянула на себя одеяло, но он мягко остановил меня. Уложил на спину, сам вытянулся рядом и начал развязывать ленточки на вороте и груди. Я попыталась удержать их, на что Сэбиан рыкнул:

— Ты — моя!

Возмущаться и сопротивляться после обряда с установлением какой-то пока неведомой связи, — глупо. По их обычаям он, действительно, в своем праве, но я испытывала такое множество эмоций, и неловкость — прежде всего.

Ждать, когда я приду в согласие сама с собой, муж не стал. Распахнул ворот моей рубашки и жадно уставился на обнаженную грудь. А я беспомощно наблюдала, как он протянул руку и обхватил грудь, слегка помял. Потом неожиданно переместил ладонь к шраму и начал осторожно массировать, разминая ноющие мышцы. Напряжение постепенно прошло; болезненный жар сменился легкой приятной прохладой. Я едва не замурлыкала от облегчения и шепнула:

— Спасибо!

— Уже не болит? — участливо спросил Кери.

Я благодарно улыбнулась и отрицательно покачала головой.

— Вот и хорошо, Светлячок!

Он посмотрел мне прямо в глаза, нависая сверху, ласково погладил по щеке, зарылся в мои волосы пятерней, и, не давая запахнуть ворот, наклонился и поцеловал. Сначала пробовал мои губы на вкус, затем раздвинул их языком и отдался поцелую со страстью, накопившейся за день, проведенный в одном седле. Его рот дразнил, уговаривал, соблазнял. Я бы смогла оттолкнуть мужа, если бы он действовал грубой силой, однако он был нежным... Потом, пока я хватала воздух ртом, он плавно переместился вниз, и губами втянул вершинку одной груди, а ладонью начал ласкать другую, невольно заставляя откликнуться мое тело...

Впервые в жизни я попала в такую щекотливую ситуацию, когда не знала, что делать: то ли оттолкнуть, то ли еще сильнее прижать к себе. Застонала и, испугавшись, что вокруг столько народу чутко спит и не спит вовсе, пискнула:

— Сэбиан, ты что делаешь?! — хотела возмутиться, а прозвучало, кажется, растерянно.

— Наслаждаюсь тем, что имею... и так, как пока можно... — шепнул он, оторвавшись от влажного соска, обдав его дыханием и вызвав толпу возбужденных мурашек.

— Но ты же собирался... — хотела напомнить ему о решении отложить нашу брачную ночь на потом.

— Детка, — муж неохотно оторвался от моей груди, насмешливо посмотрел мне в глаза и просветил, — близостью можно наслаждаться по — разному. И отказывать себе я не намерен.

— Я считаю, что...

Мужчина, которому было не до того, что я там считаю, закрыл мне рот новым поцелуем. А затем, когда я снова ловила воздух ртом, хрипло приказал, взяв мою руку и притянув вниз:

— Потрогай меня... там...

Он быстро задрал подол платья и накрыл свою словно каменную на ощупь плоть моей ладонью. Помог обхватить пальцами и начал двигать рукой... Застонал от удовольствия... Я опять встрепенулась — услышат же! — ошарашенная происходящим, слишком быстрым переходом к интиму, а больше всего — собственной реакцией. Мне понравились ласки, в сущности, почти незнакомого иномирца. Очень!

Тем временем мою ладонь чуткий руководитель, в общем-то, не встретив сильного сопротивления, даже наоборот, двигал вверх — вниз.

— Таким способом мог бы и сам себя «порадовать», — зашипела я, пытаюсь остановить мужа — а здесь, сейчас, можно сказать, прямо на дороге, вокруг лю... драконы посторонние, Ноэль, а ты...

— Нет, — глухо оборвал меня Сэбиан. — Самому — себя не уважать. Это драки да людишки таким непотребством в одиночестве занимаются. А любой уважающий себя дракан найдет женщину.

Я чувствовала себя персонажем какого-то сюрра. Лежу черт знает где, удовлетворяю дракана и веду беседы на тему этичности секса в полевых условиях. Сэбиан убрал руку с моей ладони, вероятно «доверив» самостоятельно держать его мужественность. А может самой решать: прекратить или продолжить? Сам же с удвоенным старанием выписывал на моей груди языком и пальцами немислимые узоры, массируя, любясь и теребя ставшие болезненно чувствительными вершинки...

Не в силах сдержать нараставшее желание, я простонала:

— Просто тебя... она прокляла, вот ты и загорелся теперь... — и почему-то испугалась.

Керо наклонился к моему лицу и насмешливо презрительно выдохнул:

— Глупая, наивная Сафира! — начал покусывать и облизывать мои губы. — Проклятие — это

легкий насморк для темного мага вроде меня. Снять его не было проблемой!

Я ощущала рельеф его плоти, прижатой к бедрам, жар, исходивший от сильного мужского тела, заразилась его страстью и прониклась магией царившей вокруг ночи. Выгибаясь под его чуткими умелыми руками, все?таки запротестовала:

— Ну тогда почему нельзя подождать до... дома?

— А зачем отказывать себе в удовольствии, когда имеешь на него право? — искренне удивился Сэбиан.

— Например, чтобы узнать друг друга лучше? — ехидно спросила я. — Привыкнуть и...

— А чем этот способ хуже других? Чтобы узнать друг друга? — бесстыдно поинтересовался он. — Или тебе противна мысль быть женой дракана? — Он хмуро уставился на меня. Потом с подозрением спросил. — Или ты решила добраться до Хемвиля и отказаться не только от первого брака, но и нашего тоже?

Продолжать дальше наши отнюдь не невинные игры я не считала возможным. Приподнялась на локте, как он. Мы сцепились взглядами, и я, тяжело вздохнув, зашептала, чтобы другие не услышали нашу первую семейную ссору:

— Милорд, не давите на меня своей властью! И не насаждайте чувство вины, ясно!

— Не совсем... — он демонстративно приподнял бровь.

Я так же выразительно закатила глаза и укорила:

— Ты же знаешь, что я, по сути, не Сафира, но сейчас фиг знает в чем меня обвинил и ждешь продолжения интима?

— Что такое фиг? — мрачно переспросил он.

Сунула ему под нос соответствующую конфигурацию из трех пальцев и неожиданно для нас обеих улыбнулась:

— Вот это фига, которая все про всех знает!

Кажется, дракан, по — русски говоря, просек, в чем дело, кивнул, тоже усмехнувшись, оценив забавную ситуацию. Затем с сожалением окинул мой расхристанный вид, улегся на бок и притянул меня к себе, как ни в чем небывало пообещав:

— Завтра продолжим!

Накрыл нас одеялом и собственнически устроил ладонь у меня на груди. Так мы и заснули.

* * *

Сон выпустил из своих цепких лапок, но глаза я открывать не спешила. Сначала сладко нежилась в окутывающем меня тепле, затем настороженно прислушивалась к окружающим звукам.

Высунув нос из?под шкуры — одеяла, огляделась: в палатке никого не оказалось. Решив полежать, раз не торопят с подъемом, да и не рассвело еще толком, потянулась и уставилась в

потолок. За полотняным тентом кипела жизнь проснувшегося лагеря: ржали лошади, переговаривались лю... хм — м-м, нелюди; из-за полога тянуло дымком костра и аппетитным мясным запахом еды.

Пора бы вставать и выбираться отсюда, но не хочется. И не столько от того что мне лениво, сколько из-за моих надоедливых спутников — смущения и неловкости. Как смотреть окружающим в глаза, вернее, этого я делать точно не отважусь, как выдержать их взгляды и не краснеть, а вести себя непринужденно, когда каждый из них в курсе, что мы тут с Керо не в шахматы играли после отбоя? И вообще — спали вместе. Хотя мне двадцать шесть лет исполнилось... там. Непривычно, неудобно находиться на виду, когда личная жизнь выставлена напоказ. Меня и прежде считали закомплексованной книжной барышней, а здесь вовсе неизвестно, как себя вести «на людях», особенно — с мужем. Опыт Сафиры в данном случае не подмога. В Хемвиле такие нравы процветали, что обращаться к памяти предшественницы — равносильно суровому испытанию.

Я тяжело вздохнула, мягкая теплая шкура чуть съехала, задев мою обнаженную грудь, напомнив о первой ночи, проведенной с мужчиной. Странно, мы знакомы всего ничего, но спать в его объятиях было так спокойно... комфортно и... неожиданно приятно. Может магический обряд повлиял? Каким-то образом сблизил? Вероятно, благодаря эмоциям и чувствам темного, который поселился у меня под кожей и помогает быстрее принять мужа, понять, что опасности лично для меня он не представляет. Сложно сказать наверняка.

Невольно вспомнилось ощущение, которое я испытала, когда Сэбиан прижал меня к себе перед сном, по — хозяйски положив руку на грудь или поглаживая бедро... Или когда я, повернувшись лицом, уперлась ладонью в его чуть шершавую грудь... Я тогда сквозь дрему провела по ней вверх, до самых ключиц и шеи, ведь во сне и в темноте знакомиться с телом мужа проще, чем наяву, под его сумрачным взглядом.

Снова тяжело вздохнула: надо вставать. Под одеялом от жизни не спрячешься. Да и сестра, наверное, ждет у себя в палатке, беспокоится. Я завязала ленточки на рубашке, привстала, опираясь на локоть, искала платье и... задохнулась от удивления. Все пространство вокруг шкуры зеленело сочной травкой, а ведь вчера она едва пробивалась к солнышку, и топтались по ней...

Трясущейся рукой подтянула к себе платье, красно — черным пятном выделявшееся на травяном ковре, и в этот момент, откинув полог внутрь, в палатку скользнула Ноэль.

— Привет... — улыбнулась она, но, увидев траву, замерла, сглотнула и неуверенно выдохнула. — Грант не сдержался и взял тебя этой ночью? — после секундного замешательства недоверчиво добавила. — Тебе, должно быть, понравилось? Да?

Я накинула шкуру на плечи, зябко поеживаясь от утренней прохлады. Досадливо поморщилась и смущенно пролепетала:

— А — а-а... нет. Он меня... трогал и... целовал. — С трудом удержалась, чтобы еще и пальчиком не поковырять.

— Ну, судя по отклику земли, — девушка посмотрела на траву, потрогала, словно не веря собственным глазам, и опять выразила сомнение, — он просто мастер в поцелуях... или прикосновениях.

Я тоже попробовала зелень на ощупь и внутренне приняла правду, в которую меня природа буквально носом ткнула. Поэтому, с понурым видом признала:

— Ага, хорошо целуется. Со всей душой, можно сказать...

Ноэль хитренько прищурилась и сделала вывод:

— Значит, можно сказать, тебе повезло со вторым замужеством?

Я скривилась:

— Пока рано говорить, — не выдержала и улыбнулась, — но я очень надеюсь. Про себя же добавила: учитывая, что разводов здесь нет.

— Какое платье тебе принести? — сестра перешла к более насущным делам.

— Лучше свадебное в дороге буду трепать, чтобы в будущем точно больше не надевать, — мстительно ухмыльнулась я, вставая с походной постели.

Быстро оделась, чтобы не мерзнуть. Предусмотрительная кузина принесла с собой воду и помогла мне умыться и причесаться.

Перед выходом из палатки я выглянула наружу и — замерла, забыв распрямиться: вокруг сновали драканы, а из-под подолов свободных, как у Сэбиана, широкополых длинных рубах торчали... мощные хвосты с шишечками из шипов на кончике.

— Ты чего? — недоумевала Ноэль.

— У них хвосты... представляешь! — выдавила я удивленно.

— Ну да! — она пожала плечиками. — У всех темных хвосты — это их первая личина, правда, не полная сейчас. Драки и люди считают ее боевой. Я слышала, многие драканы постоянно в таком виде, потому что не все могут долго держать «человеческую» форму.

Обитатели Эсфадоса продолжали меня изумлять:

— Ты хочешь сказать, они специально хвост убирают? Да еще контролировать должны, чтобы не выскочил обратно?

Мимо нас прошел один из хвостатых с повышенной чешуйчатостью. Мой «гид по иномирию» придвинулась ко мне ближе и на ухо шепнула:

— Те, которые больше чешуей покрыты, совсем слабые маги. Им контролировать тело сложнее. Наши наемники говорят, что такие либо в услужении у более сильных, либо хорошие бесстрашные воины. И хозяевам преданные.

— Поняла... — благодарно кивнула я, получив новую информацию.

Мы продолжали шептаться и выглядывать из палатки, пока нас не заметили стоявшие возле лошадей и о чем-то увлеченно беседовавшие лорды, я дернула сестру за руку и потащила прочь, в кусты. Очень уж неудобно было прямо сейчас встречаться с мужем.

Нашего возвращения в лагере явно ждали. Удручающее обстоятельство — теперь мало того, что все знают, чем я в палатке занималась, так еще и каждый раз в туалет отлучиться — значит всех поставить об этом в известность. Не жизнь, а театр.

К нам быстро приближался Сэбиан — без «пятой конечности» (выяснить бы, куда именно та

девается). Длинная черная рубаха облегла его мускулистые бедра, подол вился у ног, невольно привлекая внимание к крупной эффектной фигуре.

— Судя по сочной зелени, порадовавшей меня утром, ваша ночь прошла хорошо, миледи? — глухо, тихо, но вместе с тем насмешливо произнес он.

— Судя по вашей настойчивости и благостному сопению у меня над ухом, ваша тоже, милорд, — проворковала я в отместку.

— Не совсем так, как мне бы хотелось, но в голодный год и краюшка хлеба — подарок небес, — спокойно ответил он.

— В каком смысле? В голодный год? — в душе поднималась обида. — То есть, на безрыбье любая подойдет? И я, да?

Странно, из-за чего обижаться, казалось бы?! Чужой, на момент сватовства, разумеется, мужик, по моей же настоятельной просьбе признался, что женился не по любви, а по расчету. Да еще и прогадал: сначала сумасшедшую подсунули, потом попаданка из иного мира досталась. Но после брачных обрядов и всего одной ночи с ним, я почему-то уже не считала его чужим — свой теперь, пусть и на подсознательном уровне.

Пожалуй, у меня все было на лбу написано, потому что Сэбиан пристально смотрел мне лицо. Приложив усилия, я приняла равнодушный вид и попыталась отвести взгляд от его необычных, переменчивых, словно подведенных сурьмой глаз.

— Оставь нас! — приказал он Ноэль.

Девушка поклонилась и спешно удалилась.

Муж вплотную шагнул ко мне и завораживающим, приглушенным голосом произнес:

— Я правильно понял: любой быть ты не готова?

Я молчала, не зная, можно ли ответить, что, не готова, не хочу быть любой. И одной среди многих — тем более. Хотя в таких обстоятельствах...

Тоскливо пожала плечами, опустив глаза.

— Светлячок, я имел в виду, что хочу от тебя гораздо больше, чем могу взять сейчас, — тихо пояснил он. Затем, взяв за руку, сказал деловым тоном: — Пошли есть, не будем зря время терять.

Осмыслив фразу и оценив тот факт, что муж потрудился пояснить, я обрадовалась до глубины души, ведь за словами часто скрывается разный, порой самый невероятный, смысл. Вот и накручивала бы себя целый день. А так, мне сразу дали понять, что... проще говоря, из-за отсутствия полноценного секса, хоть потискают. Тем не менее, вздохнула я облегченно.

Пока мы шли к костру, я нечаянно засмотрелась на наши сомкнутые руки: мою светлую узкую ладонь, плененную большой смуглой мужской — так красноречиво, так правильно, как мне в тот миг показалось.

Завтрак на темный лад прошел еще более привычно и обыденно, чем вчерашний ужин. Того и смотри привыкну.

Глава 16. О верности и пользе мытья рук

Всё в руках человека! Поэтому их нужно мыть чаще.

Станислав Ежи Лец

— ...Сафира — а-а... — несется мне вслед ненавистный голос, сопровождаемый эхом тяжелых шагов.

Каменные коридоры Хемвиля тянутся, тянутся и тянутся бесконечно... Темень пугает шуршанием крысиных лап, звуками шагов, стенаниями загубленных душ и стонами развратных девок, которые отдаются по углам замковым рыцарям.

С трудом не срываясь на бег, я быстро иду, держа перед собой в трясущейся руке свечу. И ладошка, которая обхватывает бронзовый подсвечник, бледная, узкая... детская.

— ...Сафира — а-а... — голос лорда Сатиса так близко, что внутри все скручивается от страха, желчь подступает к горлу.

Проклятый мужлан,

высочка, считающий себя драком, хоть в нем нашей крови почти не осталось. А ведь этот человек надеется уговорить отца отдать меня — единственную дочь, чистокровную драку — замуж за него. И отказ его не остановит...

— ...Сафира — а-а... — руки ненавистного отцовского приближенного обхватывают мою талию, такую тоненькую, подростковую... приподнимая над полом, а его голос бубнит мне на ухо, обдавая мерзким хмельным дыханием. — Ну зачем же ты бегаешь от меня, девочка?

Сатис забирает подсвечник из тоненьких пальчиков и вешает на крюк для факела.

— Не хочу слышать, не хочу видеть, не хочу, не хочу... — шепчут мои губы невольно. Слабенькие детские руки пытаются отстранить, отодвинуть каменную мужскую грудь, ослабить захват, выбраться, спастись.

— Посмотри на меня, Сафи. Твой отец артачится, но мы не оставим ему выбора... правда же... Девочка, моя.

Мерзкие лапы шарят по моему телу, ужас и паника накрывают с головой. Влажные губы скользят по щеке, а лапища тем временем задирает подол платья.

— Не бойся, Сафи. Я сделаю тебя своей и бить, как отец, не буду... если станешь послушной девочкой... — глумливый шепот и шорох стягиваемой мужской одежды.

Еще немного — и гибель мамочки будет напрасной. Только навсегда запавшие в память ее блеклые золотые, потухшие семь лет назад, глаза, в тот день, когда она лежала на полу в спальне отца, удерживают в сознании, заставляют думать, как остановить насильника и дают силу. Девичья рука уже не пытается отстраниться, а лезет в потайной карман. Всего пара мгновений — и кинжал леди Амалии как в масло плавно вошел в бок лорда Сатиса, будто соскучился по крови, жаждал с того момента, как познал вкус убийства, следом еще раз и еще, и снова, сопровождаемый страшным бульканьем и треском материи...

Мучительно длинные мгновения, во время которых стынет кровь в жилах, наконец, захват

ослаб, и я чуть не упала на пол, но смогла устоять. А вот неудачливый жених и насильник — нет.

О, Триединый, как же, оказывается, легко можно избавиться от своих страхов...

Я перевела взгляд от скрючившегося тела Сатиса, валяющегося у стены на единственного надежного защитника — мамин кинжал. Он излучает тепло, согревает ладонь, как и кровь убитого, обогрившая ее. В трепещущем пламени свечи сталь неожиданно ярко блестит, торжествуя победу, усмиряя мое громко стучащее сердце, обещая заботу и безопасность. Пока оружие со мной...

* * *

Из очередного кошмара Сафиры я вырвалась, судорожно дыша и ошалело разглядывая свои руки, явственно ощущая момент убийства незнакомого человека. Даже в ушах стоял жуткий звук рвущейся ткани, разрезаемой плоти и предсмертный булькающий хрип Сатиса.

— Боженька, боженька, спаси и сохрани... это не я, не я... — чуть не плача зашептала я, рассматривая свои ладони, словно на них осталась кровь.

Инстинктивно вытерла руки о плащ, с таким ожесточением, впору кожу содрать заживо.

— Что случилось, Светлячок? — услышала я взволнованный глухой голос Сэбиана.

Судорожно вздохнув, резко повернулась и, уткнувшись ему в грудь, обняла. Его горячее тело помогло вернуться в реальность, согрело, притупило панику и ужас, стало моим якорем, не позволившим погрузиться в пучину чужой памяти, потеряться там.

Муж, обняв меня, поглаживал по спине, а я уткнулась носом ему в плечо и рывками дышала, приходя в себя, впитывая его запах.

Над ухом раздался настойчивый рык:

— Сафи, что случилось?

— Снова кошмары? — участливо прозвучал голос Ноэль.

— Какие кошмары? — продолжал настаивать муж.

Пришлось срочно пояснять:

— Я научилась закрываться от... — голос сорвался, — плохих воспоминаний. Но мне нужно было... — потерлась щекой о мягкий бархат его воротника, — я же толком ничего не знаю... не помню. А хозяйке замка необходимо столько знать, уметь... И пока еду у тебя на коленях, решила продолжать учиться их контролировать, чтобы полезное вспомнить. А увидела... даже запах крови до сих пор чувствую. И руки кажутся липкими от крови, и звуки, и...

— Не смей больше этого делать! — яростно прошипел Кери и с такой силой прижал к себе, что мне дышать тяжело стало.

Темный внутри начал расползаться угрожающей ледяной кляксой, словно стремясь захватить власть надо мной, спрятать от жестокости окружающего мира, завладеть душой и телом. И к этому холоду присоединилось чужое чувство страха. Именно этот страх вернул мне спокойствие.

Затрепыхавшись в слишком тесных объятиях, заставила Сэбиана ослабить хватку. Внешне он расслабился, но меня теперь не проведешь — темный еще пульсировал яростью, а страх старательно приглушил. Любопытно: чего так боится темный маг?

Я отлепилась от Кери, села вполоборота и вымученно улыбнулась Ноэль. За резким выбросом адреналина последовал неизбежный откат, пришлось мне привалиться к мужу и продолжать ехать в кольцо его надежных сильных рук. Да и сам он не возражал.

Ноэль приотстала, и спустя несколько минут я спросила, заглядывая в глаза Сэбиану:

— Почему нельзя вспоминать?

Выражение его лица сделались жестоким, хищным, еще более «чужим». Черные волосы, собранные на макушке, мерно покачивались в такт движению, касаясь остроконечных ушей. Раскосые глаза сузились в угрожающие щелочки, разделенные зрачком — ниточкой пополам.

Сэбиан медленно поднял руку и погладил меня по щеке, показалось, лишний раз убедиться в чем-то хотел. В глубине почти змеиных глаз мелькнуло не распознанное мной чувство, затем он скрипнул зубами и процедил:

— Ты — моя!

— Да вроде никто другой не претендует и не оспаривает... твоё право... — пытливо заглядывая ему в глаза, попыталась шутить.

— Я сказал: ты моя! И ни каких блужданий по... её памяти.

Несмело улыбнувшись, спросила:

— Боишься, снова вернется сумасшедшая жена?

— Наш обряд соединил души, Сафира. Её вернуть невозможно, — ледяным тоном парировал он.

— Я чувствую твой страх, Сэбиан, — шепнула в ответ.

Муж уставился на меня потемневшими глазами и чуть ли не по слогам произнес с угрожающим видом:

— Я! Сказал! Больше! Не смей!

— Ну хорошо, хорошо, не нервничай... — промямлила я с испугу. — Больше не буду... вспоминать. Но учти, тебе досталась жена, которая не умеет управлять большим хозяйством и...

— Ты большая девочка, Сафира, не глупая, — прервал муж, положив руку мне на плечо, — и с хозяйственными делами разберешься быстро. Если надо будет, найду того, кто поможет тебе освоиться. — Развернул меня и усадил в седло со словами: — А пока лучше учись ездить верхом.

Ну да, сидя в седле я точно в чужую память не полезу. Судя по ощущениям, темный внутри меня расслабился, холодная клякса растворилась, сменившись теплом.

Обещание сначала порадовало, но неожиданно в голову пришла мысль, которая тут же сорвалась с языка:

— Надеюсь, этот кто-то, не будет твоей бывшей или очередной любовницей! — сама от себя не ожидала, что буду ревновать практически незнакомого мужика, мало того, который и повода-то не давал.

Зло взяло до чертиков, опять же на саму себя. Замерла, ожидая, что муж разозлится или оскорбится, но он усмехнулся, ласково погладив по волосам у меня на затылке, склонился и, согрев кожу теплым дыханием, вкрадчиво возразил:

— У нас даже брачной ночи еще не было, а жена уже условия ставит и злится.

— Я тебе серьезно говорю! — пошла вразнос, не думая о последствиях. — Иначе...

— Иначе что? — в голосе Керо прозвучало веселое любопытство.

— Иначе в голодный год и краюхи хлеба не получишь! — выпалила я, подумала и добавила. — Причем, как в прямом, так и переносном смысле!

— Ты хочешь сказать... — кажется, муж насторожился.

— Да! Ты будешь хранить мне верность, а я, можно сказать, — пахать на твоей земле, поднимая урожаи, надои и что там еще улучшать надо...

— ...характер! — прошипел Сэбиан. — И отношение к мужу! Тогда о верности волноваться не придется.

Спохватившись, что назревает ссора, поспешила примириться:

— В общем, мы договорились.

Он промолчал, а я отвлеклась, рассматривая руины, оставшиеся от какого-то селения, мимо которых мы ехали.

— Привал! — зычно крикнул Керо, заставив поморщиться.

И когда снял меня с Трака, поинтересовалась, указав на наиболее сохранившуюся необычную постройку:

— А для чего предназначено вон то куполообразное здание?

— Давным — давно здесь был древний храм людей. Затем вокруг образовалось первое смешанное поселение. Это остатки сметсона, места, где драканы — отступники принимали посвящение Триединому.

— О — о-о... — заинтригованно выдохнула, вспомнив о полученных на истории знаниях. Естественно не воспользоваться такой уникальной возможностью я не могла и позвала спешившуюся кухню составить компанию: — Давай вместе осмотрим сметсон внутри, пока отряд будет занят.

Зайдя в это помещение с небольшими окошками, расположенными по периметру, благодаря которым внутрь проникал свет, с сожалением отметила, что часть стены разрушена беспощадным временем.

— Смотри! — восхищенно шепнула Ноэль.

Юная удивленная драка однозначно не видела раньше цветную настенную роспись, подобную фрескам, с различными сценами из жизни обитателей Эсфадоса, в том числе батальными. В сущности, немудреные фигурки людей и драканов, но нарисованные хвостатые отличались от тех, с которыми я путешествую.

На одной из сцен дракан в нижнем платье, поджав ноги в прыжке, занес руку для удара. На изображении четко прорисован хвост и — да неужели! — крылья. Я подошла поближе, прикоснулась к стене, затем, пренебрегая культурной ценностью древнего наследия, поскребла ногтем. Нет, не копать и не грязь. Это крылья!.. И вот, и вот тоже нарисованы...

— Ноэль?

— Да, Сафи?

— У драканов еще и крылья есть? — очень надеясь на отрицательный ответ, проскрипела я севшим голосом.

Сестра спокойно кивнула, продолжая рассматривать фрески, а я шумно выдохнула и прикрыла глаза. Слишком много впечатлений за последнее время! Неожиданно вспомнила, как любовалась драконами на иллюстрациях у себя в библиотеке. Кажется, это было давно, но ведь на самом деле прошло всего ничего. Тогда я мечтала увидеть драконов, а теперь замужем за драканом. Какая ирония положения!

— Сафи, тебе дурно? — обеспокоенно шепнула рядом Ноэль.

— Нет! — Я привычно вздохнула, уныло и с толикой досады пояснила: — Просто пытаюсь понять, куда они хвосты и крылья прячут?

— Они маги... все! — пожала плечиками кузина.

— Да — да, конечно... — пробормотала я, вплотную подходя к наиболее сохранившемуся участку штукатурки.

Это оказалась сцена битвы. Люди, вооруженные копьями, мечами и чем-то еще, предназначенным убивать... Зависший в воздухе дракан с хвостом и раскрытыми крыльями... Без оружия. На следующем фрагменте дракан навис над поверженным окровавленным человеком, раздирая отросшими когтями шею жертве, пронзив шипами на коленях бедра. На другом фрагменте дракан выступившими из локтей шипами пробивает голову врага. А вокруг или сверху расплылось какое-то темное облако. Возможно древние таким образом магию изображали?

Увидев эти картинки, я поняла, почему у наших чешуйчатых спутников нет мечей, секир, копий... ничего такого самобытного, с чем изображены люди, или знакомого мне по истории средних веков. Зачем им тяжелый груз, если они сами ходячее оружие! Как говорится, все свое ношу с собой. Заодно узнала, зачем лордам кожаные «заплатки в дырочку» на локтях. Если бархат рвать постоянно, то кафтан выкидывать придется. А тут фасончик практичный, продуманный оказывается.

Ноэль, с не меньшим интересом рассматривавшая стены, вылезла в пролом и скрылась из поля зрения, а я застыла перед очередным изображением крылатых драканов, задрав голову. Через минуту почувствовала чей-то взгляд, невесомо коснувшийся щеки, затем добравшийся до губ, туда же устремился темный, заключенный во мне. Я невольно облизала вмиг пересохшие губы, и горячая волна тягучей патокой заструилась вниз, к шее, к груди, рождая странную тоску...

томление... пустоту...

Обернувшись, я увидела в проеме сметсона Сэбиана, уверенно и жадно смотревшего на меня. Он стоял, расставив ноги и скрестив руки на груди, словно властитель мира — большой и подавляющий, в подчеркивающих внушительную фигуру черных одеждах. Матерый собственник, который ни землю, ни недвижимость, ни женщину — ничего своего никому не отдаст.

Мы встретились взглядами — и меня с ног до головы накрыло обжигающим желанием, будто плотину прорвало. Но я твердо уверена, что сама желала скромненько, так, реакция тела, неуверенный отклик души. А сметающая нескромная волна, которая едва не снесла мое и так слабое самообладание, — это чувства Кери и той части его сути, что поселилась у меня внутри, под кожей.

Испуганно замерев перед столь сильно желающим меня мужчиной, растерянно пялилась на него, пока он неторопливо подошел ко мне, не разрывая зрительного контакта. Навис надо мной и глухо произнес:

— Ты очень красивая. — Потом мрачно добавил. — И желанная! Слишком...

— Может проклятье, которое ты насморком посчитал, не снялось? — осторожно спросила я, пытаясь беспечно улыбнуться.

Он прищурился, пронзительным взглядом впился в мои глаза, казалось, желая в душу проникнуть, но пожав широченными плечами, бесстрастно согласился:

— Может. — Взял за руку и повел к выходу. — Неприятное место. Быстро поедим и в дорогу.

* * *

Пламя костра словно играло со мной, то устремлялось вверх, начиная гудеть и постреливать искрами, то вновь опадало и подползало к подолу моего платья. С наступлением сумерек, драканы разбили лагерь на большой естественной лесной поляне и готовили ужин и ночлег.

Мы с Ноэль — ни дать ни взять уставшие и скучающие леди — сидели рядышком, греясь у огня и думая каждая о своем. Я подтянула колени, сложила на них руки и уперлась подбородком, наблюдая за драканами.

На расстоянии, в вечернем освещении, когда не видно чешую на лицах, воины смахивали на японских самураев. Черные волосы, собранные в косы на макушке; непривычные мне, как современной женщине, если так можно выразиться, платья с кафтанами, в которых они, тем не менее, выглядели более чем мужественно и грозно. Раскосые темные глаза и смуглая кожа. Скупые, без лишней суеты движения. Молчаливы и сдержаны.

Следя за ними, я отметила, что они даже не с полуслова, с полувзгляда и жеста понимали друг друга. Сразу видно — это отлично слаженная команда, где каждый четко выполняет обязанности, и не один год вместе.

Черная фигура Сэбиана, появившаяся между деревьев, неизменно привлекла мое внимание. Он легко перепрыгнул через поваленное дерево, будто перелетел. Подол взметнулся, обнажив его мускулистые икры.

Не знаю точно, почувствовал ли муж взгляд или эмоции, — ведь я неосознанно восхитилась его

силой и ловкостью — но посмотрел на меня. И двигался теперь вальяжно, неспешно, заткнув большой палец правой руки за пояс, а левой — слегка помахая. А мне в голову в этот момент пришла странная мысль: Сэбиан Керо — единственный, на кого я могу рассчитывать в этом мире. Разумеется, есть верная заботливая Ноэль, но для нее я сама, как муж для меня — защита, кормилец, гарант безопасности. Кроме того, сегодня поняла, что, помимо весьма сильного интереса, испытываю к нему собственнические чувства. С того мгновения, как я попала сюда и узнала о его существовании, мысли большей частью были о нем. Сначала я морально и физически готовилась к нашей встрече, потом это выражаясь высоким стилем, знаковое, судьбоносное событие произошло, а теперь пришло время разбираться с его последствиями. И впечатления о муже у меня самые разные.

А он? Сэбиан целенаправленно соблазняет меня. Разговоры ведем о том о сем, но каждый из нас ищет подтекст в сказанном друг другу. И его взгляды: ищущие, изучающие, пытливые, оценивающие. Он испытал страх, когда я в очередной раз нырнула в кошмары Сафиры номер один. И мне кажется, не из-за того что я там увидела бы что-нибудь нелицеприятное для него, уж больно недолгим было их знакомство. Скорее, муж испугался, что я вообще соприкасаюсь с чужой памятью, как свои воспринимаю чувства и даже запахи и звуки, очевидцем которых стала. Вероятно, он считает, что сумасшествие прилипчивое — вдруг я погружусь настолько глубоко, что не смогу вернуться, отстраниться.

Вспомнилось мнение Ноэль о Керо, якобы сейчас его отношение ко мне существенно отличается от памятного: он более разговорчив, сдержан, менее суров. Хотя, кажется, Сэбиан два дня постоянно меня провоцирует, различными способами пытается выяснить границы моего терпения, манеру поведения, черты характера. В течение дня не единожды замечала любопытные взгляды ранатов, но я их интересовала постольку поскольку, а вот грант — сверх обычного, словно делал что-то несвойственное.

Наконец, муж подошел к нам, знакомым жестом откинув полы кафтана, плавно опустился на подстилку. Я повернула голову, опираясь щекой о руку и, посмотрев на его профиль, вдохнула терпкий, но приятный мужской аромат. Мужчина — загадка. Не разгадаю, вряд ли обрету счастье.

Мысленно решила: за счастье надо бороться всеми силами. Я буду милой, очаровательной, послушной и скромной... Он же хотел такую жену...

Тем временем перед нами развернули стол и быстро разложили бурдюки с напитком, сыр, жареное мясо и лепешки. Сэбиан протянул мне кусок мяса.

— Ты руки мыл? — спросила я, с подозрением глядя на него, вспомнив, что он сейчас из леса вышел.

Данкеро, собравшийся присесть с нами, замер, глядя на меня с недоумением, затем, посмотрев на свои ладони, ответил вместо гранта:

— Да вроде не грязные...

Я подняла голову с колен и возмущенно выпалила:

— Вы же из леса пришли. Значит в туалет ходили. Хватались известно за что, а потом мне этими пальцами в рот?..

Кузина едва не поперхнулась. Везет же — сама ест.

— Миледи... — хотел было возмутиться Данкери.

Но его оборвал Керо:

— Там же ручей, ты же сама туда...

— Я помню...

— Так вот, перед тем как сюда вернуться, я специально сходил туда и руки вымыл. И пока ни за что другое не хватался, — по — прежнему спокойно сказал кормилец, держа у меня перед носом кусок мяса.

И сдаётся мне, что сейчас я либо возьму пищу у него из рук, либо останусь голодной. Натянуто улыбнувшись, мягко обхватила его кисть рукой, и аккуратно взяла угощение губами. Потом молча забирала все, что предлагали.

В палатку я юркнула мышью, спасающейся от кота. Нервно пометавшись, — два шага влево, два шага вправо — стянула с себя платье и в нижней рубашке зарылась между шкурами. И тут же задрожала. Без мужа рядом было зябко, поэтому, когда он, рывком откинув полог, вошел, я испытала волнение и облегчение одновременно.

Он присел на корточки возле шкуры, сцепив пальцы рук перед собой и пристально глядя на меня. Пламя одинокой свечи отразилось в темных драканьих глазах. Его молчание все сильнее беспокоило меня. Видно, перестаралась я с гигиеной, сказала не то, не так, иначе, отчего у мужа такой тяжелый взгляд? Наконец, он встал и неспешно расстегнул пояс, сложил его рядом с постелью. Укрывшись до самого подбородка, я наблюдала за ним, не отрываясь, решив, что он специально провоцирует меня, выбивает из колеи.

Сэбиан аккуратно сложил бархатный кафтан. Затем, как средневековая барышня, приподнял подол своей рубахи и демонстративно, укоризненно посмотрел на свою обувь, потом — на меня. Я же не менее выразительно вздохнула и натянула меховое одеяло до самого носа. Муженек прищурился, но без комментариев и напоминаний разулся сам, ступил на постель. И теперь массивной фигурой, нависал надо мной, заслонив пространство палатки, давил на сознание, изучал. Затем знакомым способом, со спины, начал снимать рубаху.

А я, прикусив губу, следила за медленно поднимавшимся подолом, обнажавшим длинные мускулистые ноги, внушительное мужское достоинство, торс... Несмотря на чешую, наросты на локтях и коленях, передо мной предстал прекрасный образчик мужественности и силы. Откровенный самец, или как на родине говорили, настоящий мачо.

Пришлось зажмуриться, когда Сэбиан полностью разделся и методично складывал одежду. Но с закрытыми глазами все вокруг воспринималось еще более остро. И щекотавший обоняние запах мужа, и шорох, с которым он укладывался рядом. Крики птиц и звуки леса, далеко разносившиеся в ночи; тихий разговор дозорных, стерегущих наш покой, ржание и пофыркивание лошадей.

Горячее тело скользнуло ко мне под шкуру, а тяжелая мужская рука, звякнув тонкими звеньями цепочки, соединяющей брачный браслет с кольцом, легла на мой живот.

— Посмотри на меня, — скорее приказал, чем попросил Сэбиан.

Послушно открыв глаза, я встретилась с ним взглядом. Как и вчера он расшнуровал ворот моей рубашки и приласкал грудь, с той разницей, что сегодня я не сопротивлялась. Затем таким же

образом, как в прошлый раз, начал снимать тянущую боль вокруг раны.

Во время лечения, доставлявшего приятные ощущения, чудесным образом расслаблявшего мышцы и устранявшего боль, я невольно любовалась игрой мускулов на смуглой груди Керо. Мое внимание снова привлек болтающийся на шнурке амулет, защищающий дракана от влияния светлой земли. Не удержавшись от любопытства, коснулась пальцами этой занятой вещицы, тут же ощутила легкую энергетическую вибрацию. Он сразу перехватил мою ладонь, окинул подозрительным взглядом.

— Не доверяешь? — грустно усмехнулась, убирая руку.

— Пока нет оснований, — бесстрастно ответил он, продолжая методично массировать.

— Угу, — кивнула, мол, понимаю.

Через какое-то время я совсем расслабилась под волшебными руками мужа, и он почувствовал перемену. Немного отстранившись, снял кольцо с волос, и те черной волной рассыпались по плечам.

— Почему у всех длинные косы, а вы с Ройваном с хвостиками? — спросила о том, что еще вчера заинтересовало.

— Погладь меня, — потребовал он в ответ.

— Где? — хриловато от волнения отозвалась я.

Керо усмехнулся уголками губ:

— Где хочешь...

Вспомнив о намерении быть послушной женой, облизала вмиг пересохшие губы и медленно подняла руку. Осторожно провела по груди, ощущая чешуйки подушечками пальцев.

— Смелее, жена, я тебя не съем... — уголки его губ снова насмешливо поползли вверх.

Улыбнувшись шутке, я приподнялась на локте, ближе придвинулась к мужу и потянулась к его голове. Второй день мечтала опять потрогать волосы и проверить насколько они шелковистые, как кажется. Зарылась пальцами в его шевелюру, погладила бритый затылок и виски. Потрогала остроконечные уши, отчего сумеречные глаза потеплели в улыбке. Обвела черные брови, коснулась темно — серых чешуек на лбу и висках.

— Если твои глаза не врут, внешне я не противен тебе, — раздался в напряженной тишине глухой голос Сэбиана. — Я прав?

— Да, с виду непривычный, — смутилась я, — но интересный... по — своему. — И напомнила. — Так что там с прическами?

Муж уложил меня на спину и обеими ладонями обхватил мою грудь. Затем нежно обвел налившиеся желанием полушария, чуть потеревил горошины чувствительных сосков. Не сводя глаз с моего лица, явно наблюдая за реакцией, продолжил соблазнять, как было обещано. Потом склонился, и к ласковым рукам присоединились его губы. Лизнул кожу и подул, посылая волну удовольствия. Стиснув зубы, чтобы не застонать на всю округу, я выгнулась и положила руки ему на плечи.

— Все бархатники носят волосы до плеч. — Пока я соображала, зачем он это сказал, быстро добавил. — Это касается мужчин, Сафира.

— Успокоил, — неуверенно прошептала я, улыбаясь, вспомнив, о чем спрашивала.

Закусив губу, я принимала ласки, чувствуя, как с каждой секундой разгорается огонь в крови.

— Брить затылок и виски имеет право только глава клана. Косы от макушки заплетают воины, а остальные члены кланов плетут косы или носят хвост на затылке...

Голос Сэбиана — глухой, низкий, с легкой хрипотцой — отдавался внутри меня странной вибрацией. Непередаваемые, непривычные ощущения скапливались внизу живота, я невольно чуть развела бедра в стороны. Его ладонь сразу спустилась вниз, накрыла лоно...

Нажим чутких пальцев усилился, и я выгнулась от мучительно — сладкой боли, прошептав:

— Сэбиан... пожалуйста...

Схватила его за широкую кисть, но уже не знала, что делать дальше — оттолкнуть, или удержать, чтобы не прекращал. А мужчина умело распаял мою страсть, добиваясь полного и безоговорочного подчинения. Я не выдержала — сама подавалась навстречу его рукам, подставляя разгоряченное тело под искушающие ласки, смиряясь с тем, что больше не властна над своим телом... сутью... Я даже глаза прикрыла от невероятно сладостных ощущений...

Потом он плавно переместился, накрыв мое тело своим и, поймав взгляд, поцеловал. Жестко, властно, но видимо так хотел, выдавая собственную сущность с потрохами.

Дальше мы целовались как сумасшедшие, но не как в первый раз, а без напора, словно смакуя друг друга, узнавая на другом уровне.

И снова мужчина хрипел, чтобы я приласкала его плоть, направив мою ладонь своей. А мне, оглаживая твердое подрагивающее естество, оставалось лишь краешком незатуманенного сознания дивиться, зачем мужу так мучить себя, ведь я же чувствовала и видела — по учащенному дыханию, хриплому голосу, выступившим на коже капелькам пота, потемневшим, лихорадочно блестящим глазам — насколько тяжело ему давался контроль над своими желаниями, но тем не менее, продолжал следовать одному ему ведомому плану. И, как выяснилось, выдержка у него железная.

Неудовлетворенная, распаленная, но неожиданно довольная, я спокойно уснула, уткнувшись в широкую, мерно поднимавшуюся грудь мужа, когда он зачем-то уложил меня сверху и прикрыл нас шкурой. С таким зверем под боком, ни один хищник не страшен.

Наутро и меня, и Ноэль ждал новый сюрприз: зеленый травяной ковер расстился уже не только в палатке, но и вокруг нее — яркое свидетельство удовольствия, испытанного мной в супружеской постели, из-за чего от смущения и неловкости я не знала, куда глаза девать. А за завтраком оба лорда меня поразили: ухмыляясь, покрутили у меня перед носом ладонями в капельках воды — помыли, значит.

Щеки у меня горели все утро.

Глава 17. Столкновение

Совместное путешествие, полное опасностей, объединяет даже самых несовместимых существ.

— Как ты думаешь, может после обеда я попробую сесть на своего коня? — неуверенно спросила, в очередной раз выглянув из-за плеча мужа и посмотрев на Серегу.

Моя животинка шла легко и свободно, и конечно не страдала из-за отсутствия седока.

— Нет, — ровно ответил Сэбиан.

— Ну, если я тебя не утомила и не причиняю неудобства и...

— Нет.

После очередного бесстрастного «нет», я, пожав плечами, развернулась к голове Трака и села удобнее.

— Не ерзай! — рыкнул муженек.

— А что такое? — невинно поинтересовалась, хотя, чего греха таить, ягодицами отлично ощущала причину его прерывистого дыхания.

— Ночью покажу... — раздраженно пообещал Керо.

Я присмирела и замолчала на час, наверное. Смотрела по сторонам и теребила цепь. С некоторых пор у меня в привычку вошло крутить вокруг запястья брачный браслет. Правда, после того, как он в кожу врос, лишь пальцами поглаживала, таким образом восстанавливая душевное равновесие.

— А цепь у вас все носят? — нарушила молчание.

— Да, — снова ровный тон ответа. — Все связанные браком пары.

— Сэбиан, у тебя настроение плохое или я что-то сделала не так? — дипломатично поинтересовалась у Его Темности причиной неразговорчивости.

— Нет, Светлячок. Просто мы сейчас на чужой земле, — развеял мои сомнения муж и любезно пояснил причину. — Ничейные, по сути, территории закончились. Здесь граничат родовые владения трех лордов. И твои, между прочим.

— Но это же хорошо, наверное? — неуверенно спросила я. — Значит, недолго ехать осталось? И в любом случае я... мы хозяйева этой земли...

Данкеро, следовавший на полкорпуса коня за нами, насмешливо хмыкнул:

— Хозяин тот, кто способен удержать. Драканам ваши земли не нужны — все знают. Ваш опекун умер, миледи, так что неизвестно, как сейчас развиваются события вокруг Хемвиля. И что нас ждет впереди...

Сэбиан бросил быстрый укоризненный взгляд на друга и нехотя пояснил:

— Мы не дома, поэтому проявлять осторожность обязаны в любом случае.

Обернулась на охнувшую Ноэль, лошадка которой трусила позади нас, и сочувственно ей улыбнулась.

Данкero тоже посмотрел на бледную, грустную девушку и уже было открыл рот, чтобы успокоить, по — видимому. Но в этот момент возглавлявший отряд дракан поднял кулак над головой. Сигнал послужил началом цепной реакции для других. Нас с мужем, сестру, с которой мы настороженно переглянулись, и Ройвана окружила охрана.

Обогнув очередной лесной бурелом, мы выехали на довольно широкую тропу, по которой может проехать телега, даже светлее стало. И тем не менее, чувствовалось, что драканы чем-то озабочены. Неожиданно раздался нехарактерный для леса лязгающий звук. Спустя минуту мы выехали на пересечение двух дорог и увидели его источник. Навстречу нам, бряцая железом, приближалась целая вереница конных рыцарей, по — другому не назвать, вооруженных привычными глазу землянки мечами и луками, притороченными к седлам лошадей. В кожаных штанах и куртках с накладками из металлических пластин, в остроконечных головных уборах из металлических чешуек. Большинство всадников — люди, навскидку человек сто, наверное, но среди них я заметила пятерых русоволосых и пепельных блондинов — драков, которые верховодили этим боевым отрядом.

Очевидно, нас меньше всего ожидали встретить на пути.

Первым спохватился солидный, в годах, пепельный блондин, внушительно и устрашающе выглядевший в доспехе из кожи и металла, гордо восседавший в седле. Драк, бесспорно, привыкший повелевать, быстро стер с лица выражение крайнего удивления и досады, остановил коня и, принужденно улыбнувшись, крикнул:

— Доброго дня вам, милорды... миледи, госпожа Лояну... Куда путь держите?

Мне с трудом удалось сохранить бесстрастное выражение лица. Знать не знаю обратившегося к нам мужчину и не помню. И не думаю, что от «той» Сафиры кто-то бы ждал приветливого слова. А вот Ноэль, круглыми глазами окинув отряд воинственных всадников, сникла совсем, украдкой испуганно взглянув на Сэбиана. Значит в курсе кто они. Похоже, наши конкуренты за Хемвиль.

— Решили почтить память опекуна Сафиры... — ледяным голосом произнес лорд Керо.

— Заодно проверить свое имущество, — поддел лорд Данкero драка, снова удостоившись едва заметного посторонним укоризненного взгляда родственника. — А вы, лорд Даленский?

— А я... — пожилой аристократ, по всей видимости, срочно подыскивал приемлемый ответ, — ...проверяю свои границы... дороги... выправку своих рыцарей...

Лорд замолчал, поморщившись, — оправдываться явно не привык. И даже мне, не особо сведущей попаданке, ясно как божий день, что он спешил на раздел условно бесхозного имущества Дернейских.

— Тогда не будем вас задерживать, милорд, — не скрывая злой усмешки, попрощался грант Керо, трогая вперед Трака.

Удивительно: небольшой отряд драканов безбоязненно подставил спины превосходящему по численности вооруженному отряду людей, проводившему нас напряженными злобными взглядами.

Вечером, после ужина, муж отправил нас с Ноэль в единственную разбитую сегодня палатку, но что еще более странно и тревожно — запретил раздеваться. В лагере чувствовалось гнетущее напряжение.

А утром я проснулась от воплей множества луженых глоток. Вскочив с постели, мы с Ноэль, в потемках толкаясь, путаясь в шкурах, судорожно раскидывая в стороны все, что мешало, надели плащи, выбрались наружу и замерли соляными столбами. Светало, дикие обитатели леса еще спали, а вот разумные — нет. В буквальном смысле вокруг нашей палатки разгорался бой. Пятнадцать драканов отбивались от сотни людей и драков. И вот тут я смогла воочию увидеть то, что недавно рассматривала на древних рисунках: крылья и хвосты.

Темные воины сражались в нижних свободных рубахах, что стало явным преимуществом перед утяжеленными металлом людьми. Мечи, кинжалы и кирасы не спасали рыцарей от смерти.

Затаив дыхание, я следила, как мой муж, взмахнув огромными, темными, словно из горячего воздуха сотканными крыльями, взмыл на пару метров над землей и — мощным ударом хвоста буквально размозжил голову драку, который напал на него с мечом. Затем плавно приземлился за спиной у другого нападающего, пытавшегося третьим вступить в бой к одному из наших защитников. Резкое, почти неуловимое движение руки — и из глотки врага брызжет кровь.

Ноэль, упав на колени рядом со мной, согнувшись в три погибели, содрогалась в конвульсиях. Безусловно — зрелище не для слабонервных девочек, вот ее и тошнило. Ройван резким ударом удлинившихся когтей пропорол «броню» и живот воину, вынимая его содержимое наружу. Я похолодела, непроизвольно закрывая свой живот руками, а во рту стало горько от подкатываемой желчи.

Светлые с ревом гурьбой кидались на абсолютно безмолвных темных. И от этого еще больше стыла моя кровь.

Брызги крови и ошметки плоти разлетались в стороны, а я не в силах пошевелиться, таращилась на творившийся перед глазами кошмар из фильма ужасов.

Ноэль, обхватив мои колени и, уткнувшись в них лбом, как заведенная причитала: «Нас убьют. Их слишком много, нас всех убьют. Драканов — здесь! А нас... как обещал Хасин, сожгут на костре... потом...»

Но моя до смерти перепуганная молоденькая кузина не видела того, что сейчас происходило перед нами. Наверняка, к лучшему для нее же.

Сэбиан вновь подпрыгнул, взлетел, затем огромной черной птицей метнулся на здоровенного драка, который пытался подобраться к нам. Повалив того на спину, «острыми» коленями рухнул на его бедра, отчего соперник дико заорал. А я потрясенно смотрела, как дракан, согнув руки в локтях и выпустив длинные шипы, резко проткнул грудь поверженного драка.

Вот так — шипами, когтями и хвостами — драканы уложили добрую половину нападавших!

Внезапно мимо меня, мгновенно выводя из ступора, «вжикнула» стрела и застряла в плотной ткани палатки. Летучая смерть! Сообразив, что стреляют из леса, отодрала от себя Ноэль и втолкнула в палатку, приказав, чтобы в шкуры залезла. А сама рванула к «столику», оставленному с ужина и, подхватив крепкую дубленую кожу, растянула в руках перед собой, создав импровизированный щит. Данкero прикрывал брата, но оба не видели лучника, забравшегося на дерево и стрелявшего по нам. Встав спиной к своим защитникам, подняла кожу, закрыв их от стрел. Дрогнула на мгновение, когда острый наконечник очередной стрелы пробил щит и застрял в нем у меня перед носом, но поняла, что поступаю правильно и изо всех сил натянула кожу перед собой, а на край наступила ногой. Проклятая рана болела от напряжения неимоверно, но я молилась и крепко держала щит. Стрелы летели в нас, злыми осами впиваясь в полотно. Что?то ужалило меня в плечо, но я словно окаменела — стояла

намертво...

Бой закончился неожиданно, словно по мановению руки. Оставшиеся в живых люди и драки поняли, что терпят поражение, спешно отступили и скрылись в лесу, бросив раненых.

Мне казалось, время текло бесконечно долго. Я оглянулась, да так и застыла с разинутым ртом. Керо присел на корточки возле одного из нападавших. Наклонив голову, бесстрастно осмотрел, потом, заметив, что раненый судорожно вдохнул, не раздумывая, вонзил в него когти. Из ран воина «потекла» темная загадочная субстанция, похожая на облачко, которая впитывалась в пальцы дракана.

Наконец Сэбиан впитал в себя черноту до последней капельки, вытер руки о куртку убитого и, повернувшись, увидел меня.

В его глазах словно клубилась Тьма, заставившая меня дрогнуть, и в ужасе отступить назад. Теперь щитом я скорее закрывалась от собственного мужа.

— Я — темный, маг смерти! — спокойно произнес он. — Они — моя добыча! — увидев, что я замотала головой, не в силах произнести хоть слово, будто оправдался. — Мы не нападали первыми.

Дрожа от озноба, — нервы сдали — я смотрела, как приближается мой чудовищно опасный муж. Черная длинная рубаха, чуть приподнятая сзади мощным хвостом, льнула к ногам. Сейчас в нем не было ничего знакомого, «своего». Это жуткое и опаснейшее создание — дракан в боевой ипостаси с хвостом и призрачными крыльями за спиной, питающийся эманациями смерти, убивающий мастерски и хладнокровно.

— Сэбиан, твоя девочка нам спину прикрывала. Можно сказать, спасала от смерти... — раздался за спиной веселый, но уважительный голос Ройвана.

Вздвогнув от неожиданности, я выронила щит, который, упав на землю, повис на древках стрел.

— Я видел, — мрачно ответил Керо, и грубо добавил для меня лично: — Лучше бы вместе с Ноэль в палатке сидела. Ведь это не в нас, а в тебя стреляли, глупая...

Мне стало обидно до слез.

— На всех нас амулеты, Сафира, — тихонько пояснил Данкеро. — защита от стрел тоже есть. А ты — без, с кожей против стрел...

Слезы разочарования и обиды за себя и на себя хлынули из моих глаз, искажая картину происходящего вокруг. Не в силах сдвинуться с места — все тело ломило, а душа болела — в каком-то трансе я наблюдала, как драконы — победители, не обращая на меня внимания, ходили между тел «питаясь» Тьмой.

Сэбиан подошел вплотную и я, глотая слезы, посмотрела ему в глаза, которые, к моему невероятному облечению, опять стали прежними.

— Ты хотела защитить... нас? — спросил он в недоумении.

Кажется, темный маг сам не верил ни в то что видел, ни в то о чем говорил.

— Да, — стараясь не зарыдать в голос, всхлипнула я, мысленно содрогаясь: в какой ад меня занесло?

— Только о себе забыла... — почти мягко, но с укоризной, заметил Керо, потянувшись к моему плечу, из которого... торчала стрела.

Он обломал оперение, а я, увидев свою кровь на его руках, поражено ахнула, теряя сознание:

— Кажется, меня убили... снова.

Глава 18. Выбор

Ваше время ограничено, поэтому не позволяйте шуму чужих мнений перебивать ваш внутренний голос. Имейте храбрость следовать сердцу и интуиции.

Стив Джобс

— ...Сафи, ну что же ты, Сафи... — назойливо продирался жалобный женский голосок сквозь туман, царивший у меня в голове.

Знакомые печальные нотки отзывались в моей душе сочувствием и желанием успокоить. И мало — помалу заставили туман, мешавший думать, ощущать, рассеяться. Медленно открыла глаза и увидела склонившуюся надо мной озабоченную кузину, которая, заметив, что я пришла в себя, от радости будто вспыхнула светом. И эти чувства ответным теплом разлились у меня внутри. А потом вернулись воспоминания о недавней бойне, смерти, собравшей щедрую жатву, и... стреле... вонзившейся в мое тело.

Едва слышно дрожащими губами прошептала:

— Я умираю? Да? — было мучительно жаль уходить из новой жизни, хорошо начавшейся, как выяснилось.

Подруга улыбнулась, наклонилась и, чмокнув меня в лоб, шепнула:

— Нет, конечно!

— Ты просто щадишь мои чувства. Но я?то знаю, что умираю снова, — со слезами на глазах, простонала я, отворачиваясь от нее.

Оказалось, я лежала на знакомой по ночлегу шкуре, а Ноэль сидела подле меня, вцепившись в мою руку.

— Да нет же, это просто обморок, ты переволновалась и — вот, — еще шире улыбнулась она.

Чистые голубые глаза драки сияли так ярко, искренне и счастливо, что заподозрить ее во лжи, было бы просто кощунством.

— Но как же? — переспросила уже более твердым голосом. — В меня же стрелой попали? Я видела кровь... и оперение... и она из плеча торчала и...

— Просто кто?то, не буду показывать на ту леди пальцем, — ехидно заявил появившийся рядом Ройван, — боится вида собственной крови. Но от этого, как известно, не умирают. А стрела в плече застряла, мимо пролетая.

Я поджала губы и недоверчиво отогнула плащ, чтобы удостовериться. Оказалось, что многострадальное свадебное платье порвано на плече, на коже осталась глубокая царапина, которая уже не кровоточила, подсыхала.

Тяжело вздохнув, села и прислушалась к своим ощущениям: голова немного кружилась, но при смерти я, к счастью, не была. Покосившись на насмешника Данкоро, почувствовала, как загорелись от стыда щеки, потом уши и даже шея.

— И долго... я тут отдыхаю? — сконфуженно спросила.

— Достаточно для того, чтобы мы убрались подальше от побоища, — продолжал язвить темный лорд. — Но стоило гранту устроить вас, миледи, удобнее, как вы тут же решили... вернуться с того света.

— А где... — хотела узнать, куда подевался мой муж, который должен быть рядом с умирающей женой.

— Здесь! — раздался у меня за спиной глухой голос Сэбиана.

Обернулась и поняла, что пока расспрашивала Ноэль, муженек спокойненько лежал у меня в изголовье, подперев голову кулаком. И все слышал. Неудобно?то как!

Глядя в его серые задумчивые глаза, я просто не знала, как себя теперь вести. Глупейшая ситуация, в которую я попала из-за ранения, отодвинула на второй план убийство людей, чуждых драканов с их крыльями, хвостами и шипами, и особенно — их магию. Они питались чужой смертью. И сейчас до меня дошел истинный смысл понятия «темный».

Все случившееся нахлынуло разом, сокрушительной волной. И вот как с этим жить дальше? Учитывая тот факт, что мы с Керо супруги, а разводов в этом мире не предусмотрено, что еще предстоит путешествие в темные земли и целая жизнь. Там и с Ним!

Видимо, все мысли и сомнения муж, как обычно, прочел на моем лице.

— Оставьте нас, — глухо приказал он Ноэль и другу. Переместился на колени у меня за спиной, приподнял и обнял.

Я замерла в плену его рук, не зная, что сказать, как поступить. Но уже признавшись себе хотя бы в том, что слабая. Слишком слабая, чтобы оттолкнуть того, с кем прошла брачный обряд дважды. С кем спала эти ночи, целовалась, принимала и дарила жаркие ласки. Кому приоткрыла дверцу в свою душу и сердце.

Мне будет проще принять темную суть своего дракана, чем возвращать ненависть к нему, отвращение или даже элементарное неприятие. Да, питаться чужой смертью — ужасно, но не драканы напали первыми, в самом-то деле. Не они подло послали стрелы в спину двум женщинам, прячась в ветвях деревьев...

Какой смысл рассуждать о справедливости к каким-то незнакомым воинственным людям, которые, в конце концов, прекрасно знали, что собой драканы представляют, но жадность сгубила? А вот себя было жалко.

Я чувствовала мрачное ожидание темного внутри меня. С каждой минутой мучительного молчания, его напряжение становилось гуще, холоднее и обширнее затапливало меня, пока боролась сама с собой.

Та «я» — женщина другой морали и принципов, которая, увидев по телевизору подобную бойню, осуждающе покачала бы головой. Ну да, напали, хотели убить, но это не причина добивать раненых, «пить» их смерть с таким равнодушием...

И новая «я», которая принадлежит этому миру, благодаря телесной оболочке и памяти Сафиры, окружающим реалиям и... брачному союзу.

Надо полагать, мне придется всю оставшуюся жизнь поддерживать приемлемый баланс между двумя моими «я» — бывшим человеком и дракой, которую продали, как ни крути, в новое рабство, чтобы сгинула. И лишь чудом предполагаемый убийца оказался терпеливым заботливым мужчиной, в отличие от родного отца и бывшего мужа.

И сейчас на весах так много.

Сэбиан крепче обнял меня, склонился, скользнул губами по моему уху к шее, обдавая теплым дыханием и легонько целуя. Неужели проверял, как яотреагирую, содрогнусь ли от отвращения или...

Мысленно попросила прощения у Боженьки. Он меня поймет, я уверена, потому что приняла решение: муж и жена неразделимы. Особенно в нашем случае, с образованием магической связи. От согласия двух «я» пришло облегчение. Я расслабилась в объятиях мужа, слегка отклоняя голову вбок, чтобы ему целовать меня удобнее было, и потерлась головой об его щеку.

— Ничего сказать не хочешь? — глухо спросил Сэбиан, чуть поворачивая меня к себе, чтобы лучше читать эмоции, наверное.

— Пойми, я должна была... принять не только тебя, но и твою суть.

— Ну и как? Приняла? — в его голосе послышалась едва слышимая хрипотца.

Я устало пожала плечами, тут же почувствовав саднящую боль от царапины.

— Ну как сказать... — пыталась подобрать слова. — Тебя не изменить... а... мы женаты...

— И?

— Что «и»? — проворчала, морщась от дотошного мужчины, пожелавшего добраться до самой подноготной. Он продолжал молчать, несомненно, ожидая конкретного ответа, пришлось пожаловаться: — Выбор?то призрачный. Либо все принимаю, либо — нет. Ты бы что выбрал?

— Я выбрал тебя, вообще?то, — строго попенял он. Чувствовалось, что злится на мои невнятные пояснения, долгое раздумье и... в общем, злится.

— Ну и я тоже! — развела руками, мол, какие ко мне претензии?!

Муж испытал облегчение, услышав мои слова, почувствовав реакцию на свои прикосновения. И быть может — мои ощущения. Ведь я даже сейчас не испытывала негатива. Между нами все осталось по — прежнему, что его точно обрадовало.

— Сафи... мне понравилось, как тебя сестра называет... по — домашнему... — задумчиво произнес он и неожиданно спросил: — Ты переодеться не хочешь?

— Не — ет, уж! — отрицательно покачала головой и, усмехнувшись, торжественно пообещала:

— Как только доберусь до Хемвиля, сожгу это проклятое платье на фиг!

Керо озадаченно приподнял брови и рассмеялся. Я засмотрелась на его изменившееся лицо. Оказывается, он может быть очень привлекательным, когда улыбается от всей души.

— До замка полдня пути. К вечеру там будем, — продолжая улыбаться, сообщил он и уже по — деловому, серьезно, добавил, — но думаю, приветливо нас там не встретят.

Я печально пожала плечами, привычно тяжело вздохнув. Нашла взглядом Ноэль, которая маялась в сторонке в неизвестности, заставила себя ободряюще улыбнуться и уверенно заявить:

— Поехали, нечего время зря терять!

Глава 19. Хемвиль. Сандерские

Любой имеет право вернуться домой.

Проект Кей (K Project)

К вечеру моя спина отваливалась, старая рана тоже не оставляла в покое — разнылась как положено и мягкое место, кажется, я все?таки натерла. К издержкам верховой езды добавилась царапина на плече, доставлявшая неудобство. Для полного комплекта к пренеприятным телесным ощущениям плюсом пошли моральные: участие в утреннем столкновении, конечно же, даром для настроения и самочувствия не прошло. И вообще — все было плохо.

Наконец, дорога привела нас на невысокий холм, откуда открылся прекрасный вид на широкую, начавшую зеленеть долину, запомнившуюся по воспоминаниям маленькой Сафиры, простирившуюся действительно до самого горизонта. В свете клонившегося к закату светила большой замок, обнесенный высокой стеной, похожий на те, что строили в Европе в средние века, смотрелся монументально и незыблемо, словно царствуя над окружающими его полями, лесами, домиками вилланов. Только рва с водой не хватало да перекидного моста для пущей значимости. Бежево — серые стены, башни и башенки, полукруглые оконницы, украшенные фигурной лепниной, темные крыши, лестницы. С высоты пригорка было видно, что на замковой территории, за стеной, множество хозяйственных построек. А ближе к нам расположилось большое поселение; кругом сплошь распаханые нивы и сады.

Вполне пасторальная картина, если бы не странное скопление народа у закрытых ворот замка и мелькающих в бойницах фигур. Кое — где зажигались костры, которые устремлялись искрами в небо. И что?то мне это оживление у стен Хемвиля не понравилось.

— Похоже, лорд Даленский не первый, кто решил именно сейчас проверить своих рыцарей, дороги и боеспособность... — флегматично подтвердил мои опасения Данкоро, останавливая своего коня рядом с Траком.

Услышав его замечание, пристально всматриваясь вдаль, я разглядела и коней, и отблески заходящего солнца на мечах и доспехах рыцарей. Видимо, костры жгут не просто так.

— О, Всемогущий... — простонала Ноэль, так же узрев свой осажденный дом.

Керо зловеще промолчал, тронул пятками бока Трака и начал спускаться в долину.

На подъезде сестра, рассмотрев флаги, — и те, которые реяли над замком и тот, что поставили в лагере за стеной, — потрясенно выдохнула:

— Замок захвачен Револейскими. А осаждают... род леди Амалии — Сандерские.

— Какое облегчение, — процедил Сэбиан за моей спиной, — нам не придется искать жениха для твоей кузины.

Я же его мнения не разделяла, потому что здесь явно затевается очередная свара, а ее еще пережить надо. Пока проезжали мимо жилья вилланов, никого не увидели. Жители, разумеется, попрятались и скотину домашнюю увели. Известный факт — мирное население всегда страдает, пока сильные любого мира отношения выясняют.

Под ошеломленными взглядами осаждающих мы неторопливо подъехали практически к замку. Под защитой ближайших домов был устроен штаб, или как здесь подобное может называться. Возле костра собралось с десятков драков в знакомых боевых доспехах из кожи и металла. И самым выдающимся из них был золотоволосый молодой драк. Видной наружности, надо признать. А уж в сравнении с драканами — так просто красавец писанный. Я даже вздохнула... грустно.

Наш отряд остановился. Грант молча взирал сверху на блондина, а тот таращился на меня.

— Леди Сафира... вы живы? — изумленно выдавил он.

Я невольно обернулась и нашла глазами Ноэль. Она прямо?таки светилась от радости, глядя на этого мужчину, но пыталась держаться в рамках местных приличий. Конечно же, мне не составило труда догадаться, кто этот зеленоглазый воин, еще до того, как сестра подъехала и познакомила нас:

— Милорды, миледи позвольте представить вам господина Гленира Сандерского...

Родственник,

заметно взволнованный, неожиданно смутился, румянец окрасил его светлую кожу на щеках, а, увидев Ноэль, выпрямился и расправил плечи, тепло посмотрев на нее. Так смотрят на женщину, которую рады видеть, чувствовалось, что она ему симпатична.

— Ну и как продвигается осада? — ровным глухим голосом поинтересовался Керо у... моего двоюродного дяди, получается.

— Простите, милорд. До нас дошли слухи, что леди Сафира Дернейская Керо почила в обители Святой Матены. — Гленир заинтересованно посмотрел на меня, а, когда поймал мой ответный прямой взгляд, у него брови поползли вверх.

— И? — поторопил Керо собеседника.

Солидный седовласый драк подошел к нам, положил ладонь на плечо молодого и представился, внимательно рассматривая на меня:

— Меня зовут Мадеус Сандерский. Я дед миледи со стороны матери. — Затем перевел взор на моего мужа и продолжил: — милорд Керо, как только мы об этом узнали, приехали сюда. Но замок заняли Револейские и теперь настаивают на владении Хемвилем по праву опеки Хасином леди Сафиры.

— А как же госпожа Лояну? — вкрадчиво произнес Данкоро, спрыгнув с коня. — Ведь она вторая прямая наследница Дернейских...

Мадеус пожал плечами, но пояснил свои намерения:

— Первым делом мы решили занять Хемвиль, а после Гленир отправился бы в обитель за девушкой... или к вам, милорд.

— На темные земли? — усмехнулся Сэбиан, но в его голосе слышалось уважение.

Молодой драк запальчиво произнес:

— Ей там не место, вы сами об этом знаете.

— Мы?то знаем, но долго же вы... собирались ее забирать, — ядовито процедил Данкоро.

Гленир поник, опустил плечи и искоса виновато взглянул на Ноэль. Девушка же, невооруженным глазом видно, его ни в чем не обвиняла, наоборот, едва скрывала счастливую улыбку.

— Мы только две недели назад узнали о вашей неожиданной свадьбе... и гибели... и смерти Хасина, — признался он мрачно. Потом, в качестве оправдания — наверное, перед Ноэль — добавил: — Пока я собирал отряд и добирался сюда...

Ройван потрепал по холке своего коня и заинтересованно спросил:

— И что теперь будете делать?

Мои родственники озабоченно переглянулись. Еще бы, теперь задуманная ими кампания по взятию замка вообще потеряла смысл — я?то живая. А еще любопытно, каким образом они сотню наемников набрали для осады замка. Ведь кузина рассказывала, что Гленир безземельный и бедный, а сие означает: воинов наняли под будущие дивиденды с моего наследства.

Дедуля подтвердил мои умозаключения:

— Миледи жива, и теперь... это сложный вопрос.

— Я так устала, можно спешиться, а? — потеревив за воротник мужа, шепнула, заставив его чуть наклониться ко мне.

Оба драка, старый и молодой, задумчиво посмотрели на нас. Кажется, я опять сделала что?то не то...

Керо глубоко вздохнул, затем флегматично выдал:

— Давайте поговорим внутри замка. Женщины устали, хотят поесть и отдохнуть.

Мадеус, понимаяще усмехнувшись, осторожно — заискиваяще предупредил:

— Боюсь, Револейские не откроют ворота даже вам...

— Вы думаете? — бесстрастно спросил Керо.

Гленир пояснил, неохотно отводя глаза от Ноэль:

— Миледи жива, значит родичи Хасина будут настаивать перед государем о переходе права опеки к ним... как своеобразного наследства.

— Они вообще ни на что права не имеют! — зло возразила я. — Потому что брак с Мердоком не был...

— Сафи, девочка моя, я решу этот вопрос сам. — Оборвал меня на полуслове ледяной голос Сэбиана.

— Но... — попыталась сказать, что это самый простой путь подтвердить незаконность брака.

— Я! Сказал! Сам! — предупреждающе рыкнул грант.

Обиженно пожав плечами и надув губы, сложила руки на груди и замолчала. Правда, краем глаза снова поймала изумленные переглядывания родственников. Да и остальные смотрели на нас не менее шокировано.

Старший Сандерский неожиданно признался:

— Позвольте отметить, миледи, что вы очень изменились... с момента вашего второго замужества... и в гораздо лучшую сторону.

Я смущенно улыбнулась, мысленно отменяя былые обиды. Потом и вовсе решила пошутить:

— При хорошем муже и жена станет че... э — э-э... приветливой дракой.

Дед с дядей поморгали, и, тем не менее, согласно хмыкнули.

Керо, отдав дань вежливости Сандерским, обратился к ближайшему наемнику:

— Щит мне... пожалуйста...

Затем, прикрыв меня щитом, двинул Трака к высокой каменной стене Хемвиля. Там, увидев меня, многие тоже удивились несказанно. Ворота открывать отказались. По — видимому, даже тот факт, что подопечная жива, не перевесил ее скверного нрава. Минут пять, пока выясняли кто и зачем, я смотрела на выглядывавшего из-за бойницы толстого кругломордого драка, вступившего с нами в переговоры, чем-то смахивающего на сову.

Эх, Сафиры на него нет! Потому что мой бедный зад болел немилосердно. Ноги затекли так, что я их уже не чувствовала, а конца — края Хемвильскому мирному процессу не было видно.

Разозлившись, не выдержав, заорала во всю глотку:

— Открывай ворота, иначе сейчас к земле обращаюсь и...

— И что? — истерично, но с вызовом проорал очередной Револейский.

— А то, стену снесу на фиг, — рявкнула в ответ.

Одновременно сняла внутренние щиты и заставила землю дрогнуть, от чего по стене побежала трещина и посыпались мелкие камешки.

Обрюзгшая, с двойным подбородком, физиономия драка, который смотрел на нас сверху, неожиданно вытянулась, а глаза округлились от ужаса — вылитая сова. Хм — м, оказывается, я ого — го — о, какая сильная и страшная! Мое самомнение раздулось до размеров прежде невиданных. С гордым видом я развернулась к мужу и торжествующе улыбнулась — пусть знает, что ему жена не тряпка досталась...

За нами восседали на лошадях темные воины. И мне уже не улыбалось, стоило увидеть, что каждый из них замер с поднятой рукой, и вокруг клубилась сама Тьма. Под мягким насмешливым прищуром мужа уныло вздохнула, теша себя надеждой, что выглядела не так жалко, как тот драк на стене, и отвернулась. Устало облокотилась на грудь Сэбиану. Спрашивается, зачем лезла в мужские игры?

Уже через минуту перед нами открыли тяжеленные кованые ворота. Далее старший представитель рода Револейских подписал отказ от всех претензий на опеку Хемвильской наследницы и весьма поспешно убрался с остальными своими родственниками, рыцарями и наемниками из замка.

Мы с Ноэль в это время сидели в зале на первом этаже, и я с небывалым любопытством разглядывала мощные балки, поддерживающие потолки, затейливую лепнину, огромные каминные, в которых, похоже, пищу готовили: вон как заляпали жиром и копотью. Каменные полы сложены из тяжелых огромных плит. Где только раздобыли и каким образом уложили — непонятно. Длинные деревянные столы на кованых ножках — лапах и стулья с высокими резными спинками. Вдоль стен стояли длинные лавки, на которых расположились наши спутники и прибывшие с Сандерскими, за исключением занимавшихся лошадьми и несших охрану. С восторгом и искренним любопытством искусствоведа я пыталась соотнести увиденное сейчас, с тем, что было создано у нас... на Земле в подобную эпоху. Схоже и в то же время отличается значительно.

Отдельный интерес представляла челядь замка: горничные, лакеи, прачки, даже кухарки и прочие любопытствующие, что периодически появлялись и выглядывали из коридоров, перешептываясь. Я устало скользила взглядом по новым лицам, почти не останавливаясь ни на ком. Отметила, что на женщинах рубашки — с широкими рукавами с завязками у кистей, вроде манжет, и со шнуровкой на груди — из беленого и небеленого домотканого полотна, у некоторых украшенного вышивкой. Длинные верхние юбки темных оттенков, из-под которых виднелись при ходьбе замызганные нижние. Мужчины одеты еще проще — в рубашках с воротником под горло, застегивающихся на деревянные пуговицы, подпоясанных плетеными ремнями, и широкие брюки.

Сама же подверглась откровенному любопытству — прислуга разглядывала во все глаза. Кто-то — со страхом, кто-то — с ненавистью, а кто — за компанию и от нечего делать, тем все равно, кто в замке хозяйничать будет. А я в этот момент осознала, как мне повезло. Если бы не Кери, не знаю, что бы случилось дальше в новой жизни. Разница между той Сафирой и мной настолько очевидна, что окружающие были не в силах скрыть изумления.

Например, Гленир, следивший за выдворением Револейских, нет — нет, да задерживал на мне задумчивый изучающий взгляд. Возможно, я бы и приняла такое пристальное внимание за мужской интерес, но в зеленых глазах отражались сомнения, удивление и некоторая подозрительность.

От раздумий меня отвлекла тихонько возмущавшаяся Ноэль:

— Сафира, посмотри! Нет, ты только посмотри, что тот недоделок сотворил с нашим домом.

Все загажено, запущено, а челядь и вовсе распустилась... Умудриться за пару месяцев испохабить дом! Только на это Революйские и способны... Даже при твоём отце такого непотребства не было...

— Отсутствие женской ласки сказывается на жизненном укладе, — очень к месту вспомнилась мне фраза из Ильфа и Петрова.

Драка горестно кивнула, со слезами на глазах протянула руку и трепетно коснулась каменной стены. Провела по ней, тяжело, сочувствующе вздыхая, погладила, словно живое существо успокаивала. И даже я, особо не «прислушиваясь», ощутив жалобный, обиженный стон Хемвиля, испуганно вздрогнула. Все?таки я с домами впервые накоротке общаюсь... А тут — целый Замок!

— Бедняжечка, — участливо покачала головой, очень надеюсь, будущая хозяйка.

Я поглядывала на сестру и силилась принять тот факт, что скоро и мне придется «дружить» со своим домом, только в темных землях. И каким он будет? А как встретит? Эх — хе — е...

— Ноэль, мы смогли довести наш план до конца... почти, — улыбнулась я.

Она вскинула на меня сияющий, но еще неуверенный небесно — голубой взгляд. Наверное, от испытываемых сейчас эмоций ее зрачок вытянулся в ниточку, и глаза так необычно смотрелись, что я невольно задумалась, как сейчас мои желтые выглядят. Так же ярко?

Обе оценивающе посмотрели на Гленира, стоявшего с другими мужчинами, несомненно, решавшими кто здесь главный. Он, отметив наш интерес, засмотрелся на Ноэль. Неуверенно улыбнулся, чем невероятно смутил юную драку.

— Может нам пора привести себя в порядок? — тихонько спросила кузина, щеки которой загорелись как маков цвет. — И заняться ужином?

Мысленно застонав от усталости, согласно кивнула, но решила исхитриться и предложила:

— Давай. Только отныне я тут гостя, а ты хозяйка. Поэтому бери бразды правления на себя! — но, увидев, что подруга не на шутку испугалась, добавила. — Не бойся, пока вместе походим, чтобы веса твоим распоряжениям придать.

Как только мы встали и двинулись к выходу из зала, краем глаза я отметила, что Сэбиан кивнул одному из драканов. Тот встал, едва заметно поклонился, приняв приказ, и уверенно направился за нами. Я не сочла это навязанной унижительной слежкой — почувствовала благодарность к мужу, который постоянно думает о моей безопасности, вне зависимости от места и времени. И это было чертовски приятно!

Тщательно подражая абанисе Эйре, мы устроили разнос на кухне, потом сурово попеняли лентяйкам — горничным, запустившим спальни. В общем, оживили это заросшее ряской болото хозяйственной суетой. Мой первый опыт командования оказался довольно тяжелым морально. Не привыкла еще, а ведь придется, учитывая мое положение в новом обществе и на темных землях.

Мы с Ноэль так устали, что отпросились у Керо поужинать в старой спальне, принадлежавшей до недавнего времени Сафире.

После ужина решили помыться с дороги.

— Знаешь... думаю... Сэбиан тоже спать сюда придет, — задумчиво высказалась я. — И помыться захочет...

— А где мне тогда спать? — испугалась Ноэль.

— Сама подумай, какую спальню выберет Гленир для вас? — пришла моя очередь с хитрой улыбкой смотреть на подругу.

— А может он, как многие... захочет две отдельные? — грустно предположила драка.

— Знаешь, милая моя, лишиться мужа просто: надо завести отдельные спальни, поменьше интересоваться его жизнью и делами, а вместо интима, почаще жаловаться на головную боль, — наставительно пробурчала, в точности копируя тон любимой бабушки.

Ноэль хмыкнула, покусала, раздумывая, губы, прижала кулачки к груди и тихонько поделилась страхами:

— Знаешь, служанки говорят, что мужчины часто делают им больно, когда берут... И я боюсь, — она тяжело вздохнула, — очень — очень боюсь... боли. А вдруг я попрошусь на совместную спальню, а потом даже спрятаться будет негде?

Я обняла девушку, погладила ее по спинке и попыталась, себе в том числе, внушить разумные мысли:

— Ты сама сказала, что Гленир терпеть не мог бывших хозяев Хемвиля. Защищал нас от отца и моего бывшего, из-за чего лишился теплого сытного места.

— Ну да, я...

— Я видела, с каким теплом он смотрит на тебя, как мужчина на желанную женщину. Мне кажется, такой вряд ли является скрытым садистом.

— Почему ты так думаешь? — удивилась Ноэль.

— Сама посуди, зачем садисту и моральному уроду было уходить отсюда? Ведь мы с тобой знаем и помним, что здесь творилось... тогда.

Нашу беседу прервали слуги, постучавшие в дверь — принесли воду в лохань. Госпожа Лояну твердым голосом приказала приготовить хозяйскую спальню для нее и остальные комнаты — другим гостям. Работы прислуге мы сегодня навалили своим приездом знатно.

Глава 20. Нежность

Именно в мелочах и скрывается настоящая нежность.

Алекс Кош. Огненный легион.

Я тщательно вымылась с помощью одной из служанок. Вытерлась и оделась в красивую нижнюю рубашку. Воду из лохани слили, заменили свежей, и сейчас оттуда шел пар, отчего мои волнистые волосы начали завиваться кудряшками. Все?таки хоть с какими?то благами цивилизации сегодня — и то хорошо. Вода сняла часть усталости и пока мне помогали сушить волосы, прикидывала, как в дальнейшем использовать для ванны отвары пахучих полезных трав, о которых узнала от сестры Анизы в монастыре. А еще...

Дверь без стука отворилась — и почти весь проем заняла мощная фигура Керо. Горничная, помогавшая мне расчесывать волосы, испуганно вздрогнула, а при приближении дракана еще и ссутулилась, болезненно морщась. Видимо это и есть пресловутое влияние ауры темных магов?

— Можешь идти, — отпустила прислугу.

Та шустро выскользнула из комнаты, тщательно обогнув дракана. А мой наводящий страх на светлых темный грант важно уселся на кровать, выставил вперед ножищу в сапоге и демонстративно повертел.

— Я уже вымыла руки... — начала отнекиваться, жалостливо глядя на Сэбиана. Ну уж очень хорошо я устроилась на стуле у камина.

— Тебе спуску давать нельзя, а то сразу с ногами на шею садишься, — ухмыльнулся он, продолжая ждать от меня выполнения повинности драканьей жены.

— Конечно, — не без ехидства согласилась я, снимая с него сапоги. — На тебе где сядешь, там и приехали — слезайте.

Его Темнейшество снисходительно хмыкнул, пристально наблюдая за мной. А я устало распрямилась и, дальше не раздумывая, помогла ему снять кафтан. На самом деле несколько не пострадавший в дороге, в отличие от моего пыльного плаща, который приказала к утру почистить. Может мне тоже такой немаркий положен?.. Пока Сэбиан рубашку стаскивал, я аккуратно складывала его одежду и пояс на стул, под который задвинула сапоги.

Обнаженный муж поймал меня за талию и задержал на весу. Затем прижал к себе спиной и сдвинул широкий вырез моей сорочки.

— Больно? — хрипло выдохнул он, осмотрев поцарапанное стрелой плечо.

— Нет... почти, — тоже почему?то хрипло ответила я.

— Тогда почему ты так тяжело вздыхала? — вкрадчиво спросил он.

— Когда? — не поняла я.

— Когда смотрела на этого золотоволосого сосунка — Гленира! — неожиданно зло рыкнул Керо, сильнее сжимая меня в стальных объятиях.

Рассказывать о том, что сравнивала красивых драков и жутковатых драканов, было бы непростительной глупостью с моей стороны. Поэтому я выпалила первое, что в голову пришло:

— За Ноэль переживала!

— По поводу? — удивился муж.

— Ну, мало ли... симпатичный мужчина... — его хватка усилилась, и я поторопилась продолжить. — Будет ли он верен нашей девочке? У Ноэль такое несчастное детство было и юность. Хочется, чтобы дальше ее жизнь счастливо сложилась, непременно! Она преданная, верная, добрая и заслуживает лучшей доли.

— Это от нее зависеть будет! — безапелляционно заявил Керо, выпуская меня из рук. — Горячая супружеская постель — залог мужской верности.

— Это ты мне... намекаешь? — развернулась и фурией уставилась на советчика, залезавшего в большую, гораздо вместительнее монастырской, лохань.

— Ну зачем же, жена, намекать. Я тебе прямо сказал, — облегченно откидываясь на спину и расслабленно прикрывая глаза, протянул он. — А теперь помой меня, а то эта земля, да суета вокруг Хемвила выпили из меня все соки. Драки — хуже кровососущих: мерзкие, подлые, продажные и трусливые твари.

Я смотрела на густые черные ресницы, плотным веером лежащие на смуглой коже, темно — серые чешуйки, оттеняющие глаза и брови. Сейчас мой дракан выглядит уставшим и, в то же время, еще больше таинственным и... невероятным.

Прикусив язык, взяла мочалку и ожесточенно намылила, выместив на тряпке порыв высказаться на счет супружеской верности и кровососущих, и начала осторожно мыть мужа. Ссориться не хотелось совершенно, а вот позаботиться о своем уставшем мужчине — пожалуйста.

Я невольно вспомнила, как делала тоже самое четыре дня назад. С того момента за коротенький промежуток времени произошло множество событий, которые в корне меняли мое восприятие жизни, отношение к навязанному мужу, желания и обязанности.

Присев на бортик средневековой ванны, терла Сэбиана, а он из-под полуприкрытых век лениво наблюдал за мной. Темный прохладной довольной лужицей растекался под кожей, давая понять, что дракан в благостном расположении духа.

Закончив с одной стороной, я обошла ванну под уже пристальным обжигающим взглядом Кери и села с другой. Пока мыла руку, муженек сидел смирно, но стоило заняться шеей и грудью, он здоровенной лапищей обхватил мое бедро и большим пальцем погладил слишком чувствительную кожу на внутренней поверхности. На миг остановившись, я продолжила тереть Сэбиана мочалкой, как ни в чем не бывало, хотя приятно было ощущать его ладонь. А когда он улыбнулся, мои губы словно сами по себе расползлись в улыбке, а руки потянулись к ушам и щекам дракана.

Веселье пузырьками побежало по венам. Намылив мужа, игриво мазнула мочалкой по кончику крупного носа, и — белое пятнышко пены смешно и контрастно выделилось на фоне смуглой кожи.

— Играешься? — добродушно, но с пробивавшейся в голосе возбужденной хрипотцой, произнес Сэбиан.

Я промолчала, только еще шире улыбнулась. Умыла удивительное, такое яркое живое лицо, обвела подушечками пальцев раскосые глаза, все не верилось, что эффект подводки создают густые черные ресницы.

Затем заставила мужа сесть и потерла ему спину, провела по внушительным плечам, любуясь игрой мышц под кожей, разглядывая чешуйчатую дорожку вдоль позвоночника, немного выпирающие наросты, словно он не дракан, а дракон какой-нибудь. Я неосознанно упивалась его силой и вновь задумалась о том, как мне, оказывается, несказанно повезло стать его женой.

Убрав мешавшиеся подсохшие волосы за уши, я бочком присела на бортик, намереваясь
ВЫМЫТЬ

Сэбиану голову. Он, глядя мне в глаза, крепко взял за руку и потянул ее в воду. И уже знала зачем! Жар залил мои щеки от смущения, но я безропотно, даже с некоторым энтузиазмом подчинилась. Под водой в женском внимании и ласке нуждалась твердая плоть. Муж, убедившись, что сопротивляться я не намерена, отпустил мою кисть, вновь откидываясь на спину. И пока я не столько мыла, сколько ласкала его пах, сумеречные глаза знакомо заволокло возбуждением.

Не знаю, в какой момент я уловила его намерение, но увернулась и отскочила в сторону, уходя от попытки нового захвата. Тяжело дыша, я сцепилась с ним взглядами.

— Подойди! — фактически приказал он.

— Я уже мылась, а там вода грязная. А я точно знаю: ты хотел меня туда окунуть, — с насмешливой укоризной покачала головой.

— Чистюля, значит?! — вкрадчиво произнес муж, медленно вставая во весь рост. — Сполосни меня...

Мои щеки загорелись еще сильнее при виде его обнаженного возбужденного тела. Я пожала плечиками, взяла ковшик и, приготовившись к неожиданностям, подошла к нему. Облив чистой водой, смыв мыло, тут же отошла подальше.

И все равно, не смогла не любоваться телом дракана, пока он неторопливо вытирался, испытывая меня горячим взглядом.

— Ты же устал... — пискнула я, когда полотенце полетело в сторону, а голодный хищник двинулся ко мне, и напомнила: — А драки подлые, трусливые, кровососущие...

Не услышав ответа, рванула к кровати. На ходу подобрала подол, чтобы перемахнуть через нее, и даже запрыгнула, пренебрегая усталостью, болячками, царапинами и ноющими, сопротивляющимися мышцами. Но в последний момент мою лодыжку словно клещами обхватили и дернули назад. Я упала лицом на постель и, задыхаясь от переполнявших эмоций, завопила:

— Сэбиан, у меня все болит, а ты...

— А что я? Я радуюсь, что мне жена игривая досталась! — неожиданно весело проорчал надо мной Кери. Навалился на меня, а я, захваченная его внутренним удовольствием, расхохоталась и начала щекотать его бока и подмышки.

Странно, мужчина достался ревнивый, но щекотки не боялся и пощекотал меня в ответ. Немного неуверенно, словно сам учился этому действию у меня. В результате я червячком, которому хвост прищемили, извивалась под мужем и хохотала до изнеможения.

— Занятно, а я не знал, что женщины столь чувствительны к таким... играм... — удивленно, но азартно ухмыляясь, выдал он.

— Сэбиан, я тебя умоляю, прекрати, — удалось прохрипеть.

Он резко перевернулся на спину, а я оказалась сидящей на нем верхом. Рубашка собралась на талии, его ладони легли мне на бедра, а между ног я ощутила его твердую, подрагивающую от желаний плоть.

Ошеломленно уставилась на него, а потом, упираясь ему в грудь, просипела:

— Сэбиан, ты же хотел... отложить... это, — черточка зрачка в сумерках комнаты расширилась, затопляя радужку и делая его глаза почти человеческими, привычными.

— Что именно? — растягивая слова, спросил он.

Мои ягодицы вмещались в его широких ладонях, наверное, полностью. Чуть сжав их, усилил нажим, заставляя меня лоном скользнуть по своей напряженной плоти. Опасное движение...

— Ну... это. Э — э-э... проникновение... — тяжело дыша, выдавила я. — А как же привязка к земле? — совсем тихо задала волнующий вопрос.

— Сафи, ты такая наивная, — хрипло выдохнул он, усиливая давление и задавая определенный ритм моему скольжению. — Проникать будем на моей территории. А вот поиграться можем и тут.

— А — а-а... — невольно застонала я, отдаваясь во власть завораживающему ритму и необычайно приятным ощущениям, захватывавшим меня все сильнее.

Он, медленно, глядя мне в глаза, намотал золотистые пряди волос на кулак, заставляя меня наклониться к нему, коснуться его губ своими. Мы целовались, пока хватило дыхания, а оторвавшись от него, я увидела в глазах напротив поволоку желания. На кровати было гораздо удобнее продолжать изучать его тело, чем я и занималась, прерывисто дыша, осознавая, что оба можем долго не продержаться. Сэбиан, хрипло дыша снова задал ритм моему движению. А я, подчиняясь ему, скользила пальцами по широкой мускулистой груди, сильной шее, на которой от напряжения натянулись жилы, ключицам.

Вскоре я ногтями впивалась в кожу на груди моего дракана, настолько погрузившись во власть собственных чувств и его, конечно же, что уже мелко дрожала, стонала в голос и чувствовала, как где-то у меня внутри, в глубине, словно пружинка сжимается. Хотела избавиться от напряжения, и, кажется, он это почувствовал, потому что быстро проник пальцем у меня между ног и нажал на волшебный бугорок — и мы глухо застонали от наслаждения, пронзившего обоих одновременно. А темный во мне, позаботился удвоить все ощущения, доведя их до умопомрачительного пика...

Муж прохрипел, расслабляясь подо мной:

— Сафи, девочка моя ласковая, ты радуешь с каждым разом!

— Сейчас было не как в прошлый раз, — положив голову ему на грудь, призналась я. — Кажется, мы были на грани... может, не стоило...

— Ты же не ждешь от меня стоической мученической выдержки. — Помолчал, обнимая обеими руками, затем, крепко прижав мою голову к своей груди, зарываясь в волосы на затылке. Почему-то недовольно, с недоумением, добавил, скорее для себя. — И ты слишком... желанна. И чем больше узнаю тебя, тем... сильнее.

Я уперла подбородок на ладони, которые сложила на его груди и, пытливо заглядывая ему в глаза, неуверенно шепнула:

— Это плохо? Для тебя?

Сэбиан приподнялся вместе со мной, откинувшись на локти, отчего под кожей заходили мускулы, и почему-то мрачновато ответил:

— Вероятно, я все же заразился насморком, за который твоя предшественница заплатила жизнью и кровью.

Я кивнула, понимая, о чем речь, еще бы — полностью зависеть от моего тела, желать исключительно меня. Да ни один мужчина, наверное, не захочет подобного, тем более, гордый, независимый темный грант. Судорожно вздохнула, принимая положение вещей: нет у меня в жизни счастья, и безграничной любви тоже не будет.

Осторожно выбралась из объятий, слезла с постели, испытывая еще большую неловкость при виде влажного пятна на рубашке. Порылась в ближайшем сундуке и, отыскав еще одну, — на сей раз без кружев и бантиков — стыдливо отвернувшись, переделалась. Суетливо, нервничая, вытерла тряпкой следы семени, потом, тяжело вздохнув, выполоскала и обернулась к мужу с намерением предложить помощь.

И вздрогнула от неожиданности. Он стоял за спиной, мрачно разглядывая меня сверху вниз. Забрал из рук тряпку и, совершенно спокойно, не суетливо, обтершись, бросил ее в лохань, подхватил меня на руки и уложил в постель, огорошив:

— В каком мире ты воспитывалась, неженка? Такая ранимость равносильна физической слабости...

Сэбиан вытянулся рядом со мной, занимая много места, несмотря на царские габариты кровати, и прижал к себе. И я всем телом ощутила, как он нетерпеливо ждет ответа. Ох, а нужно ли ему сравнивать мой навсегда утраченный техногенный мир с магическим Эсфадосом? Мало ли к чему это может привести в будущем. Поэтому, долго не раздумывая и не сомневаясь, тихо ответила:

— Я почти ничего не помню. — Вряд ли темный маг, сразу раскусивший меня, поверил, но почему бы не оставить за собой возможность «вспомнить» что-нибудь полезное мне? — Кроме того, что в моем мире слабая женщина рядом с сильным мужчиной может чувствовать себя в безопасности и... — решила схитрить немного. — ...и счастливой. Ее холят, лелеют и любят!

Грудь мужа подо мной дернулась от насмешливого заявления:

— Что-то мне подсказывает, внутри, что последнее — скорее твое личное желание, чем реальность.

Легонько, с досадой, ткнула кулаком в непробиваемый пресс слишком догадливого мужчину и, уплывая в сон, буркнула:

— Уже и помечтать нельзя?!

Сэбиан тихо, по — доброму, рассмеялся и снизу доверху провел руками по моей спине, прижимая, поглаживая, успокаивая. Раз, другой, третий... так я и уснула.

Глава 21. Свадьба с приданым

Мужчина, способный на поступки, обречен быть любимым.

Коко Шанель

Тепло, вокруг так тепло, мягко, уютно... странное ощущение чьей-то радостной благодарности, окутывающей нежным пуховым одеялом, и кто-то баюкает, баюкает...

— Сафи, Сафи, проснись! — сквозь сон я услышала голос Ноэль, а затем эта неугомонная девчонка и вовсе начала трясти меня за плечо. — Да просыпайся же ты скорее...

Сначала хотелось накрыться с головой и сказать ей, чтобы отстала, а то первая ночь в хорошей удобной кровати с тонкими вышитыми простынями и пуховыми подушками, человек человеком... ой... Услышав взволнованный голос сестры, я испугалась и подскочила, немного помотала головой, жмурясь, потому что от резкого движения перед глазами «звездочки» замелькали.

Кузина вытаращилась на меня и покраснела. Я опустила взгляд, выясняя, что ее так смутило. Н — да... чудненько выгляжу, как женщина, проводившая ночь в объятиях мужчины: тесемки на рубашке развязаны, ворот распахнут до пупа — Сэбиан постарался! Да и потом даже сквозь сон чувствовала его ладонь у себя на груди. На голове, наверняка, нечто невообразимое — убрать волосы в косу по той же причине не удалось.

Смутившись, я подтянула ткань повыше, хрипло со сна и стыда спросила:

— Что случилось?

Посмотрев на меня сияющими голубыми глазами, Ноэль, стиснула руки в кулачки, прижала их к груди и счастливо выдохнула:

— Ты не поверишь...

— Да что случилось-то? — насторожилась я.

Девушка вскочила и заметалась по комнате, не в силах устоять на месте, рассказывая:

— Меня подняли ни свет ни заря... Оказалось, милорд разговаривал с Глениром о нашей свадьбе. И хотел, чтобы я однозначно и в его присутствии сказала: хочу я замуж или нет.

— Да ты что? — опешила я от скорости,

с которой действовал Керо, не только расправляясь с врагами, но и решая житейские дела.

— Да! Сафи... это невероятно... меня, твою бывшую тень, бесприданницу, спрашивали, хочу ли я за Гленира... О Триединый... я — хочу ли... — захлебываясь эмоциями, делилась подруга. — И как только ты будешь готова подписать отказ от Хемвиля в мою пользу, нас с Сандерским обвенчают и...

Она остановилась на середине комнаты, прижала к груди уже не кулаки, а мое желтое бархатное платье с золотистыми кружевами и вышивкой на лифе, рукавах и подоле и испуганно выдохнула:

— А ты согласна? Подписать? Отказаться? И...

Голубоглазая красавица замолчала, замерла с платьем в руках, неуверенно глядя на меня.

Я улыбнулась и кивнула:

— Конечно, согласна. Мы обе знаем, что мне здесь не жить. Только дай мне хоть немножечко

времени, чтобы проснуться и умыться.

— Это не я устроила ранний подъем и срочное бракосочетание. Так приказал лорд Керо, — хихикнула счастливая невеста, сверкая глазами. — В замке форменный переполох. Святой отец противился, говорил, что не дело без подготовки и вообще...

— Когда меня спешно замуж за дракана выдавали по приказу Хасина, что?то никто не возмущался! — мстительно напомнила я.

— Милорд тоже самое сказал, — восторженно поведала Ноэль.

Невероятно, она прямо?таки вознесла темного на пьедестал и сделала объектом поклонения. Я лишь усмехнулась. Мой дракан попросту не хочет зря время терять. Для него это чужая земля, нравы, и новые проблемы ему не нужны. Он пообещал помочь моей кухне — делает. Как умеет и желает. Сами же просили.

Я зевнула и потянулась довольной кошечкой:

— Та — ак сладко спалось сегодня... — затем поделилась с сестрой, вспомнив свои ощущения под утро. — Пока ты не разбудила, мне чудилось, что кто?то баюкает в теплых родных объятиях, благодарит за что?то. Приятно... Даже просыпаться не хотелось.

Ноэль присела на краешек кровати, солнечно улыбнулась и выдала:

— Это Хемвиль откликнулся на ту радость и энергию, что ты ему сегодня подарила... ночью.

— Э — э-э... в каком смысле? Хемвиль? — опешила я.

— Вставай, — подруга схватила меня за руку и, откинув одеяло, потащила к окну. Распахнула ставни и указала пальцем вниз: — Смотри!

Я выглянула наружу и — замерла с открытым ртом: земля внизу покрылась плотным зеленым покровом, который даже до деревни добрался. А кое — где пестрели желтыми пятнами цветы, похожие на одуванчики. По каменной стене замка и других строений ползли вьюны, придавая поместью более яркий и нарядный летний вид.

— Обалде — еть! — выдохнула я потрясенно.

— А то! Челядь теперь косится на милорда и непременно гадает, какой он в постели. Раз после одной вашей ночи все позеленело раньше времени.

Я отступила от окна, закусив губу и словно сомнамбула пошла умываться. Как жить, спрашивается, если теперь наша с мужем близость — это достояние общественности?! Если что?то где?то вдруг заколосится, все будут думать, что мы любовью занимаемся... Засада!

Венчали молодых драков в замковой часовне. На обряде из родственников со стороны невесты присутствовала только я. Драконы решили, что они снаружи постоят. Собственно, никто не настаивал, по причине отсутствия у них праздничного настроения и соответствующего выражения лица. А главное — желания испытывать на себе последствия светлого обряда. Для меня же церемония стала своеобразной передышкой, которая позволила восстановить душевное равновесие, чтобы снова посмотреть в глаза своему мужу. Потому что когда мы с Ноэль вышли во двор, ступая по упругой зеленой травке, я увидела гранта Керо, его свиту, остальных гостей и жителей замка и залилась краской смущения. Ведь никому даже слов не

нужно — по густой растительности и так ясно как белый день, кому вчера очень — очень посчастливилось.

Сегодня утром я блистала, причем в буквальном смысле: блестящие золотисто — серебристые волосы волнистым каскадом ниспадали до талии; тончайшую паутинку вуали на голове закреплял драгоценный обруч; яркое светло — желтое платье с золотистыми кружевами и вышивкой — настоящее произведение портновского искусства.

Юная невеста стояла в красно — черном, до боли знакомом наряде. На мой взгляд, мрачном, но ее милое счастливое личико, обращенное к жениху, тоненькая хрупкая фигурка, золотисто — русые, с рыжиной, волосы придавали платью совершенно другой вид. Неискушенная невинная влюбленная драка выглядела трогательно и нежно и словно всей душой и телом тянулась к золотоволосому красавцу Глениру.

Я вздохнула, радуясь за девушку. Пусть я ничтожно мало знала жениха, но была уверена: Ноэль достался лучший мужчина, чем могло бы стать, если бы не наша встреча да неоценимая помощь Керо.

Стоило о нем подумать, как неожиданно поймала себя на мысли, что в этот красивый торжественный момент, хочется, чтобы он стоял рядом. Я бы, наверное, не раздумывая, прислонилась к его мощному плечу, а может и за сильную руку взяла. А без него начали одолевать тоска и одиночество, не терзали, нет, но исправно покусывали по очереди. Едва ощутимо, исподтишка, подленько. И пусть я насморк, навязанный Сэбиану, ошибка и просчет, и пусть не любит, но его темный, который разливался прохладной сущностью у меня под кожей, сбивая с толку чужими эмоциями, все равно загадочно грел душу.

После обряда мы уселись за столы перекусить, точнее, позавтракать. Керо так торопился завершить в Хемвиле дела и отбыть восвояси, что даже поесть нам с Ноэль не дал перед церемонией. Впрочем, невесте, сидевшей между женихом и мной, от волнения кусок в горло не лез. Из-за скорой перспективы физического закрепления брака, надо полагать. И судя по горящим страстью глазам Гленира, его не смущает раннее утро, спешка и... ничего не смущает. Он буквально горит энтузиазмом закрепить свои семейные узы.

Со всех сторон звучали крики, поздравления, пошлые шуточки в адрес молодых, а я рассеянно рассматривала красивые серебряные литые кубки с гравировкой рода Дернейских. Как их еще не растащили в этом бедламе и хаосе...

Керо встал, посмотрел на старшего Сандерского и объявил:

— Пора! А то мы до вечера отсюда не уедем!

Мадеус усмехнулся с пониманием, а я возмущенно уставилась на мужа. Ну кто так свадьбу портит...

А вот дальше я вообще рот открыла от удивления. Мы с мужем отправились наверх, непосредственно на крышу, а молодые, вместо спальни — во двор.

Пока я, приподняв подол и, к своему стыду, тяжело дыша, преодолевала сотни ступеней, изучая зад мужа, все еще подспудно гадая, куда же девается его хвост, новобрачных должны будут устроить со всеми удобствами. Последние пролеты узкой, спиралеобразной лестницы я преодолела сидя на сгибе локтя Сэбиана — ему надоело слушать мое сиплое дыхание. Потом, выбравшись на крышу, я увидела всю картину сверху воочию. Здесь было знакомо: место запечатлелось в памяти Сафиры о матери, и все виды отсюда тоже.

Прямо в поле соорудили каркас из жердей, который занавесили, отгородив Гленира с Ноэль от нескромных посторонних взглядов. А нам с мужем сверху все было видно как на ладони. Они стояли друг напротив друга, глядя глаза в глаза. Драк поднял руки и начал медленно разоблачать юную жену. Я видела, как дрожит от страха и волнения сестра. Но ее муж оказался понятливым, заботливым мужчиной. Когда они слились в поцелуе, крепко обнимая друг друга, я быстро отвернулась.

Сэбиан, отвернувшись менее спешно, но в его глазах не было любопытства и даже намека на пошленький интерес вуайериста. Нет, он был спокоен как удав.

— Почему это должно именно так происходить? И у нас же не так было... в первый раз? Да и у Сафиры с Мердоком подобного что-то не помню, — нахмурилась я.

— Невинных драк именно так привязывают к земле. Первая кровь всегда отдается ей, так полнее и незыблее связь. У нас будет тоже самое, только на моей земле, — флегматично ответил Керо. Потом добавил, бросив на меня внимательный взгляд. — А почему у нее такого не было с мужем — не мне знать.

В шоке от перспектив принародного интима в поле, я ответила, не думая:

— Он мужиков любил, а к женщинам интереса не проявлял. И слава всем богам!

Я не выдержала и выглянула из-за плеча мужа вниз: новобрачные, уже полностью обнаженные, стояли на коленях и продолжали целоваться, причем, с такой страстью, что завидно стало. И холод их не берет. А вот мои щеки опалило смущение.

Сэбиан облокотился на каменный выступ, притянул меня к себе со словами:

— Насколько я знаю светлых, этот не самый худший из... них. Ноэль с ним будет хорошо.

Я сложила у него на груди руки, пробежалась пальчиками по черному бархату кафтана и прижалась еще теснее, греясь в живом тепле. Заглянула в сумеречные глаза и с невольной улыбкой поинтересовалась:

— Меня, я так понимаю, ты к светлым не причисляешь?

— Нет, — ровно ответил он, — ты чистокровный смесок, а теперь в твоих жилах и моя кровь. — Мгновение помолчал и задумчиво добавил. — Ты не обжигаешь светом, а греешь...

— Может... тепло не от магии зависит, — неуверенно спросила я.

— А от чего? — уголки его губ чуть приподнялись в ленивой снисходительной усмешке.

— От души... — тихо предположила я.

Он молчал слишком долго, успев этим полностью разрушить мою уверенность в себе, нас и вообще...

— Да, вероятно, ты права, — глухо произнес он, наконец. — Та, Сафира подобно снежным горным вершинам ослепляла светом, а потом замораживала до смерти.

Уткнувшись ему в грудь, я молча радовалась, что отличаюсь даже в этом от предшественницы, и еще — яркому свету, безоблачному голубому небу и теплому ветерку. «Повезло» моей сестренке — в поле, разве что не на грядке, невинности лишаться. Положим, мне предстоит то

же самое, всего ничего осталось... но уже не пугает почему?то.

Я посмотрела в небо, где летали птицы, затем мы с Сэбианом встретились взглядами и с минуту, наверное, разглядывали друг друга. Продолжая обнимать меня за спину одной рукой, вторую он медленно поднял и провел тыльной стороной когтистого пальца по моей щеке. В этой невесомой ласке я ощутила нежность и легкое удивление, а темный излучал загадочное смирение.

— В твоих глазах горит само солнце, ты знаешь об этом? — глухо произнес он, то ли спрашивая, то ли утверждая.

— Зимнее или летнее? — хрипло уточнила я. Так, завуалировано, попробовала узнать, греет ли его «мое» личное солнце.

Керо ухмыльнулся, поняв, в чем суть:

— Летнее и такое жаркое, какое бывает в полдень на солнцепеке.

Я против воли расплылась в улыбке, а он наклонился и прижался губами к моим. Эх, сладкий получился поцелуй и такой долгий, что возвращаться в эту реальность пришлось с трудом.

В зал я вновь спускалась на руке у мужа и самым беззастенчивым образом обнимала его за шею. А еще нагло ковыряла пальчиком серые чешуйки у него на висках и нижней части затылка, специально вызывая у него недовольное ворчание. Просто в меня с момента нашей встречи словно какой-то бесенок вселился и тянул на разные шалости. И темный, в любом случае, выдал своего хозяина, который ворчал для порядка, а на самом деле мои «хулиганства» явно пришлись ему по вкусу.

Ноэль Гленир тоже внес в зал на руках, и оба новобрачных были откровенно счастливы. Золотоволосый драк держал супругу крепко, бережно, как дорогую душу. А она смотрела на любимого сияющими глазами, пусть и зарей алела от смущения.

— Как свидетель слияния подтверждаю — брак законен! — громко заявил мой лорд.

Все в ожидании посмотрели на меня, без зазрения совести продолжавшую сидеть у мужа на руках. Я поерзала, сползла вниз, вцепилась ему в ладонь и, испытывая неловкость от того, что была вынуждена признать: да, я подглядывала за молодыми, прочистила горло и пискнула:

— Как свидетель слияния подтверждаю — брак законен! — Ох, ну и традиции!

— Как лицо, обличенное святым правом соединения, подтверждаю — брак законен! — воскликнул святой отец.

И снова оглушающий рев команды Сандерских, к которому присоединилась челядь замка, приветствуя новых владельцев.

Драконы молчаливо заняли дальний стол и с аппетитом ели. Супруг Ноэль, наконец, спустил ее с рук и, ласково шлепнув по попке, направил в сторону лестницы. Чтобы помочь кухне привести себя в порядок, мы вместе поднялись наверх. Мое участие почти не понадобилось, горничные вполне справлялись и желали угодить новой хозяйке, я больше в качестве дружеской поддержки присутствовала. Пока, теперь, леди Ноэль причесывали, решила сходить переодеться сама, потому что сразу после обеда мы снова отправимся в путь, о чем меня заранее предупредили.

В дорогу я надела теплое темно — зеленое бархатное платье «вкусного» оттенка, которое отлично гармонировало с моей светлой кожей, с серебром и золотом чешуек и волос. Понятно, что бархат не для верховой езды, но мне хотелось хорошо выглядеть, нравиться мужу. В конце концов, у меня свадебное путешествие, а одежда должна служить, а не бестолку храниться в сундуке. Высокие кожаные ботинки и чулки на завязках под коленями дополнили походный наряд.

Сундуки с моим приданым снова сносили вниз, когда в комнату, зачем-то подозрительно оглянувшись в коридоре, зашли Мадеус с Глениром и кивнули мне:

— Миледи...

— Лорды... — кивнула я в ответ, тревожно отмечая, что ведут себя родственники слишком таинственно и осторожно, не характерно для хозяев.

— Сафира, — тихо начал старший. — Похищения Амалии многие из нашего рода не могут себе простить до сих пор, хотя ее уже нет в живых.

— Я понимаю. Спасибо за участие. — Снова кивнула я, сцепив пальцы в замок перед собой.

— Я не о том, — прервал меня пожилой драк и вкрадчиво произнес. — Просто сейчас... одно твое слово, и ты останешься здесь.

— Не совсем вас понимаю, — с опаской выдавила я. — Я замужем и...

Гленир махнул рукой, обрывая меня на полуслове, и с жаром заговорил:

— Мне жена нечаянно проболталась, что ты до сих пор невинна. Ни один из твоих браков не является пока действительным. Так что еще не поздно все переиграть. У нас теперь есть Хемвиль. И род Сандерских позаботится о тебе, племянница.

У меня в душе возникло нехорошее предчувствие. Но я намеревалась получить откровенные ответы:

— Ноэль знает о вашем предложении и желании... помочь?

— Нет, конечно. Зачем ее тревожить? — не раздумывая, ответил он, нахмурившись.

А я продолжила искать правду:

— Напоминаю, лорд Гленир, я замужем за драканом и темным обрядом связана...

Мадеус передернул плечами, всматриваясь в мое лицо. Видимо он что-то уловил в моих глазах, потому что благоразумно промолчал. А вот другой родственник был слишком молод и подтвердил, что не столь благороден:

— Мы найдем способ избавить вас от навязанного брака. Любым путем. — А потом добавил все же. — Если вы несчастны или захотите остаться с нами.

Во мне взревела злоба, неожиданно слишком сильная, чтобы думать бесстрастно, а ведь раньше я считала, что не способна на такие сильные негативные чувства.

— Он тебе целый замок подарил, чудесную жену, а вы... неблагодарные! — прошипела я как разъяренная кошка:

— Послушайте, леди, мы же хотели помочь... — оторопел дядя и словно сдулся.

Дед помрачнел и напрягся.

— Чем помочь? — злилась я. — Убийством? Что же вы моего папочку не прибили, когда он издевался над Амалией и надо мной? Или тогда кишка тонка была?

Мадеус дернулся как от пощечины:

— Поздно было. К земле он ее привязал и кровью ребенка к себе тоже.

— Да неужели? — ядовито хмыкнула я. — Она бы и вдовой прекрасно жила.

Молодожен зарычал:

— Ее не спасли, так хоть вас не оставим наедине с монстром.

— Да я уже почти влюбилась в Керо, а вы... — взвыла я от обиды за «монстра».

— В темного? — вытаращились светлые.

Я шагнула вплотную к Глениру и уничижительно процедила:

— Спасибо, конечно, за предложение. Но советую сначала посмотреть на жалкое зеленое пятнышко травы, которое осталось после ваших, лорд, стараний на ниве супружеских обязанностей. — Молодой драк замер с вытянутым лицом. И я его добила. — А потом, выгляните за окно и сравните с тем, что мы с драканом сотворили. С учетом того, что я до сих пор невинна. Почувствуйте разницу.

— Замужество с темным тебя слишком сильно изменило, Сафира, — задумчиво произнес Мадеус.

Я ступевалась, вспомнив, что теперь не на Земле, а на Эсфадосе. Всепоглощающая мрачная ярость, готовая убивать, приглушилась, отодвинулась на задний план. Тревожная мысль засвербела в голове, но я все же спросила:

— Э — э-э, надеюсь, в лучшую сторону?

— Да! — кивнул седой головой пожилой драк. — И за это я прощу дракану его темноту. И благословлю вашу дорогу...

Я усмехнулась:

— Лучше не надо благословлять... в спину. Грант Керо вряд ли оценит.

Гленир, словно мешком с мукой прибитый, переваривая сравнение с драканом, растерянно произнес:

— Простите, я лишь помочь хотел... защитить...

Пожав плечами, чувствуя щемящую пустоту после бурного всплеска чувств, примирительно, тихо сказала:

— Я благодарна вам и надеюсь, что ваши намерения были продиктованы искренней заботой

обо мне. Но Сэбиан — мой, а я — его. Примите как данность. — Потом, немного помолчав и понаблюдав за по — прежнему изумленными драками, добавила на всякий случай. — И другого уже не надо. Меня все устраивает.

— Ну что ж, сердце старика оставит хоть одна печаль, — вздохнул седовласый лорд.

Молодой лорд явно чувствовал себя не в своей тарелке. Пожал плечами, встрепал золотистые волосы на макушке и неуверенно предложил:

— Хорошо, раз все между нами решилось, пойдете к праздничному столу?!

Он развернулся и направился к дверям, но в это время створки со зловещим скрипом открылись — и в проеме застыла внушительная темная фигура Сэбиана. У меня неожиданно возникла ассоциация со сценой в «Ревизоре»: потрясенные чиновники, в данном случае родственники, застыли в ожидании неминуемой расправы.

Мадеус замер, на его побледневшем лице четко проступили все морщинки. Лица Гленира мне не было видно, но по напрягшемуся телу и линии плеч стало очевидно, что ничего хорошего он не ожидал.

— Милорд, — защebetала я, обращаясь к мужу. — Вы за мной? Как мило с вашей стороны. А то тут столько ступеней, что мне их просто не преодолеть без вашей помощи.

Керо молчал, буравя Сандерских взглядом, каким букашек под ногами разглядывают: раздавить или неохота пачкать любимые тапки. Потом перевел внимание на меня, и шторм в его глазах, к моему немалому облегчению, улегся, сменившись прозрачной серой волной. Темный уже, кажется, привычно разлился под кожей, оповестив об удовлетворении хозяина. Похоже, нас подслушали... как обычно. А недавнее желание убить драков на месте, и заставшая разум ярость точно были не мои.

Я поспешила к мужу, преданно глядя ему в глаза, взяла здоровущую ладонь в свои две и «потатила» его по коридору за собой.

Обед прошел в напряженной тишине, когда слышен малейший звук, а глоток воды сопоставим с шумом водопада.

А перед отъездом, пока прощались, Керо, склонив голову набок, смерил оценивающим взглядом Мадеуса, затем, повернулся к Глениру, словно выбирал жертву. Молодожен нервно сглотнул, но к его чести, не дрогнул, держал голову прямо, когда грант подошел к ним с Ноэль.

— Позвольте на прощание сделать вам небольшой подарок... — любезно предложил мой муж.

Я занервничала, справедливо опасаясь подвоха. Гленир, видно, тоже, но вымученно улыбнулся. А вот ни о чем не подозревающая сестренка расплылась в счастливой улыбке, сложив ручки перед собой и чуть ли не прыгая от нетерпения. Она верила Керо, восхищалась своим кумиром и благодетелем, по сути. Взглянув на нее, Сэбиан снисходительно, но тепло улыбнулся:

— По нашим обычаям супруги носят кольца, так вот, хочу и вам преподнести этот дар. — Словно у фокусника, у темного мага на ладони возникли два серебристых кольца с изящной гравировкой на ободках. Потом, посмотрев на Гленира, со скрытым подтекстом добавил. — Чтобы помнили... о нас. Хранили верность друг другу. Защищали друг друга и... любили.

Молодой Сандерский под восхищенным взглядом юной супруги не решился отказаться от

навязанного подарка, а может дракану не решился перечить. Скрипнув зубами, протянул руку, будто ему сейчас пальцы отрубать собираются. Ноэль неуверенно, но предвкушая чудо, тоже протянула, а я заволновалась за сестру, но не успела вмешаться. Кери одел обоим кольца, щелкнул пальцами и — все ахнули. Кольца впитались в кожу, и теперь на руках молодожёнов красовались две едва заметные татушки из рун.

Разглядывая ободок на пальчике, Ноэль подошла ко мне похвастаться подарком. Ведь ей не часто их делали. Тем временем Сэбиан что-то шепнул на ухо Глениру, отчего тот покраснел, а затем, поджав губы, отошел в сторону. Скорее всего, дядюшку чем-то задела, но ничего смертельного его не ожидает и это отранно.

Когда мы выезжали из ворот замка после долгих слезливых прощаний с милой молодой женщиной, ставшей мне сестрой, подружкой и помощницей в новой жизни, я прохлюпала:

— Что ты там придумал? Признавайся.

Муженек обнял меня одной рукой, крепче прижимая к себе, и спокойно ответил:

— Ты сомневалась, будет ли он верным супругом? Теперь этот щенок вечно будет хранить верность супруге. Защищать. И любить будет до гробовой доски.

— А если, не дай бог, с ней что-то случится? — опешила я.

— Тогда любить и защищать будет гробовую доску и верность тоже ей хранить! — ледяным тоном припечатал он.

— Злой ты, — вздохнула и замолчала.

Хотя... Как посмотреть. Кузина-то теперь, однозначно, защищена, со всех сторон, можно сказать. Уже через минуту я посмотрела на Кери влюбленным взглядом, восхищаясь им почти как Ноэль.

Глава 22. У реки два берега

— Не путай понятия Света и Тьмы с понятиями добра и зла, — сказал Анхайлиг хмуро. — Тьма — такая же неотъемлемая часть этого мира, как и свет...

Наталья Жильцова. Проклятие некрманта.

Я в последний раз провела по зубам деревянной щеточкой со щетиной, позаимствованной в обители у сестры Анизы, которую она в своем лекарском арсенале для каких-то нужд держала. Набрала из кружки в рот воды и прополоскала от «зубного порошка», представлявшего собой смесь мела, в достатке имевшегося на Эсфадосе, тщательно истолченного в ступке той же Анизы и сложенного на хранение в сундук, и специй для запаха, раздобытых в Хемвиле. Мысленно не забыла посетовать на утраченные блага цивилизации. Только лишившись самого необходимого, начинаешь ценить даже самое малое.

Яркое утреннее солнце слепило глаза, по голубому небу неторопливо, с некоторой ленцой, плыли пушистые белоснежные облака. Я подошла к обрыву и застыла недалеко от края, ощущая себя песчинкой в этом мире: маленькой и боявшейся затеряться среди других, таких же одиноких и малозначимых.

Вновь посмотрела вниз, на речную долину, которую рассекал довольно широкий судоходный

водный поток. На берегу виднелись причалы и небольшая рыбацкая деревушка. Когда вчера, поздним вечером, мы приехали сюда, Керо не захотел ночевать в таверне. Возможно, опасался покалечить лошадей, спускаясь по каменистому склону в темноте, а может у него другие резоны на этот счет были.

Мое уединение, безусловно, относительное — присмотр за мной осуществлялся тщательным образом — прервали уже знакомые ощущения: сильное желание горячей волной побежало, разгоняя кровь, затем вспыхнуло пожаром на губах, коснувшись груди, живота, разлилось лавой по бедрам. Конечно, я узнала, чьи они, медленно обернувшись: в нескольких шагах стоял Сэбиан, лаская меня буквально ощутимым взглядом.

Все внутри меня невольно откликнулось на его желание, заставило трепетать и плавиться от радости — он хочет мое тело, но я чувствовала, что и нуждается во мне.

Опять полюбовалась уже привычной зелененькой лужайкой вокруг нашей палатки, которую собирали ранаты. Возвращаясь на темные земли, мы ночевали на предыдущих местах и, глядя на эти яркие полянки среди только начавшей просыпаться от зимней серости природы, я уже почти не смущалась. Сколько можно! Мало того, я расхрабрилась до такой степени, что, почувствовав себя с лошадьми более уверенно, решилась?таки на самостоятельную поездку на своем мерине. Правдами — неправдами, мы с Серегой, к моему невероятному облегчению, поладили.

Я зачарованно наблюдала за мужем, подходившим ко мне, не торопясь, поедая горячим взглядом. С каждой проведенной вместе с ним ночью, я постепенно раскрепощалась, а ему наоборот приходилось прикладывать усилия, чтобы сдерживаться, контролировать себя. Прошлой ночью он каким?то чудом в последний момент откатился от меня в сторону и замолотил кулаком о землю, злясь из?за неудовлетворенного желания. А я, распаленная до звездочек в глазах, испуганно прижимала к себе шкуру, в цветах и красках ощущая происходившее с ним.

— Мы сегодня переправимся на тот берег, — внешне бесстрастно уведомил меня истомившийся муж, подойдя вплотную.

Да только темный исправно сдал хозяина с потрохами, выдав нетерпеливое ожидание, что снедало его тело.

Ни в прежней, ни в нынешней жизни я никогда не испытывала столь потрясающе ярких эмоций, как рядом с Сэбианом. Последние дни я почти не задумывалась ни о чем другом, мысли в основном крутились вокруг его личности, характера, внешности, действий или чувств. Все, что беспокоило совсем недавно и считалось важным, притупилось, на первый план вышли плотские желания тела и пылкие чувства моей души. В общем, я размечталась о любви, ко времени или нет, но страстно и искренне.

В мужских объятиях я ощутила удовлетворение, это было так естественно, необходимо и необыкновенно приятно. Ветер растрепал мою косу, которую еще с вечера заплела, несколько прядок попали на лицо, закрывая глаза и рот. Сэбиан с нежностью заправил их мне за ухо, мимолетно погладив по щеке.

— Твои земли далеко отсюда? — тихо спросила я.

— Почти сразу за рекой, — ответил он, взирая с высоты своего роста. — Здесь граница территорий трех кланов. А поселение внизу — фактория, куда регулярно прибывают торговцы как с нашей стороны, так и драки с людьми. Похожих мест немного, и все под защитой клана.

Каждый знает: грабеж или попытка такового в торговых поселениях карается смертью. Вне зависимости, кто совершил — светлый или темный.

— Сурово, — кивнула я.

— Нам нужно выдвигаться, не хочу время зря терять, — слегка подталкивая меня к лошадям, поторопил Керо.

Улыбнулась и опять кинула, уж я?то знаю, почему он время терять не хочет.

— Сафи, сегодня ты снова поедешь у меня на коленях, — неожиданно заявил он.

— Почему? Я же теперь неплохо держусь в седле?

— Так надо, — ушел он от ответа.

Вдоль береговой полосы поселка, куда мы въехали спустя часа два, располагались лавки, походившие скорее на склады. После трехдневного путешествия по безлюдным лесам и полям, я с любопытством крутила головой по сторонам, пока мы, не останавливаясь, двигались к причалу у реки.

Невысокие постройки из камня и дерева с маленькими оконцами. Сети, развешенные на жердях для сушки вдоль каменистого берега. Пронзительные крики птиц. Суда и суденышки, кормившие рыбаков и перевозчиков. Не очень приятный запах реки, вернее водорослей, выброшенных на берег, дыма и сушеной рыбы к которому примешивался аромат специй. Сверху я заметила большое строение таверны, но мы сразу свернули в противоположную сторону. Преимущественно там же располагалось и жилье. Собственно, ничего примечательного поблизости не попадалось, потому что мы «прямой наводкой» поспешили в скучную, портовую, часть, зато удивили мрачные лица жителей фактории. Создавалось ощущение, будто здесь поголовно смертники собрались или, в лучшем случае, большие — пребольшие пессимисты, которые ждут от жизни если не смертельной подставы, то очередной пакости. Неожиданно я уловила, что муж нервничает, и озадачилась причиной.

У одного склада — сарая сноровисто грузили бочки на телеги несколько мужчин людей. Нечистокровный драк у ворот беседовал с парой драканов — аристократов, одетых в расшитые золотом бархатные кафтаны и почему?то не считавших нужным прятать хвосты. Те, увидев нас, прервали разговор. Наша кавалькада во главе с лордами остановилась возле них. Все четверо молча, коротко кивнули друг другу под заинтересованным взглядом торговца, тем не менее, поспешившего отойти подальше, с трудом скрывая болезненное неприятие такого количества темных рядом.

Незнакомцы уставились на меня, и один из них глубоким баритоном почтительно спросил:

— Представьте, грант Керо?..

— Леди Сафира Керо, моя жена! — глухо, с расстановкой, но с угрозой в голосе произнес Сэбиан, как если бы о чем?то предупредить хотел. Затем, чуть сильнее сжав меня, представил сородичей: — Лорды Рамус и Тимук Дайри... наши соседи.

Сразу же вспомнила, что раз затылки и виски у этих драканов не выбриты, а волосы до плеч, то это, скорее всего, сыновья главы клана, такого же гранта, как Керо. Поэтому, мило улыбнувшись, так же коротко кивнула, ответив:

— Рада знакомству, лорды.

Более молодой Дайри прошелся пристальным взглядом по моей фигуре, затем, остановившись на выглядывавших из рукавов парных циях, не сдержавшись, выпалил:

— Милорд, вы удивили безмерно, — спиной почувствовала, как Керо напрягся, видимо ему совершенно не хотелось, чтобы кто-то развивал эту тему, но младший лорд продолжил. — Маг смерти решился на брак с дракой? Пусть и двухцветной чистокровной... — Я насторожилась, предположив, что бархатники намекают на мезальянс. — Повезло, что она пережила обряд, но...

Рядом яростно зашипел Данкери.

До меня дошел страшный смысл сказанного.

Грант щелкнул пальцами — и чересчур разговорчивый дракан замолчал, вытаращив глаза и беззвучно разевая рот, как рыба, которую вытащили из воды. Следом темный маг обратился к благородно помалкивавшему старшему Дайри:

— Рамус, передай отцу, что он мне должен. — Тот кивнул, едва заметно, с досадой, поморщившись. Затем грант холодно и строго отчитал Тимука: — А ты, пока оттачиваешь свои способности и умения в магии, побереги язык. И учись снимать проклятия вечного молчания...

Сэбиан тронул бока Трака, и наш отряд двинулся дальше по дороге к реке.

Пока лошадей переводили на баркас, я не вытерпела и спросила, посмотрев мужу в глаза:

— Это правда? — отметив его демонстративно вопросительно приподнятые смоляные брови, пояснила. — Что я могла не пережить брачный обряд...

Темный «удружил» хозяину, залив меня прохладой ярости на болтливую парню, злости, сожаления и смятения.

— Понятно... Значит правда... — я потихоньку, но неумолимо замерзала от боли, считая, что меня предали в самых лучших чувствах.

— Ты настолько хорошо меня чувствуешь? — неприятно удивился мой лорд.

— Да. А ты меня — разве нет? — печально и безнадежно спросила я.

Сэбиан осторожно обнял меня, прижал к груди, зарываясь пятерней в волосы, а потом, спустя минуту, наверное, мучительного молчания, наконец глухо признался:

— Полная связь на уровне не только эмоций, но и чувств бывает исключительно у двух половинок одного целого. Это крайне редко случается даже у двух темных, что уж говорить про такие противоположности как Свет и Тьма. Ты Сафиру я не слышал даже на эмоциональном уровне, поэтому бесился, не в силах предугадывать ее настроение и поведение. И честно скажу, прикасаться к ней оказалось обжигающе неприятно. Поэтому не сильно-то и настаивал на близости.

— Да... уж... — с болью шепнула я.

— Соответственно, не торопился выяснять, жива светлая супруга или нет. И почему кольцо ция держится...

— Ну естественно... — тоскливо подковырнула свою «половинку».

— Да мне было по большому счету плевать, выживет она или нет после обряда. — Его руки не дали отстраниться. — Я искал способ обеспечить процветание своему клану. Выжила бы — значит, проблема устранена, нет — я бы придумал другой выход...

— Но ведь ты уже знал, что я не она, лез в душу, обнадежил и все же... — ударила его кулачком по груди, чувствуя, как слезы потекли по щекам.

— В тот момент ты меня заинтриговала — не более. — Глухо оправдывался Керо. — Но вынудила согласиться на повторный светлый обряд. Из-за которого я ослаб настолько, что Тьма не выжгла тебя, а вот твой Свет чуть не спалил меня.

— Надеюсь, ты в полной мере прочувствовал то, что хотел сотворить со мной! — с обидой прохлюпала сквозь слезы, справедливо считая себя глупой и наивной.

— Да, — угрюмо признал он, — полнее, чем ты думаешь. Амулет спас. Даже не предполагал, что ты настолько горячей и... светлой окажешься. В случае с той Сафирой смертельная опасность грозила ей одной, а в нашем с тобой — обоим.

— Ненавижу... — выдохнула, чувствуя, как призраками развеиваются мои воздушные замки. — Я так цеплялась за жизнь, а ты...

— Нет, — тихо произнес Керо, снова начиная массировать мой затылок. — Я не чувствую ненависти, только боль и разочарование.

Как же тяжело, когда врагу известны твои чувства, словно обнаженным перед толпой извращенцев оказался. Я с силой вывернулась из рук мужа, подчиняясь неуправляемому порыву убежать куда-нибудь и спрятаться где-нибудь подальше от него, но он удержал меня за плечо. А я увидела напряженные лица ранатов, которые замерли вокруг нас, контролируя обстановку и не подпуская посторонних. И уж точно видели, а может и слышали нашу размолвку, к моему еще большему огорчению.

Сэбиан развернул меня к себе, обхватил лицо здоровенными темными ладонями и, всматриваясь мне в глаза, настойчиво пытался достучаться:

— Тогда было именно так. Но сейчас все иначе. Ты — моя, а я — твой. Навсегда. — Я всхлипнула, попытавшись мотнуть головой, но не смогла. Слезы застилали глаза. Сэбиан снова прижал меня к груди и повторил глухо, свято веря в свои слова. — Теперь, Светлячок, все иначе. Ты — моя, я — твой. И никому не позволю причинить тебе боль. Никому! Клянусь!

В это мгновение я впервые поняла, насколько мне повезло знать о чувствах мужа. Потому что он говорил созвучно эмоциям и чувствам, которые бурлили в нем настолько, что грозили сорвать мой личный контроль. Двойная эмоциональная нагрузка «сносила крышу», поэтому, услышав обещание Керо, я расплакалась от облегчения, спуская пар как большинство женщин. Судорожно вздрагивая и глотая слезы, обняла за пояс Сэбиана, изо всех своих жалких силенок прижимаясь к нему.

Чуть успокоившись, но, не желая потерять завоеванных позиций, подняла зареванное лицо и уточнила:

— Честно — честно?

Его Темнейшество ухмыльнулся и снисходительно напомнил:

— Драканы никогда не дают клятв, если не могут исполнить.

Я хмыкнула, мол, прониклась и, вытирая ладошкой слезы, закинула удочку дальше:

— И никаких измен? Будешь верным мужем?

Керо на миг закатил глаза.

— Ты сама себе это представляешь? Учитывая нашу полную связь?

— Ничего не знаю! — буркнула я, вытащив из кармана платок и прижимая его к лицу. — Но если почувствую что, все — конец тебе придет!

— Любопытно узнать, какой такой конец ко мне придет? — насмешливо поинтересовался муженек, видимо сообразив, что у меня отлегло от сердца.

— Твой собственный! Который отрежу твоим же ритуальным ножичком... — прошипела я.

— Ты уверена, что в тебе нет темной крови? — Серые чешуйки над приподнятыми бровями мужа опять топорщились.

— Тебе лучше знать, — мило улыбнулась я и не без ехидства тихонько прошептала, потянувшись к его уху, — в конце концов, сам со мной кровью делился и хвалился. Вот процесс и пошел...

Данкоро тактично кашлянул, привлекая к себе внимание.

— Баркас готов, нас ждет дом, — сообщил он с улыбкой.

* * *

С баркаса, похожего скорее на древние ладьи викингов я сходила на трясущихся ногах, поддерживаемая мужем. Тошнота подкатывала к самому горлу: укачало с непривычки. Рядом один из ранатов вел грустного притихшего Серегу, который тоже не был знаком с водным транспортом. Но стоило ему копытами коснуться твердой земли — воспрял духом, гарцуя и благодушно взирая на всех добрыми карими глазами.

Сэбиан расплатился с владельцем судна, вернулся ко мне и, глядя с сочувствием, спросил:

— Сама поедешь или все же со мной?

— Сама, хочу скорее привыкнуть к верховой езде, — вымучено улыбнулась.

— У вас будет для этого еще много времени, миледи, — мягко улыбнулся красавчик Данкоро, садясь на своего коня.

— Лучше я... вспомню забытые навыки сейчас, чем потом... — а про себя добавила: стану посмешищем среди драканов.

Муж посадил меня в седло, потом с минуту поглаживал по ноге, пока я расправляла платье, плащ и усаживалась удобнее. Несколько мгновений смотрел на меня внимательным серым взглядом, затем с понимающей, едва заметной, усмешкой пожал мою коленку, как бы оказывая

моральную поддержку, и буквально взлетел в седло Трака.

Пока наш отряд двигался по поселку с темной стороны реки, я неожиданно заинтересовалась любопытным фактом. Здесь смуглые чешуйчатые лица цвели и пахли улыбками. Просто сплошь загадочное благодушие, что так разительно отличало драканов от жителей светлого побережья, в сущности, с виду почти не отличавшегося от противоположного. Те же домики и сараи, сети, запахи, повозки и лошади. Однако здесь у жителей чувствовалось приподнятое настроение.

Я не выдержала и спросила, обращаясь к лордам, ехавшим слева и справа от меня:

— В этой деревне намечается какой-то праздник?

Мужчины, бросив быстрый взгляд по сторонам, недоуменно пожали внушительными плечами:

— Нет, а с чего ты взяла?

— Просто странно все это...

— Что именно, Сафи? — глухо поинтересовался мой лорд.

— За рекой вроде светлые живут, но у всех такие мрачные лица, будто к похоронам готовятся. Здесь же территории темных, но все улыбаются, словно на свадьбу пришли... — вопросительно приподняв брови, уставилась на одного, потом на второго.

Сэбиан усмехнулся, снисходительно покачав головой, а его «правая рука», улыбаясь, пояснил:

— Вы на темных землях, миледи Сафира. Здесь другие правила жизни и законы. Негативные эмоции и чувства — пища для дармоедов. Мы же рассказывали вам. — Я припомнила тот момент, ступавшая, а Ройван продолжил: — Все темные весьма улыбочивые, даже если их оскорбляют — все равно улыбаются... только в предвкушении мести.

Распахнув глаза, я смотрела на Ройвана и переваривала информацию уже под другим «соусом». Вовремя поймав себя на том, что хмурилась, приняла такой же приветливый вид, как у окружающих, и спросила у мужа:

— А почему тогда ты редко улыбаешься?

Его Темнейшество одарил меня весьма зловещей улыбкой, которая, впрочем, нисколько не пугала — привыкла я к своему дракану.

— Я — темный маг. Маг смерти.

— Надо полагать, тобой питаться не могут? Да? — заинтересовалась я.

— Нет, — весомо ответил Керо, но через минуту скосил на меня настороженный задумчивый взгляд.

— Что? — осторожно спросила я.

Данкоро хохотнул:

— А вот об этом ты, брат, не подумал...

Керо скрипнул зубами.

— Да что происходит? — с досадой посмотрела на него.

— Просто теперь я связан с тобой. И хочу, чтобы ты всегда улыбалась и излучала положительные эмоции. Нечего кормить чужую силу, — приказал милорд.

Выразительно закатив глаза, я хмыкнула:

— Знаешь, это уже не только от меня, а в большей степени от тебя зависит.

— В каком смысле? — вкрадчиво произнес он.

— Помнишь, я говорила, что жену надо холить... лелеять... любить... чтобы она счастливой была... — мой голос звучал не менее вкрадчиво.

Данкеро от души расхохотался, по — моему, и позади нас некоторые ранаты посмеивались. А вот муженек укоризненно покачал головой, отчего черный гладкий хвост, в который он утром собирал волосы,

шлепнул его по острым ушам, и протянул с удовольствием:

— Хитрюга и проныра — а-а...

Я счастливо улыбнулась, глядя в глаза своему мужчине. И судя по тому шквалу эмоций, которые испытала от одного взгляда, наверное, уже любимому.

Неожиданно мою спину словно сквозняком обдало, я даже передернулась и плотнее запахнула плащ на груди. Обернулась, оказалось ранаты снимали шнурки с амулетами. Еще более сильный холод дошел до меня от Данкеро, когда тот с глубоким вздохом облегчения снял амулет, засунул его в сумку, притороченную к седлу. Сэбиан тоже вытащил из-за ворота нижнего платья свой амулет и начал снимать. Я даже сжалась подсознательно, подумав, что вообще сейчас замерзну, потому что грант самый сильный из магов. Удивительно, но стоило ему снять с себя защиту от светлых, я моментально согрелась. И теперь брачный браслет начал испускать мягкое ласковое тепло, распространявшееся по всему телу.

— Сафи, все хорошо? — обеспокоенно спросил муж.

Я кивнула, свыкаясь с магией вокруг и внутри себя. Это так потрясающе... до сих пор.

Глава 23. Брачная ночь

Любовь — это огонь, родная. Теплый нежный огонек, который согревает душу, но крайне редко любви не сопутствует страсть, а страсть — это уже пламя. Бушующее, ревущее, сжигающее все на своем пути.

Елена Звездная. Академия проклятий.

Обедать мы остановились у подножия гор, скалистых, на первый взгляд неприступных. И пока я ела, рассматривая окружающий горный пейзаж с чахлыми кустиками и деревцами, росшими, кажется, прямо из камней, задумалась о том, что ждет впереди. И чем дальше, тем больше беспокоилась, хватит ли моих сил и магии, чтобы здесь хоть что-нибудь выросло, не говоря уже — цвело...

— А где твои земли начинаются? — уточнила я. — И заканчиваются?

Керо посмотрел на меня внимательно, словно сканируя взглядом.

— Мы уже от реки едем по нашим... — выделил он, — ...землям. Дальше будем подниматься все выше и выше. Цитадель клана расположена высоко в горах. Здесь есть долины, небольшие, правда. Там пашут, сеют, разводят скот. Наши земли простираются от реки и до самого горизонта. Это горный массив, где-то более, где-то менее доступный.

Слушала его глухой, но сильный и уверенный голос, а у самой внутри все в узел скручивалось — вдруг, не справлюсь. Глава клана слишком многого от меня ждет, а я — не справлюсь. Разве возможно озеленить скалы?

Керо замолчал, внимательно глядя на меня, затем, без усилий, словно я ничего не весила, пересадил к себе на колени, обнял и тихо спросил:

— Сафи, чего ты испугалась снова?

Я тяжело вздохнула, ничего-то от него теперь не скроешь. Уткнулась ему лбом в плечо и шепотом призналась:

— Здесь только камни... и я... мне страшно: вдруг не смогу помочь тебе выращивать на них что-то.

Сэбиан чуть отстранился, обхватил пальцами мой подбородок и заставил посмотреть ему в глаза.

— Не бойся. Теперь твои способности уже не главное в нашем браке.

От едва слышимой хрипотцы в его голосе у меня те самые счастливые бабочки в животе запорхали. Желая сотворить любое чудо для любимого мужчины, выдохнула, расплываясь в широкой улыбке:

— Мой лорд, я все равно буду очень — очень стараться.

— Я тоже... — двусмысленно шепнул он, коснувшись моих губ многообещающим, пока легким поцелуем. А уж темный буквально затопил меня невероятным желанием и нетерпеливым ожиданием.

Мы снова двинулись в путь, но теперь я ехала на коленях у мужа, который не доверил везти меня Серому, незнакомому с опасностями горных дорог.

К закату мы, наконец, добрались до цели. Перевалив очередную гряду, неожиданно оказались на огромном плато, где передо мной в сгущающихся сумерках возник величественный, но в тоже время невысокий замок, окруженный садами и даже небольшим леском дальше к горизонту. Хотя это, следуя земным канонам, даже не замок, а множество двухэтажных зданий объединённых, в единый архитектурный ансамбль арками и переходами, выстроенный на странных конструкциях, словно рессорах или прогнутых огромных каменных лыжах, гармонично вписанный в окружающее пространство. Несмотря на обилие камня, создавалось ощущение воздушности, легкости. Кое — где зажглись огоньки, словно приветствуя хозяина. И стен защитных здесь не было видно, лишь ров темнел вокруг поместья, образуя остров.

— А для чего во — он те дугообразные конструкции, на которых здания стоят? — не сдержала

любопытства и некультурно показала пальцем.

— В горах часто бывают мелкие землетрясения. Хотя и крупные тоже случаются... — пояснил Данкоро, заставив насторожиться, но затем немного успокоил. — Эти конструкции, как вы сказали, миледи, защищают здания от разрушения, глушат колебания земли. Внутри, конечно, трясет, но разрушения минимальные.

— Не бойся, трусишка, — хмыкнул у меня над ухом муж. — Родовое гнездо клана Керо основано здесь моими предками больше тысячи лет назад, но, сама видишь, по сей день стоит. Еще ни разу не требовалась перестройка или полное восстановление. Делали текущий ремонт и пристраивали необходимые помещения.

Я не смогла утаить облегченного вздоха. Ройван, глядя на меня, мягко, по — доброму, улыбался. Да и казавшиеся жуткими в начале нашего путешествия ранаты, тоже поглядывали на меня со снисходительными теплыми улыбками. Чем все сильнее удивляли: темные же! И как мне представлялось, должны быть опасными, злобными и коварными, а на деле же выходит, что таковыми являются светлые, прогневшие изнутри, с вечно мрачными лицами, выдававшими их жизненный настрой. А темные по — своему благородные, позитивные... нелюди. Непостижим и загадочен Эсфадос...

Как?то незаметно каменистая горная поверхность сменилась почвой плоскогорья, пусть бедной, твердой и в сухих трещинах, но все?таки с плодородным слоем, покрытым чахлой прошлогодней травой, а чем дальше вглубь плато, то и — деревьями, изо всех сил цеплявшимися за жизнь.

Мы не доехали до замка, совсем немного, хотя, в горах расстояние может быть обманчивым. Притормозив возле узкого горного ручейка, Керо поднял руку и приказал:

— Приготовьте все, — затем спустился с коня и снял меня.

Двое драканов отошли на приличное расстояние и занялись костром. Несколько ранатов спешили и быстро развернули нашу палатку, занесли туда шкуры, затем вместе с остальными спутниками, коротко поклонившись нам, направились домой.

А мы как?то очень скоро остались практически вдвоем под закатным небом, на котором зажигались яркие звезды, что в горах как нигде хорошо видны. От двух охранников, сидевших возле огня, нас скрывала палатка.

— Сэбиан, я... — показала рукой на манивший к себе ручей, привыкнув в дороге сообщать бдительному мужу, когда мне нужно было скрыться из виду. Хотя здесь вряд ли что грозило, но тем не менее.

— У тебя есть время, пока согреют ужин, Светлячок, а потом нам будет не до этого, — хрипло произнес он.

В потемневших глазах мужа с каждым мгновением все сильнее разгоралось пламя желания. А я чувствовала, как подступает паника и меня захлестывает хаос противоречивых мыслей. Всю дорогу точно знала, что предстоит, стоит добраться сюда, но не особо задумывалась, отодвигая на потом, подобно героине «Унесенных ветром». А сейчас, поставленная перед фактом: здесь и совсем скоро состоится полноценный секс с мужем, иномирцем, а главное — непонятная мне привязка к земле, неизвестному дому, я ощутила растерянность и страх. Хотя сама же была свидетелем этой самой привязки. И Ноэль не померла и нормально себя чувствовала. И Хемвиль меня очень душевно благодарил... Но здесь территория темных... и мало ли...

В стремительно погружавшейся в ночную темень долине замок был уже едва различим, по плато гулял ветер, теребя подол моего платья и плаща, развевая полы черного кафтана Керо словно крылья. Мне кажется, он понял мое смятение. Поднял руку и с загадочной улыбкой, смягчившей черты уже знакомого лица, к которому я почти привыкла, кончиками пальцев провел по моей щеке, как постоянно делал, едва ощутимо согревая, и, кажется, в этот раз напоминая обо всем, что мы пережили вместе. Будучи рядом. Ночью. И днем, разделяя пищу, дорогу, заботы. И особенно — чувства и эмоции, которые теперь одни на двоих и с каждым днем все отчетливее и проникновеннее.

Возможно, опасаясь напугать или надавить, а может, чувствуя мои неуверенность и страх, медленно наклонился, приподнял пальцами мой подбородок и коснулся губ поцелуем: легким, теплым и обещающим очень многое в обмен на доверие. Потом опять погладил меня по щеке, но уже всей своей крупной, чуть шершавой ладонью. Затем развернулся и отошел к ранатам.

Я помедлила несколько мгновений, еще ощущая нежность его губ и теплый взгляд любимых сумрачных глаз, оттененных густыми ресницами. Почувствовав, что продолжаю дрожать и волноваться, взяла себя в руки и, плюнув на все сомнения и неуверенность, словно в омут с головой нырнула. Мы уже связаны с Сэбианом, осталось сделать последний шаг, но я хочу сделать его сама. Добровольно! Не как жертвенная овца обстоятельств, которую уже положили на алтарь чужой судьбы, а осознанно делая выбор сама.

Почему — нет? Ведь я мечтала о любви, увидеть драконов, принцах на черных конях и мысленно рисовала в фантазиях воздушные замки, где я королева: любимая и любящая. И, вот, пожалуйста, мне дается такая возможность, а я трушу, теряюсь.

Встряхнулась и, убеждая саму себя, что ноги подрагивают от долгой езды верхом, подошла к ручью и трясущимися по той же причине руками разделась до исподней рубашки. Из-за промозглого горного ветра, не смотря на наступающую весну, кожа покрылась мурашками. Я суетливо сбегала к сундуку за красивой рубашкой и мылом. Отчаянно отбивая зубами дробь, помылась в ледяной воде, вытерлась и, накинув поверх рубашки плащ, рысью понеслась в палатку прятаться от пронизывающего холода в теплую шкуру.

Через минуту вслед за мной пришел Сэбиан. Поставил кружки с горячим напитком рядом со мной. Затем вышел и вернулся с едой, которую выложил на холстину: хлеб, подогретое мясо и сыр. Сегодня все выглядело как-то торжественно, несмотря на одинокую свечу, каменистую пыльную землю вокруг шкур, хлопающее от порывов ветра полотно палатки и даже на мой совсем не презентабельный вид.

Склонив голову, Сэбиан разглядывал меня, пока я пила горячий отвар, стуча зубами по кружке и укутавшись в шкуру с головой. Сейчас я уж точно не секси вумен, как хотелось бы, но совсем не физический голод мерцающий в серых глазах мужа, говорил совершенно обратное. И темный у меня внутри вроде и охлаждал своей Тьмой, но вместе с тем, странное дело, разогревал, собираясь угольками внизу живота.

Кое-как заставив себя проглотить кусочек лепешки, неловко запила. Облизала губы, проверяя нет ли крошек, и опять поймала взгляд Сэбиана. Обжигающий, черный, готовый...

Он в противовес сумасшедшему нетерпению, охватившему темного, неторопливо разделся полностью. Я невольно позавидовала: Его Темнейшество ничуть не мерз, в отличие от меня. Затем мой лорд опустился на колени передо мной, заставляя затаить дыхание от великолепия его мощного тела. Осторожно забрал из моих холодных пальцев кружку и отставил подальше в сторону.

— Иди ко мне, Сафи, я согрею... — прозвучал его глухой, завораживающий голос в тишине палатки.

Сэбиан выпутал меня из шкур и потянул к себе, заставляя встать на колени, напротив него. Обнял, словно защищая от всего, окружая теплом горячего тела, дыханием шевеля волосы у меня на макушке. Сейчас я все слишком остро воспринимала, боялась — да, но сама желала этой близости. Я всхлипнула от отчаянной неуверенности, зажмурилась и прижалась к нему всем телом, крепче обнимая, чувствуя его всей кожей.

— Ты только держи меня крепче и не отпускай никогда, — хрипло выдохнула я как мольбу.

— Не отпущу. Никогда, — услышала я тихий мягкий уверенный ответ. — Разве я могу отказаться?

Муж положил ладони мне на бедра, огладил и начал медленно задирает подол рубашки. Я задрожала, только уже не от холода, а возбуждения. Темный просто зашкаливал от эмоций и желаний, невольно заражая и меня.

Теперь мы оба стояли на коленях обнаженные. Я потянулась к нему, коснулась грудью его кожи, задевая чешуйки, испытывая невероятные ощущения. Сэбиан, обхватив мое лицо ладонями, заставил посмотреть на него и прижался к моим губам в таком страстном поцелуе, после которого дальнейшее происходило словно в сладком тумане. Я сама забралась к нему на колени, чтобы быть еще ближе, сплетаться еще теснее, лоном чувствовать его плоть.

Потом было уже не важно, кто из нас стонал и чего хотел, мы сплетались в объятиях и прекращали целоваться, чтобы только вдохнуть и опять ласкать друг друга. И вряд ли мы были нежными любовниками. Мы что называется дорвались... Кажется, я настойчиво о чем-то просила, наверное, об освобождении — желание, дикое и неистовое нарастало, и не было сил терпеть. Наконец муж подмял меня, уложил на спину и, почувствовав, как он проникает в мое лоно, наверное, все-таки испугалась, потому что услышала его хриплый голос:

— Я поклялся, что никто и никогда не причинит тебе боль...

Невинность я потеряла, лежа почему-то на голой земле — мгновение дискомфорта и опять потерялась в чувствах. Своих ли, его ли — какая разница. Потом, царапая мужу спину, мотая головой, стонала, выкрикивая его имя на пике наслаждения...

Когда немного пришла в себя, шепнула:

— Господи, благодарю тебя за него...

Открыла глаза и... не завизжала только потому, что дыхание сперло так, что я не смогла ни звука издать, поперхнулась и замерла. Над головой нависающего надо мной Кери, тяжело дышавшего после страстного марафона, парила сама Тьма: черное, мерцающее облако, в центре которого искрились серебристые глаза. И Тьма эта, прищурившись, словно придиричивая склочная свекровь взирала на меня — как на нерадивую невестку!

Недолго думая, пожалуй, на подсознательном, интуитивном уровне я крепче обняла мужа руками и ногами, заискивающе, доброжелательно, насколько была способна, улыбнулась Тьме, заставляя себя расслабиться и раскрыться душой, показать ей, что действительно хочу этого брака и люблю ее подопечного.

Смертельно — опасный изучающий прищур исчез, затем и глаза растворились в черной

клубящейся материи, а потом я ощутила удовлетворение «свекрови», словно та меня одобрила для любимого сыночка. Тьма раздалась вширь и резко нырнула вниз, окутывая нас темным покровом. Обжигающий холод вдруг проник в мое тело, заставляя болезненно выгнуться в спине и захрипеть, не в силах закричать.

— Светлячок... родная моя... Сафи... что с тобой? — на краю сознания звучал взволнованный, даже показалось сильно испуганный, голос Сэбиана.

— Тьма с тобой... — просипела я в ответ, то ли со злостью, то ли жалуясь.

— А... прости, милая, не предупредил... — глухо прохрипел мой муженек.

— Как всегда... гад! — скрипнула зубами и — тело, к моему невероятному облегчению, отпустило.

— Светлячок, все будет хорошо, моя магия приняла тебя...

— Я поблагодарю ее в своих... молитвах и тебя тоже! — не смогла не съехидничать я, с трудом шевеля немеющими губами.

— Язва моя... любимая... — не то слышалось, не то померещилось мне перед тем, как сознание все?таки ускользнуло.

Глава 24. Дом

Нечасто так бывает, что в чужом, совершенно незнакомом доме мгновенно начинаешь чувствовать себя уютно. Это и от хозяев зависит, и от самого дома... Впрочем, дом — это лишь отражение хозяев. Более яркое и честное.

Сергей Лукьяненко. Звёздная Тень.

Сквозь сон в сознание просочился жалобный скулеж. Будто дворовый пес сетовал на судьбу и голодный живот... Радостная прохлада, волной свежести омывшая мое тело... одиночество... грусть и снова чистая, незамутненная, искренняя радость, принятие... слияние... нет, не душ, а чего?то большего, словно меня растворяет в себе нечто безграничное, родное... теперь, но до боли одинокое...

Наконец, мне удалось вынырнуть из яркого и красочного переплетения чужих эмоций и чувств. Сделав судорожный вдох, я открыла глаза и попыталась отстраниться от этого... нет, к счастью, не кошмара, а какой?то неведомой, но не враждебной сущности, наоборот, очень даже набивающейся в друзья и не вызывающей неприятия. Мысленно отодвинулась от очередного «очевидного невероятного» — ох уж, эти порождения магического мира! — села и обняла себя руками, чтобы унять дрожь. Осмотрелась и выдохнула с облегчением: вокруг никого, а я спала на огромной кровати под черным бархатным балдахином с золотыми кистями в королевских размерах покоев.

Дневной свет проникает в помещение через три стрельчатых окна, украшенных витражами, сияющими в солнечных лучах. Цветное стекло играет на свету веселыми бликами, создавая особую атмосферу интерьера. Окрашенные в различные тона «солнечные зайчики» разбегаются по мебели: красивому тяжелому бюро из красного дерева в левом углу; чайному столику в окружении глубоких парчовых стульев — кресел, гобеленам, выполненным в светло — коричневых тонах, почти полностью скрывающим стены, «согревая» общий фон, терракотовым глазурованным изразцам, которыми облицован высокий, мастерски

выполненный камин, и внушительному кожаному креслу — качалке, что замерло возле него. В таком обычно хочется представить хозяина дома, который после тяжелого суетного дня, покачиваясь, курит трубку, потягивает янтарный виски и читает любимую книгу.

Я выбралась из-под одеяла, чувствуя слабость, как после болезни и осмотрела себя. Меня переодели в чистую длинную рубашку из приданого. Чей-то жалобно — радостный скулеж продолжал звучать где-то на задворках сознания, полностью выпихнуть его из своей головы не получилось.

Спустила ноги... на паркет, и моя сибаритская натура возликовала: хозяйева здесь гораздо больше заботятся об удобстве, чем в Хемвиле, не говоря уж об обители Святой Матены. И хоть ступать босиком по паркету было холодновато, я наслаждалась его гладкой поверхностью с классическим рисунком в елочку, да впрочем — всем!

Испытывая определенную неловкость, — все-таки проснулась в незнакомом месте, куда не своими ногами пришла — еще раз осмотрела мебель и отделку, даже пальчиками попробовала, потому что сдержат профессиональное и обычное бытовое любопытство сил не было. Еще в туалет хотелось, а ночного горшка не видно.

В поисках этой нужной штуковины осторожно, неуверенно открыла одну из дверей и — оказалась в гардеробе, где свои сундуки с приданым сразу же увидела. Значит, меня в этих замечательных покоях поселили. Классно!

Выглянула в следующую дверь. Хм — м, пустой коридор, с развешенными вдоль стен масляными светильниками под стеклянными колпаками, а не чадившие факелы, как в том же Хемвиле.

Открыв третью дверь, расположенную почти рядом с камином, я замерла от восторга. Уборная, самая настоящая! Да — не унитаз, а можно сказать почти дырка над полом, с легким гудящим сквозняком в трубе, но все же — цивилизация. Из этой комнатушки вела еще одна дверь, выяснилось, в теплую комнату с ванной, снабженной сливом. Одна стена этого замечательного «санузла» является одновременно частью камина. Здесь же имеется довольно внушительный насос, но накачать воду у меня силенок не хватит, а жаль — искупаться хотелось неимоверно. К немалой радости, я обнаружила здесь ведро с водой, пусть комнатной температуры, но привести себя в порядок хватит.

Быстро посетив драканий клозет, вымылась, словно ребенок, радостно наблюдая, как убегает вода в слив. Почистила зубы и почувствовала себя гораздо лучше. Выбрала для первого дня в новом доме красивое платье из голубого бархата с золотистой вышивкой ромбиками по корсажу и рукавам, заплела обычную косу и посмотрела на себя в зеркало.

«Я самая обаятельная и привлекательная. [1] Все мужчины без ума от меня. У меня стройная фигура, красивые ноги...» — пропела я, глядя с улыбкой на свое отражение, вспомнив замечательный фильм.

На меня смотрела красивая молодая женщина. Яркая, экзотическая. Золотая, можно сказать, начиная с аккуратно причесанной головы и до кончиков пальчиков на руках и ногах, ведь там тоже есть двухцветные переливающиеся чешуйки. И голубой бархат ей очень к лицу.

С улыбкой покружилась вокруг своей оси, но затем страх и озабоченность снова заполнили золотисто — желтые глаза, отразившиеся в зеркале. И рефреном моим чувствам вторила чужая печаль и тоскливый настырный скулеж.

Присела на стул и задумалась: «Где мой благоверный, когда он так необходим?» Несомненно, я сейчас в его замке, с чего бы меня отправили в другое место. Да еще в бессознательном состоянии, и после всех темных клятв, что он принес. А еще не давал покоя кто-то новенький, нахально забравшийся в мою голову. Эмоции Сэбиана пока ощущались приглушенным фоном и нисколько не надоедливым, а вот этот... нытик...

Неожиданно вспомнила, как Ноэль «разговаривала» с Хемвилем. Так — так, похоже, меня уже привязали к родовому гнезду Керо. Я встрепенулась, осененная мыслью и приложила руку к стене, раскрываясь. Вот оно что... Это мой новый дом: голодная, одинокая, печальная... бессовестная, темная... жадюга.

«Да ты совсем ошалел? — зашипела я, оседая на пол от слабости. — Сейчас всю выпьешь, а что дальше? Опять один останешься?»

Дом поспешил выразить сожаление и неумело рассыпался в извинениях, видимо отвык это делать. А может, вообще, лишь учился этому.

Удивительно, но мы понимали друг друга без слов, на уровне эмоций. Сидя на полу, привалившись к стене, я хрипло рассмеялась, воспринимая огромный замок таким большим добродушным псом, который с голодухи чуть хозяину руку по локоть не оттяпал. Какое-то время приходила в себя, потом почувствовала, что со мной поделись... «темной» энергией. Невероятно, но меня обдало живительной прохладой, подобной легкому бризу, а я взамен снова послала Дому радостного тепла. Мы передавали друг дружке внутреннюю силу, делились, оказывали поддержку, сливались, связывались еще крепче, полнее. Да уж, все тут... темные прониры. И муж, и «недвижимость» его тоже. А какие сюрпризы еще земля подкинет — страшно представить.

вернуться

1

«Самая обаятельная и привлекательная» советский художественный фильм 1985 года

На ноги я поднялась вполне бодренькой, от слабости и следа не осталось — обмен с Домом, который, уверена, я обязательно полюблю, не прошел даром. Подошла к одному из окон и распахнула, заглядываясь на витраж. Из нашей истории помнила, что техника получения панно из цветного стекла была известна еще в Древнем Риме и Константинополе. Но только в Средние века изготовление витражей превратилось в искусство, связанное с культовым зодчеством, в первую очередь. В эпоху Средневековья и Возрождения искусство витража получило бурное развитие. А его настоящий расцвет начался с XII века. Сложно, конечно, соотнести те времена с тем, в котором нахожусь сейчас, по развитию, ведь я слишком мало знаю об Эсфадосе и почти ничего видела, но, в целом, похоже.

Я вспомнила одну из простейших технологий получения витражей. Стекло варили в специальной печи, одновременно окрашивая в нужный цвет. Затем из него отливали плоский лист, который разрезали на фигурные пластинки в соответствии с подготовленным рисунком. Для разделения на фрагменты использовали раскаленный железный прут. Кусочки стекла раскладывали на деревянной доске по эскизу будущего панно и расписывали красками, последовательно обжигая витражное полотно в печи. Элементы будущего витража прочно скрепляли с помощью свинцовой проволоки, спаивая швы. И наконец изделие помещали в деревянную, а позже — металлическую раму.

В связи с этим мне почему-то сразу пришла в голову мысль: здесь это красивейшее произведение искусства служит не столько для украшения, сколько для практической цели — защиты от осколков при землетрясении.

Перегнувшись через подоконник, я выглянула наружу. До жутковатого, с неровными резкими краями, рва, окружающего территорию замкового комплекса, было далеко. Площадь внутреннего двора, вместе с жилыми и хозяйственными постройками приятно поразила. Куда там скромной Обители Святой Матены, даже Хемвиль серьезно уступал размаху родового владения клана Керо. А ведь я еще не видела пашен, огородов и всего, что может быть связано с предполагаемой вотчиной — земледелием.

Определившись со своим местонахождением: второй этаж, полагаю, основного здания. Воспользовавшись моментом, я решила посмотреть и понаблюдать, благо и с этой высоты все было как на ладони. Тем более, в поле моего зрения попали представительницы прекрасной половины расы драканов, которые, по рассказам Сэбиана с Ройваном, магией не наделены, крыльев тоже не имеют, а вот «пятую конечность» трансформировать умеют — это уже свойство тела. Две драканки вывешивали на перекладыны мокрую пряжу возле одноэтажного каменного домика. Наверняка там либо красильня, либо целый ткацкий цех. Сами работницы очень заинтересовали меня. У одной — из-под длинной зеленой юбки в складочку виднелся небольшой хвостик с аккуратной шишечкой на кончике. А у второй — хвоста не видно, впрочем, она была менее чешуйчатой, чем ее товарка.

Женщины шептались и посмеивались, сноровисто развешивая пряжу. А я разглядывала их свободные вышитые рубашки, заправленные в цветные юбки длиной до щиколоток. Удобные: и ноги почти целиком скрывают, и в тоже время не мешают при ходьбе, собирая грязь. Внешне драканки такие же смуглые, как местные мужчины, и такие же жгучие брюнетки с длинными волосами, заплетенными в свободные косы.

Мимо увлеченно щебетавших о чем-то работниц прошел один из ранатов, сопровождавших нас в дороге сюда. Чуть замедлился, с интересом поглядывая на них, чем привлек внимание хвостатенькой драканки, кокетливо посмотревшей на него и легкомысленно захихикавшей.

Из-за торца здания появилась приметная парочка: девушка, внешне очень привлекательная, минимум чешуйчатая, без хвоста и с гривой распущенных черных волос — этакая цыганочка; и мужчина, пытавшийся удержать ее за локоть, самый хмурый из ранатов. Сейчас на его лице отражались отчаянная решимость, злость и грусть. Он что-то тихо сказал, видимо уговаривал красотку, но та выдернула руку из мужской и беззаботно рассмеялась. Повела плечиком, повернулась ко мне лицом — и мелодичный смех оборвался. Знойная брюнетка на мгновение застыла, увидев меня, а в следующую секунду ее лицо перекосила злоба, придав чертам хищное выражение. Дракана танцующей походкой уверенной в собственном очаровании секс — бомбы, вызывающе покачивая бедрами, поспешила прочь от неудачливого ухажера.

Я невольно посмотрела ей вслед и насторожилась, потому что в «зоне боевых действий» появились о чем-то беседовавшие Сэбиан, Ройван и еще один незнакомец. Девушка с обольстительной улыбкой змеей скользнула к моему (!) мужу, бесцеремонно прерывая лордов! Прильнув к нему всем телом, обняла за шею и громко мурлыкнула:

— Мой любимый грант, я успела соскучиться по вам...

У меня в груди при виде этой картины начала кислотой разливаться ревность, причиняя боль.

Тонкие пальчики чернокудрой мерзавки скользнули по весьма удивленному лицу моего

любимого гранта, который, к его чести, взирал на эту гадину с недоумением. Я даже вздохнула с облегчением, увидев, что муж удивлен и несколько не рад, и не поощряет, предположительно, бывшую фаворитку.

— Бетина, ты случайно головой не приложилась где-нибудь, пока меня дома не было? — насмешливо поинтересовался Керо, уверенно и довольно жестко захватывая кисти интриганки и отстраняя ту от себя полностью.

Но боль и неуверенность все равно разбередили душу, и муж почувствовал мои эмоции. Взглядом безошибочно нашел меня, несколько долгих мгновений изучал, затем, наклонив голову, уже по — другому посмотрел на Бетину. Такой взгляд у гранта я уже видела в Хемвиле, когда он решал, кому из Сандерских преподнести «подарочек».

Девушка ступевалась, но как-то неубедительно, больше на публику, при этом огладив свои крутые бедра, слегка склонилась и удалилась. А во мне снова вспыхнула ревность, дикая и болезненная.

— Сафи, родная моя, ты встала? — с улыбкой спросил Сэбиан, подходя ближе к окну и задрал голову. — Мне прийти или...

— Лучше я к тебе, — поспешила с ответом и честно призналась в своем любопытстве. — Я хорошо себя чувствую и хочу посмотреть дом. — И улыбнулась мужу, чувствуя как негатив уходит, благодаря его искренней радости и отставке прилипчивой драканы.

— Сейчас пошлю к тебе горничных помочь и проводить на завтрак.

— Спасибо, мой лорд, — кивнула Сэбиану, затем Данкеро и закрыла окно.

Минут через пять, как было обещано, пришли две молоденькие драканы и с нескрываемым любопытством разглядывали меня, а я их. Одна — кроткая симпатичная чешуйчатая девушка — назвалась Медалой. У второй — Сойры — в темных глазах отражались презрение и неприязнь ко мне, хоть та и пыталась их скрыть под натянутой улыбкой. Конечно, я понимала, когда ехала сюда, что сразу меня тут любовью и почитанием не одарят, но вот так, с первого взгляда презрением обливать...

Меня провели по двум коридорам, отнюдь не похожим на каменные мешки Хемвиля, с окнами, дававшими достаточно света. Благодаря стенам из светлого камня, старинный замок не выглядел мрачно. Надо сказать, драканы умеют строить. Мы спустились по широкой лестнице с резными перилами — почти как в викторианских домах старой Англии — и оказались в просторной квадратной зале с длинными столами, один из которых стоял перпендикулярно остальным. За ним меня уже ждал муж и, надеюсь, друг, Данкеро. Оба при моем появлении встали, приятно удивив, после поведения за столом в походных условиях.

Пока я шла к столу в сопровождении многочисленных взглядов, не смогла не отметить, что все до единого здесь — смуглые жгучие брюнеты. Получается, еще и белая ворона теперь, контрастно выделяющаяся из общей массы темных. Хоть бы не сочли, что я противостою им. В общем, струхнула и растерялась, а настроение, и так подпорченное, ухудшилось. Но я старательно улыбалась присутствующим и шла к мужу.

Наконец-то, моя подрагивающая ладошка оказалась в теплой сильной широкой ладони Керо, почти утонув в ней. Он легонько, ободряюще сжал мои пальцы, помогая сесть в резное красивое кресло — стул с овальной спинкой. И шепнул, заглядывая мне в глаза:

— Все нормально?

Я кивнула, ожидая, что сейчас начнется традиционный завтрак. Но муж удивил, снова встал, продолжая держать меня за руку, и представил:

— Ваша хозяйка — леди Сафира Керо, слово миледи — мое слово, моя честь — ее честь, ее жизнь — моя жизнь. Отныне и навсегда!

Драконы молча встали, мне же не дал Данкоро, мотнув головой. Затем я от неожиданности вздрогнула — все заорали и замолотили ложками о тарелки и кружки. А кое-кто от избытка чувств — кулаками по столешнице. Прислуга быстро разнесла кувшины с алкоголем, и далее с криками якобы радости и ликования клан выпил за новобрачных. Но при этом выглядели темные, вроде как предпочитавшие «светлые» эмоции, отнюдь не так убедительно, из-за чего я сделала вывод: ко двору здесь не пришлась. Просто гранта Керо все уважали и, однозначно, побаивались. В общем, праздничная трапеза в новой семье для меня лично прошла уныло.

После застолья муж устроил мне персональную экскурсию по дому и окрестностям. Замок действительно оказался огромным. Со своеобразными казармами, где проживали неженатые ранаты; рабочим домом для женщин, отдельным жильем для супружеских пар. Конюшни, маслобойня, склады, пекарня... на горной речке с радугой над водой высилась мельница. Из реки насосами качали воду на кухню и в бани, похожие на турецкие, сообщавшиеся с основным зданием крытым переходом. Строение, которое я видела из окна, оказалось прачечной. Кроме того, все «пахучие производства», обслуживающие нужды замка, располагались с учетом розы ветров, чтобы все запахи уносило в горы.

Я ходила с мужем, вцепившись в его руку как клещ, и восхищалась всем, что видела — настолько продумано, крепко, надежно и с умом сделано. Здесь во всем чувствовалась рука хозяина, рачительного и опытного.

Глава 25. Признание

Я знаю наверняка: любовь — самая значительная вещь. Что сильнее слов «я тебя люблю»? Она сильнее страха, сильнее смерти.

Джоан Кэтрин Роулинг

По окончании экскурсии я смотрела на Сэбиана, как Ноэль, с восторгом и обожанием. Для нас оседлали Серого и Трака и мы, перебравшись через ров, прогулочным шагом двинулись по окрестным землям. Здесь я увидела сады с плодовыми деревьями. Поля, ухоженные, но с сухой глинистой почвой.

Мы остановились возле сильно чешуйчатого хвостатого дракона в традиционной свободной рубаше, но обутого не в сапоги, а в сабо. Мужчина присел на грядке и что-то с удивлением рассматривал.

— Негой, что ты там такого интересного увидел? — с хитринкой спросил Керо.

Дракан поднял голову, а увидев нас, быстро встал и поклонился. Меня он разглядывал как диковинку, а не хозяйку или просто женщину. А когда Сэбиан познакомил нас, Негой опять поклонился и пояснил причину повышенного интереса к огороду:

— Да вот, тыква в этом году быстро вылезла. Три дня как посадил, а сегодня уже третий лист выбросила, сейчас вот увидал... — он указал на зеленое растение с круглыми листочками. —

Крепкий здоровый росток...

Мы с Сэбианом переглянулись. Я прочитала в его взгляде чисто мужское самодовольство, и у меня, как всегда, загорелись щеки. Уж мы?то оба знали, с чего это тыква полезла, хотя далековато?то от места нашей брачной ночи...

Спешившись, я неуверенно улыбнулась Негою, посмотрела на мужа, ожидая одобрения. Присела под его заинтересованным взглядом и погрузила пальцы в сероватую сухую землю, вспомнив чему учила дочь почившая леди Амалия. Привычно раскрылась, пропуская через себя энергию, и удивилась: не было здесь Тьмы, скорее грусть...

Я услышала, что Керо тоже спешился, подошел ко мне и положил ладонь на макушку. По ощущениям — муж волновался о моем самочувствии, вероятно, после вчерашних бурных событий. И эта трогательная нежная забота согрела, вызвала маленький эмоциональный взрыв. Одновременно на мою радость откликнулась земля, и я, будучи счастливой женой этого мужчины, не раздумывая, поделилась чувствами, пропуская целые потоки энергии через себя, освежая их, наполняя живым теплом, неосознанно обещая, что позабочусь, буду всегда рядом, едина со своей землей...

— Сафи, Сафи, глупая девчонка, ну кто ж так сразу и целиком себя отдает... — Керо испуганно рычал надо мной.

Я открыла глаза в объятиях мужа, сидевшего со мной на руках прямо в бархатном кафтане на земле. Счастливо улыбнулась, а слова признания сами по себе слетели с языка:

— Оказывается, это так приятно, дорогой. Делать кого?то счастливым... А твоя земля такая печальная и немножко одинокая, была так рада принять меня...

— Глупенькая моя, — хрипло шепнул муж, еще крепче прижимая меня к себе. А потом насмешливо хмыкнул. — Я тебя домой всегда теперь на руках в полубессознательном состоянии носить буду?

Погладила любимого по щеке и потянулась к нему губами. Наверное, мы слишком долго целовались, и неизвестно, чем бы дело закончилось, если бы не восторженные изумленные завывания Негоя, вырвавшие нас из страстного дурмана и заставившие вернуться в реальность:

— Клянусь Темным, даже сушняк прошлогодний поднялся... Надо же... Темный... а свежие посадки?то, вы только поглядите...О — о-о...

Чувствуя, что опять горят и щеки, и уши, и даже шея от стыда, обернулась к... хм — м, местному фермеру, а тот именно в этот момент повернулся к нам.

— Так это что, милорд? Она все? — потрясенно выдохнул он, глядя на гранта.

Керо рассмеялся, просто кивнув. А у хвостатого земледельца жадным фанатичным огнем загорелись темные глаза, как у змея, который всеми фибрами души мечтал совратить с пути истинного Адама и Еву.

— И далеко это распростра... — он оборвал себя на полуслове и заискивающе зачастил: — Ой, вечер?то близок, а не хочет ли миледи испытать вкусного горячего миро? Моя Кими лучше всех его варит. А я пока покажу вам свой огород, вы там у себя, наверное, не видали, как темные растут все... А там и зелень, и корнеплоды, и...

Мой любимый дракан расхохотался над бесхитростным фермером.

— Негой, мы на днях заедем к тебе на мир, предупреди супругу. И на огород ходим. Моя жена здесь навсегда обосновалась, так что не гони лошадей.

А я вспомнила про семена, которыми сестра Аниза поделилась со мной, и с неуверенной улыбкой спросила:

— Уважаемый Негой, может быть ваша Кими согласится мне помочь с замковым огородиком для лекарственных растений? Мне сказали, они для всех подойдут... не только светлым.

И хотя Негой чуть поморщился при слове «светлые», совсем как Керо самодовольно ухмыльнувшись, заявил:

— Моя Кими почтет за честь помочь вам, миледи. И не забывайте уж нас, заходите... почаще.

В других хозяйствах подобной благожелательности я, увы, не встретила. По возвращении домой ужинали мы в тягостном молчании. Принимая еду из мужниных рук, я скользила взглядом по лицам собравшихся в зале. И как это ни прискорбно, меня тут вряд ли легко и, тем более, скоро примут. На меня старались не смотреть, но причиной тому был мрачный вид гранта, который не мог не заметить отношение своих сородичей к супруге. Темный исправно передал приглушенное недовольство хозяина. Лишь Ройван, сидевший по другую руку от меня, старался сгладить гнетущую атмосферу рассказами об их родине. А я прикидывала, каким образом расположить к себе клан. В атмосфере ненависти и презрения жить невозможно, надо придумать что-то такое — е-е...

Может пиво сварить монастырское? Помнится, монахинь оно весьма подвигало к откровенным душевным разговорам...

Перебирая в памяти все, что сегодня увидела, я пыталась решить, где еще могу быть полезна, особенно женщинам. Ведь если налажу отношения с ними, с мужчинами будет гораздо проще.

В очередной раз тяжело вздохнув, услышала тихое, но многообещающее предложение:

— Пойдем, я тебе еще наши бани не показал, как следует ...

Не смотря на жалкие потуги изобразить бесстрастный вид, мои эмоции, наверное, фонтаном радости били, и муж, однозначно, их уловил. Вон как серые глаза зажглись огнем желания. Быть может, чувствуя мое напряжение и озабоченность, Сэбиан предложил сходить в бани?

Мы удалились, коротко кивнув остальным. По дороге он приказал первой же попавшейся девушке — горничной принести все необходимое.

Я уже второй раз за день восторгалась, проходя через несколько комнат со сложной системой вентиляции и естественного освещения, расположенных вокруг большого бассейна, вода в который поступала из горной реки. Осмотрев это великолепие хозяйским глазом, сама себе позавидовала: какая удача, что в мужья мне достался продвинутый не только магически, но и технически дракан, а не погрязший в мрачном нецивилизованном средневековье драк.

В одной из комнат Сэбиан сам раздел меня, медленно снимая одну одежду за другой, предвкушая... возбуждая... На миг замер, разглядывая мое обнаженное тело, а я поверхностно задышала, немного стесняясь наготы, перед полностью одетым мужчиной и уже распаленная. Через минуту он стоял такой же обнаженный, быстро сняв с себя кафтан и рубаху, распустив

черные блестящие волосы. Подхватил меня на руки и понес в помывочную.

— А вдруг нас тут увидят голых? — заволновалась я, вцепившись в плечи Керо.

— Неженка и скромница... — глухой глубокий тембр голоса отозвался внутри меня сладким томлением. — Не переживай, мою ауру ощущает каждый в клане, и сюда без разрешения или чрезвычайной необходимости никто не войдет. Пока мы здесь...

— Уже привыкли... что ты не один моешься? — млея от мягких возбуждающих ласк, не смогла не спросить я. Утренняя выходка Бетины все же заронила во мне яд ревности.

— Привыкли, — ровно ответил муж, присаживаясь на мраморную лавку и притягивая меня к себе.

Я намылила тряпку и начала тереть Сэбиана, сама же невольно касаясь его своим телом, кажется, уже не могла не трогать, не гладить, не целовать. Но из-за такого ответа расстроилась:

— И многих из них ты сюда водил?

Он так же взял мыло, взбил пену и ладонями начал мыть меня. Захватил губами чувствительную вершинку моей груди, втянул в рот, пососал, пощекотал языком, а я едва сдержавшись, чтобы не застонать от удовольствия, отбросила тряпку и запустила мыльные руки ему в волосы, притягивая к себе голову.

Сэбиан оторвался от соска и подозрительно посмотрел на меня. Обхватив обе груди руками, ответил:

— Я не монахиня из обители...

Я положила ладони ему на плечи, а потом, обмирая, снова спросила:

— С этой Бетиной ты тоже здесь был?

— Да. — Бесстрастный ответ — и его ладонь переместилась с моей груди на бедра, погладила нежную кожу внутренней стороны и скользнула в средоточие женственности, вызывая дрожь во всем теле и жар в лоне, куда медленно, осторожно проникали мужские пальцы.

Я не выдержала, всхлипнула и стукнула его по плечу.

Керо, продолжая вытворять пальцами что-то невероятное, посмотрел мне в глаза, где частенько прозрачный серый меняется сумрачным или штормовым цветом.

— Мне тридцать семь лет, Сафира. И невинность я потерял давным — давно. Моими любовницами были многие женщины из моего клана и из других, но ни одна из них не стала женой, я даже не думал об этом.

Я обвила его крепкую шею руками, прижалась и, чувствуя как нарастает жар внизу живота и подрагивают мышцы, всхлипнула:

— Но ты меня не любишь, как и их...

Сэбиан на миг замер, прекратил ласкать меня, подхватил под ягодицы, буквально вынудив обнять его ногами за талию. И понес в парилку, по дороге спокойненько поинтересовавшись:

— А ты меня? Любишь?

Я чувствовала невероятное напряжение и нестерпимое ожидание, что передал мне темный, поэтому призналась, не раздумывая:

— Да, Сэбиан. Люблю.

— И давно? — осторожно переспросил он.

Уткнулась лицом ему в шею и ответила честно:

— Не знаю. Просто... вчера поняла, что люблю. — Помолчала и совсем тихо добавила. — И это чувство, оказывается, способно причинять боль... если оно не обоюдное. И страшно от этого...

Темный буквально затопил меня облегчением и алчной радостью собственника.

Мы зашли в полумрак парной, где пара светильников разгоняла темноту. Муж присел на полку, не снимая меня с колен. Сжал ладонями мои ягодички, помассировал и потянулся за поцелуем со словами:

— У тебя все есть: мой дом, мой клан, моя земля и я в придачу. — Увидев, что я собралась ответить, быстро добавил. — А если вдруг чего-то еще захочешь, то будет обязательно, обещаю.

— Ты уверен? — выдохнула ему в губы... со стоном принимая его в себя.

— Драконы никогда не дают пустых клятв и обещаний! — рыкнул он и прижался к моим губам.

На этот раз я сама задавала темп и упивалась, то ускоряясь, то замедляясь... Только звезд над нами не хватало. А на задворках моего сознания шевелилась душа замка, радостно поскуливая, наслаждаясь нашим слиянием, моими зашкаливающими чувствами и эмоциями, как заправский вуайерист незримо присутствуя рядом. Жесть!

И снова, когда пик наслаждения прошел, а я оказалась лежащей на лавке под мужем. Открыв глаза, чуть не завопила со страха. В сумерках, смешиваясь с паром, пространство буквально затопила Тьма. Я всеми фибрами души ощущала ее удовлетворение и возрастающую мощь. Только больно в этот раз не было, лишь приятный прохладный бриз. Чисто из любопытства, особо не раздумывая, подняла руку, выглядывая из-за плеча Сэбиана, и... погрузила пальцы в эту черную густую субстанцию. Жуть!

Его Темнейшество сдвинулся в сторону, вольготно разлегся на спине и одновременно уложил меня сверху. Я тоже устроилась поудобнее, благо на нем места много, затем не выдержала и спросила, кивнув себе за спину:

— Это Ее твои бывшие любовницы плохо переносили?

Темный маг, зарывшись носом в мои волосы, глубоко удовлетворенно вздохнул, по — хозяйски прошелся по моей спине и ниже, где достал, ладонями. Покрывл поцелуями мокрый от влаги и пота висок и флегматично ответил:

— Да. Ни одна не смогла принять мою магию. Да и Тьма тоже... не любит конкуренток...

— ...прямо как я! Теперь понимаю, почему мы нашли с ней общий язык, — проворчала в ответ.

Сэбиан обхватил ладонями мое лицо, заставил посмотреть на него. Я ощутила нежность, не хрупкую, как прежде, а всепоглощающую, глубокую.

— Я — твой, ты — моя. Больше не нужно бояться, Сафира. И твоя боль... лишняя.

— Вот когда полю...

Договорить мой мужчина не дал — начал новый виток страстной игры с поцелуя.

Бассейн я полюбила, и вообще, баня непременно станет моим обожаемым местом отдыха. Особенно в тесной компании мага... и его Тьмы... и под присмотром Дома. Одним словом, великолепная команда, кому рассказать, скажут я — извращенка, а у меня и выбора?то нет.

В коридор мы вышли, держась за руки. Меня распирало от счастья и довольства ровно до того момента, когда возле лестницы нам встретилась Бетина, явно торопившаяся в баню. Увидев наши сплетенные руки, бывшая фаворитка словно на стену налетела. Одарила моего мужа улыбочкой «я готова съесть тебя, дружок»; мне же достался ее полный ненависти взгляд, но исподтишка, чтобы грант не увидел. Вот змея, умеет же настроение испоганить. А, ничего, ночью любимый постарается его поднять и не раз. Я снисходительно ухмыльнулась и отвернулась, услышав скрежет чужих зубов.

На площадке перед лестницей Сэбиан легко поднял меня на руки и буквально взлетел на второй этаж, заставив уже привычно, с восхищением, смотреть на него. Сам снисходительно, довольно усмехался, ощущая мои чувства, и еще крепче прижимал к себе. Мне почему?то пришло в голову, что он подсаживается на мои эмоции и нуждается в моем присутствии рядом, так же, как я в его. И это радовало до чертиков.

— Если ты ничего не обещал Бетине, то отчего бы ей ненавидеть меня, — я все же решилась поделиться сомнениями.

Керо открыл ногой дверь в хозяйские покои, таким же манером закрыл за собой, прошел к кровати и уложил меня на постель.

— Стерва она, молодая, глупая и чересчур амбициозная. Контролировать себя не умеет и либо питается за счет унижения других, либо питаются ею...

Мой любимый дракан начал раздеваться, посмотрел на свои сапоги, потом — уныло на меня, раскинувшуюся в позе дохлой звезды.

— А в чем выражаются ее амбиции? Если ты все равно бы на ней не женился?

— Бетина — дракана не моего социального уровня. — Керо пожал внушительными плечами, стащил сапоги, рубаху и лег рядом. — Подобный мезальянс можно допустить, только потеряв рассудок. А вот учитывая степень моей силы, я бы мог еще долго в холостяках ходить, а она — считать себя хозяйкой Керодана.

— О — о-о, так у твоего дома есть имя? — восхитилась я.

— У нашего! — нахмурился муж. — Да, название переводится — первый камень Керо.

— Керодан... — попробовала на языке имя нового соседа в своей (!) голове. И тут же ощутила ответное радостное, родственное тепло.

Мой дом! Теперь точно мой!

— А ты с этой змеей подколодной после, хм — м, нашей первой свадьбы был? — ворчливо поинтересовалась я.

— Нет. Не смог, — признался слишком честный муж.

Значит хотел, но из-за насморка, под названием «проклятие Сафиры» не смог. Пока я злилась, Сэбиан снял с меня платье, а получив очередную волну моей ревности, недолго думая, защекотал до икоты. Зато сразу атмосферу разрядил. И засыпать после на мягонькой перине в объятиях любимого было та — ак хорошо... Не передать словами!

Глава 26. Испытание

Впрочем, жизнь вообще чередой испытаний, и выживает сильнейший...

Джеффри Линдсей. Деликатесы Декстера.

Следующие дни я ходила по замку изгоем, приказов которого никто не смел ослушаться. Первым делом, вняв «жалобам» Керодана, затем следуя его подсказкам, я занялась ремонтом, взяв в помощь двоих хвостатых чешуйчатых работников, чтобы помечали и устраняли трещины и проблемные места, которые давно беспокоили Дом. Еще одна пара ранатов — из числа сопровождавших нас в путешествии — тенью следовала за мной. Несомненно, телохранителей муж приставил, опасаясь за мою безопасность даже здесь.

Хозяин Керодана с благосклонной улыбкой дал добро на проведение любых ремонтно — строительных работ в замке. Особенно, когда узнал, кто на них настаивает. Наш разговор нечаянно услышали горничные, которые помогали мне с первого дня, — застенчивая Медала и уже не столь надменная Софра. Слухи о моей дружбе с замком разлетелась по округе. Правда, ничего кроме праздного любопытства и новой порции злобы от Бетины не принесли.

Пытаясь заслужить расположение клана, я сварила пиво по рецепту монахинь обители Святой Матены. Чтобы к вечеру подать, организовала легкое, свеженькое, а чтобы получить эль покрепче, в огромный чан положила дрожжи. Случайно увидела, как Бетина что-то в сусло подбросить хотела. В последний момент схватила мерзавку за руку, чтобы та не успела напакостить. Жаль, при этом присутствовала лишь я, да еще одна драканка, подружка змеюки.

Увы, что бы я ни делала для замка и его жителей, ничего не приносило желаемых плодов. Ни одной доброжелательной улыбки. Пиво выпили, но даже слова доброго не сказали. Блинчики, которые я научила повариху печь, только мы с лордами ели, остальные сделали вид, что это отравка. По сути, в собственном доме я чувствовала себя нежеланной приживалкой, которая сует нос не в свои дела. И только с появлением за моей спиной мрачающего день ото дня гранта, все становились шелковыми.

Конечно, я сожалела, что Ноэль рядом нет, тосковала, и мыслями частенько в Хемвиль возвращалась. Как там моя бывшая подопечная? Не обижает ли ее Гленир? Хотя... думаю волшебное колечко, подаренное Кери, однозначно, обеспечило моей кухне и любовь, и обожание супруга.

Неделю остракизма я выдержала почти без проблем, а дальше начала наваливаться депрессия, отравляя беспросветностью и тоской. Только Кими — супруга Негоя — один раз выдернула меня из серого марева неприятия, в котором я жила. Она оказалась милой пухленькой драканой с чешуйчатым лицом, любопытными добрыми карими глазами и забавным хвостом,

который суетливо ходил из стороны в сторону. Под ее чутким доброжелательным руководством мы посеяли семена из монастыря в хозяйском огорожке, которым когда-то занималась мать Кери. А на следующее утро кто-то навалил там навоза, сжигая тем самым мои труды.

Расстроившись донельзя, я с каменным лицом ушла в свои покои, а там, в одиночестве, разрыдалась, не в силах больше сдерживаться. Слабая, ох, слабая, и подпольную войну против себя вряд ли потяну.

На обед я пришла, пряча от всех красные глаза. Молча села рядом с мужем, мимолетно отметив грусть и сочувствие во взгляде Данкери. А вот открыв рот, чтобы принять еду из рук Сэбиана, увидела, как пылают его глаза, и в душе разгорается ярость. Выяснить, кто тому причина — я или кто-то другой, «на людях» категорически не хотела.

Мы заканчивали есть, когда Бетина, образцово вихля бедрами, подошла к нам с подносом и поставила чаши с элем перед лордами,

а потом весьма ловко уронила третий бокал на меня. Я непроизвольно охнула, глядя на грязное уродливое пятно, растекавшееся по голубому бархату, по ногам. И все бы ничего, но в зале кто-то зло хохотнул, отчего я ощутила боль разочарования и обиды. Горькие слезы заволокли глаза, не дав возможности ничего сказать на преднамеренное оскорбление. А дальше мне пришлось стать свидетелем страшного гнева темного мага.

Тьма главы клана вырвалась из-под контроля, наводя ужас. Драканы, сидевшие за столами или прислуживавшие в зале, испуганно прыснули в стороны, роняя лавки, стулья, посуду с едой. Данкери пригнулся к столу, прижатый чужой силой, хотя меня Тьма даже не коснулась.

Кери схватил Бетину за волосы и поднял высоко над полом, а я в шоке смотрела, как она беспомощно болталась на собственной косе, воя от ужаса и боли. Силы небесные, маг смерти в ярости — зрелище не для слабоверных. Он взял нож со стола. Я похолодела, хотела было крикнуть, что не стоит испачканное платье чужой жизни, да так и застыла с раскрытым ртом. Милорд по самую макушку отхватил девушке косу, отчего несчастная упала на колени. Затем, подывая и рыдая, отползала от стола, а Его Темнейшество надвигался следом, едва не наступая ей на пальцы и смертельно — ледяным голосом своей Тьмы вещал не только для провинившейся, а для всех:

— Решила, что грант Кери настолько слаб? Что можно питаться болью его жены? Тянуть из меня силы через нее? Ты настолько беспросветно тупа или чересчур обнаглела? А, Бетина? — маг смерти пнул сапогом в бок женщину, отчаянно скулившую и шарившую по почти лысому затылку руками в поисках косы. И продолжил говорить: — Я поклялся своей жене, что никто и никогда не причинит ей боли. Я не позволю. И терпел вашу неприязнь к ней лишь по одной причине: надеялся, что мой клан и родичи более понятливые, умные и предприимчивые драканы. Так вот, для полных идиотов... кто посмеет нарушить мою клятву, следующим пойдет на корм Тьме. — Сэбиан отвернулся от сурово наказанной драканы со словами: — Этот мусор выкинуть за ров.

Бетина вскочила на ноги и, подхватив юбки, кинулась в поисках защиты к близким, с кем жила вместе много лет, но стоило ей приблизиться, большинство отвернулось от нее. Мало того, нашлись и те, кто плюнул девушке под ноги.

Душераздирающие рыдания Бетины еще стояли у меня в ушах, когда я, крайне удивленная поведением плевавших ей под ноги сородичей, которые относились ко мне ничуть не лучше, просто им хватило ума помалкивать и не идти на открытый конфликт, повернулась к Данкери и

спросила:

— Почему... косу? И... плюют... в свою же...

— Носить короткие волосы могут лишь бархатники. — Ройван смог, наконец, распрямиться и вытирал пот со лба. — Это привилегия, которая сохраняется за потомками древних родов, дается верховным советом за заслуги перед драканами и правом гранта. Она же — ничтожество, которое посмело остричь волосы. Без права такие — изгои, отщепенцы, которых не примут ни в одном приличном доме. Никто!

— Боже, зачем же так... жестоко? — прохрипела я.

Лорд Данкери не разделял моих чувств, поморщился и с презрением ответил:

— Эта пиявка не заслуживала снисхождения. — Затем бросил короткий взгляд на Керо, стоявшего за моей спиной и добавил: — Если бы не ваша ранимость, миледи, то... Лично я бы убил ее на месте за оскорбление хозяйки дома и попытку питаться вашей болью и...

Резко подняла ладонь, обрывая его:

— Я поняла, спасибо, лорд. — Встала, испытывая непреодолимое желание скукожиться, уменьшиться, втянуть голову в плечи и не знать подобных жестоких реалий, не видеть и не чувствовать. Тихо обратилась к гранту. — Если позволите, милорд, я хочу побыть одна, прогуляться... во дворе.

Не дожидаясь ответа, сначала медленно, потом, ускоряя шаг, вышла из зала, из дома, уходя дальше и дальше, перебежала ров по крепкому мосту и рванула со всех ног, приподняв сырой от эля подол, в сторону садов.

Вопреки здравому смыслу, истерика набирала обороты, сметая внутренние барьеры, не давая думать и даже остановиться, заставляя тупо бежать дальше.

Два месяца я находилась в странном подвешенном состоянии, старалась не принимать происходившие события близко к сердцу, не переживать, а думать и делать. Хотя, вряд ли у меня это хорошо получалось. Я не могла планировать свою жизнь, поступки, действия, как делала раньше, в той жизни. Старалась не вспоминать о том, чего больше никогда не будет: дом, Землю, друзей, которые несмотря ни на что, всегда были готовы прийти на помощь, отца, могилы матери, бабушки и деда, за которыми, быть может, больше никто не захочет ухаживать — все, связанное с прошлой жизнью.

А сейчас...

Вспомнился момент, когда темнота наступала, поглощала сознание, когда я теряла связь со своим телом. Умирала. Холод и дикое одиночество в пустоте, когда искра сознания или души, не раздумывая, кинулась в прорыв к чужому теплу, а боль стала союзницей в борьбе за жизнь. Боль, которой я боялась больше всего на свете, — физическая и душевная — поэтому сторонилась сильных эмоций, пряталась в шкурке серой мышки.

Пережить смерть, боль и воскрешение, узнать, что ты теперь не человек, а чешуйчатая полукровка, мало того — уже дважды замужем и даже вдова. День за днем по крупичкам собирать информацию, тонуть в чужих кошмарах, с жадными судорожными вдохами выныривать оттуда, ощущая кровь разумных на своих руках... А потом снова и снова получать удары судьбы и платить по счетам чужой души... Влюбиться в нечеловека, столкнуться с

чудовищной пародией на Свет и Тьму — Эсфадосом — миром, где все перепутано, перевернуто... И снова привыкать, принимать, выживать и обживаться. И даже с Тьмой найти общий язык. С чужим домом разделить свое сознание, а с мужчиной — свои чувства и эмоции...

Я неслась как сумасшедшая, горной козой перепрыгивая камни, задыхаясь от боли в груди, спотыкаясь, но упорно продолжая бежать дальше не от кого?то, а от себя. Подобно лавине, сорвавшейся с горы и устремившейся вниз, набирая обороты и массу, летела в неизвестность, подстегиваемая чужой яростью и страхом, которые подгоняли меня словно добычу, доводя до неменяемого состояния.

Ворвавшись в какой?то сад, получила хлесткий удар веткой по лицу, и в этот момент меня, подхватив под грудь, подняли вверх чьи?то руки. Прижали к каменному, тяжело дышавшему телу. А следом накрыла чужая ярость, страх, сочувствие и решимость. Я извивалась и вырывалась изо всех сил, задыхаясь и вопя, но меня встряхнули с гневным рыком:

— Успокойся, Сафи, не дури...

Сэбиан... Его глухой взволнованный до предела голос, словно холодной водой окатил. Я обмякла, повиснув у него на руках, и зарыдала.

— Что случилось, Светлячок? — хрипло спросил он. Поставил меня на дрожащие ноги, но крепко прижимал к себе спиной.

— Что случилось? — истерично взвизгнула я. — Разве можно бить женщину... ногой... бывшую любовницу, с которой ты...

— Она...

— Плевать! Плевать, что сделала она. — Оказывается, не глядя на него, было легче выговориться. — Но ты... а они... они ели с ней хлеб, смеялись недавно, а после плевали ей в лицо... Из?за чего? Дурацкого испачканного платья? Я бы... я бы нашла способ поставить ее на место... а ты...

Сэбиан еще сильнее сжал меня руками, сдавил до боли. А темный передал мне душившую его ярость, злость и обиду... На меня?

— ...проявил невиданное всепрощение. И исключительно по твоей вине, потому что чувствовал твою боль, обиду, разочарование и неуместное, непонятное мне смирение. Исключительно из?за тебя не убил ее на месте, не выпил ее душу до последней капли за наглость, хамство и неуважение. Эта тварь перешла границы дозволенного, взявшись пить тебя!

— Я не чувствовала и... — просипела испуганно.

— Да не надо чувствовать, думать надо. Я же говорил, что негативные эмоции — это подпитка для любого темного. А ты связана со мной цилем, ведь мы — половинки одного целого. Подлая тварь питалась не только тобой, она начала сосать силу из меня... через тебя. А я... я подарил ей жизнь сейчас, только из?за тебя.

— Но бить... нога — ами... — всхлипывала я.

Истерика улеглась так же неожиданно, как и разразилась, но слезы продолжали течь ручьями.

Сэбиан резко развернул меня к себе, вцепился в плечи.

— Хорошо, поясню только один раз. За попытку пить бархатника в любом клане, на любом клочке земли темных, любой грант содрал бы с раната — будь то мужчина или баба — кожу заживо. Заживо, родная моя, заживо! — Я икнула, подавившись своим вздохом. А муж продолжил, сверля меня почти черным взглядом. — Просто за время нашего знакомства я успел составить мнение о тебе и знал, что ты подобного не поймешь, не простишь... мне.

Не выдержав тяжелого взгляда сурового дракана, я попыталась опустить глаза вниз, но он не позволил. Встряхнул и заставил смотреть прямо.

— Так что, я был слишком, фактически непозволительно для своего статуса мягок. И если из-за этого случая подобная ситуация повторится с кем-то другим. Если вдруг кто-то решит, что я заразился твоей слабостью, то тебе придется смириться с тем, что я лично сдеру с посягнувшего на мою семью шкуру, а потом буду жарить долго, чтобы каждый видел, как ошибался на мой счет. Поняла?

Судорожно всхлипнув, я кивнула.

— Не слышу? — рявкнул он.

— Да поняла я! — проголосила в ответ.

А Керо продолжил, то ли обвиняя, то ли сочувствуя, то ли жалуясь:

— Две недели я ждал, что ты проявишь колючий упрямый характер, острый язычок и смелость, которые, я точно знаю, у тебя есть. Но ты всех прощала. Улыбалась сквозь слезы, заискивала, пыталась подкупить пивом, блинами и добрым отношением... С темными так не пойдет, дорогая.

— Да чтобы я ни делала, они все равно не любят меня и не полюбят! — снова с обидой выкрикнула в лицо Сэбиану.

— Мы, драканы, терпеть не можем чужаков на своей земле. А ты не только чужачка, но и светлая — это двойная нагрузка на темных. Они не обязаны тебя любить, а вот уважать и бояться — однозначно.

— Но ведь вы гораздо добрее светлых... — недоуменно выдохнула я и сослалась на собственные наблюдения. — С той стороны реки драки и люди мрачные, злые, а вы... вы улыбаетесь постоянно и...

— Улыбка дракана

— это надежная, каменная стена, защита от пиявок и дармоедов. Да, темные улыбаются, одновременно оценивая твои слабости, прикидывая возможности использовать, раздавить, подчинить своим интересам. Мы жесткие, хладнокровные, равнодушные к чужой боли. И верность храним, лишь заплатив за нее кровью.

Слушая его откровения, я дрожала и ужасалась беспросветности своего нынешнего бытия. Зажмурилась на миг и отчаянно выдохнула:

— Но как же мне жить дальше? Если меня никто не любит? Если я никому не нужна здесь? Это же невозможно и...

Керо резко мотнул головой, отчего черный хвост стеганул его по чешуйчатым скулам, затем прижал меня к себе, запустил пятерню в мои волосы и, притискивая голову к своей груди, прорычал:

— Я тебя люблю. Слышишь? Люблю! Слишком сильно! Питайся моими эмоциями и чувствам... Неужели тебе этого будет мало?

— Ты меня любишь? — оглушенная новостью, сипло спросила я, невольно обнимая его торс руками. — Правда?

— Клянусь! — почему?то снова сурово рыкнул муж, словно его в слабости уличили.

Я задрала голову, поморгала, стряхивая слезы с ресниц, неуверенно улыбнулась и честно призналась, неприлично шмыгнув носом:

— Ну не умею я питаться чужими эмоциями, но ощущая твои, если не будешь их глубоко прятать от меня, взамен буду питать тебя своей... любовью. Может этого будет достаточно... чтобы жить среди вас.

Мы молча смотрели друг другу в глаза, внутри меня буквально кипели страсти. Впрочем, темный тоже неохотно разрастался, занимая больше и больше места во мне, буквально затапливая калейдоскопом эмоций Сэбиана. И столько в нем всякого разного было намешано, но любовь и нежность перекрыли остальное. Уже через несколько мгновений я буквально задыхалась от их накала.

Я закрыла глаза, захваченная чувственным вихрем любви и нежности. Очищаясь от горечи последних дней, обид и страхов. Казалось, еще чуть — чуть — и взлечу, так легко стало на душе. А вскоре меня накрыло страстным всепоглощающим желанием.

— Думаю, ты не против подкормить нашу землю прямо сейчас? — хрипло и скорее утверждая, чем спрашивая, произнес Керо. Рывком содрал с себя кафтан и бросил на землю. Подхватил меня под лопатки и колени и уложил на черный бархат, сверху накрывая собой.

Не было прелюдий, ласки и заботы — животная страсть в чистом виде. Сэбиан стремительно задрал мое платье, разорвал панталоны и приподнял подол своей рубахи. Наше соитие, слегка болезненное в начале, быстро перешло на другой уровень восприятия. Я заморожено смотрела в темнеющие с каждой секундой глаза мужа, ощущая его толчки всем своим существом. Цеплялась за его плечи, словно за спасательный круг в штормовом море и чувствовала, как напряжение, скопившееся за прошедшие дни, сейчас нашло выход в бешеной страсти, которая требовала освобождения. Я почти отключилась от реальности, концентрируясь на своих ощущениях, двигаясь навстречу ему, хотела прикрыть глаза, но Керо рыкнул: «Смотри на меня!»

Я послушно смотрела, пока меня пили взглядом, добираясь до самой души. И в тоже время утопала в его эмоциях и чувствах. Мы — единое целое, неделимое, любящие и любимые, самые желанные друг для друга. Сэбиан обхватил мое лицо ладонями, опираясь на локти и продолжая сильно, глубоко врываться в мое тело, доводя нас обоих до чувственного исступления. И при этом, не отрываясь, смотрел мне в глаза.

Мощный взрыв наслаждения заставил нас разорвать зрительный контакт, забывшись от удовольствия и отдаваясь целиком. А рефреном моим стонам и реву дракана я слышала песню оживающей земли, кажется, из ее самых удаленных уголков.

Придя в себя, Кери, удерживая мое лицо в теплых ладонях, с невероятной нежностью целовал глаза, губы, виски, скулы.

— Ты плачешь, Светлячок? — взволнованно шепнул он. — Больно было?

— Нет, — потерлась щекой о его ладонь, затем поцеловала ее в серединку, уткнувшись в руку носом и вдыхая аромат кожи, — просто с тобой я счастлива. До слез.

Меня снова омыло волной мужского самодовольства и удовлетворения.

Глава 27. Земляночка

Настоящие мужчины дерутся в двух случаях. За землю и за любимую женщину. Во всех остальных случаях дерутся петухи.

Расул Гамзатов

В воздухе пахло весной: нагретой солнцем за день землей, зеленой травой, молодой листвой и прелой прошлогодней, и чем-то еще, наверное, ароматом вечнозеленых деревьев, принесенным ветром со склона горы, покрытой лесом. Что-то вокруг нас изменилось, или мне только казалось, потому что я была счастлива лежать здесь, в саду, среди деревьев, под голубым небом, ощущая приятную тяжесть мужчины на себе. Любоваться снежными пиками гор, начавшими окрашиваться цветами заката, и чувствовать, как легкие пузырьки радости разбегаются по телу.

— Не подмерзла? — заботливо спросил муж, перемещаясь набок.

И тут же прохлада коснулась моих обнаженных ног и бедер, забираясь выше, под платье.

— Нет. Вроде, — рассеянно ответила я, медленно приходя в себя.

Невольно потянулась за любимым, прижимаясь щекой к его груди, купаясь в блаженстве. Быть с ним, разделять такие невероятные мгновения близости, радуясь, что он открыл мне свои чувства — разве это не прекрасно.

— Мне жаль, но надо вставать, боюсь, после ранения ты еще не окрепла и можешь заболеть... — нахмурился Сэбиан, усаживаясь на кафтане сам и устраивая меня на коленях. — Выскочила раздетая совсем. Вечер наступает, и в горах ветер поднимается, а с ним лучше не шутить и...

— Ты мой самый лучший целитель! — я поспешила прекратить его ворчание. Привстала, поправила подол платья, прикрывая ноги, и обняла мужа за шею.

— Да? Мне приятно, конечно, это слышать, а почему ты так думаешь? — приподняв брови, встопорщив серые чешуйки, поинтересовался довольный комплементом маг другой специализации.

— Потому что! Даже сегодня... все было настолько плохо, что жить не хотелось. И вообще, я последние две недели чувствовала себя подавленной, угнетенной. А рядом с тобой оживала.

Пока поясняла, грант помрачнел и нахмурился, затем проворчал:

— Это Бетина к тебе присасывалась. Пиявка! Пока ты рядом со мной была, я блокировал твою силу, но ты же как дверь нараспашку. И все раздаешь налево — направо...

— Ты хочешь сказать, что мне тяжело было, потому что... — расстроилась я снова, но договорить не смогла.

Жители Земли двадцать первого века в курсе существования энергетических вампиров, но столкнуться с таким невероятным по силе и последствиям явлением лично — совершенно другое дело.

— Да. Я заблокировал тебя, используя каждую возможность, но стоило тебе активировать свой Свет, моя Тьма слетала как осенние листья на ветру. Мы же с Данкерио тебя постоянно предупреждали: будь осторожнее, закрывайся, не касайся других. Таким образом из тебя оттягивать силу проще простого, а ты всем руки пожимаешь...

— У нас так принято, это рефлексивно выходит. — Я отстранилась от мужа и виновато посмотрела на него.

— Тогда свяжу тебе руки для выработки других привычек! — рыкнул снова начавший злиться Керо. — Я помню, что ты просила не мешать тебе добиваться расположения моих ранатов самой. Но, прости, милая, мне надоела эта самостоятельность. Она может привести к весьма плачевным последствиям.

Муж вместе со мной поднялся на ноги, отряхнул от прошлогодней листвы кафтан и надел мне на плечи. Я в широченном длинном одеянии почти утонула. А он закончил «программную» речь:

— Сегодня разом решу все наши проблемы с расположением. — И пригрозил. — Только посмей мне помешать хоть словом!

Закусив губу, посмотрела на Сэбиана, сделала шаг к нему, виновато уткнулась в грудь и попыталась оправдаться:

— Прости. Я хотела прийти к двору. А в итоге меня никто не любит, сегодня вот такое случилось и... я одна... и...

Он взялся за воротник своего кафтана, слегка вздернул его вверх, отчего я почти повисла, спеленатая как куклолка. Строго посмотрел на меня и настоятельно заявил:

— Ты не одна, ясно. Тебя люблю я, тебя любит мой дом, и в конце концов, обернись вокруг: тебя любит моя земля. Ты можешь любить нас троих — это уже не мало...

Я скосила взгляд вниз, вверх, огляделась и — от удивления дыхание сперло. Вокруг нас зеленели деревья! Я точно помню: были голые сухие ветки, когда прибежала сюда. А теперь на яблонях появились маленькие смолянистые листики!

— Ничего себе... мы дали! — потрясенно отозвалась я.

Сэбиан стиснул меня в объятьях и ласково выдохнул на ушко:

— Вот где ты можешь полностью раскрываться, никого не боясь. Ни пиявок, ни предательства, не лживых улыбок. Мы трое тебя никогда не оставим и любить будем искренне и до последнего вдоха.

— Я вас тоже люблю и буду любить до последнего вдоха.

— Вот это да! Темный... — раздался потрясенный счастливый знакомый голос.

А спустя пару мгновений среди деревьев появился Негой.

— Нет, вы только посмотрите, я хотел вырубить деревья на этом участке. Они еще прошлой зимой померзли и зачахли совсем, а ту — ут...

От взгляда ушлого фермера конечно же не укрылись ни листва в моих волосах, ни растрепавшийся хвост гранта.

— Ну да, ну да, дело молодое... — задумчиво произнес он, наверняка сделав правильные выводы.

Керо снова подхватил меня на руки и уже повернулся, чтобы уйти. Но его остановил вкрадчивый вопрос Негоя:

— Грант, миледи, извините, вы же много здесь разных мест потаенных видали?.. В садах, там. В огороде у меня... вам, вроде, понравилось? Да?

— Говори быстрее, что хочешь узнать? — нахмурившись, потребовал Сэбиан.

Негой помялся, потерев кончик длинной косы узловатыми, натруженными, потрескавшимися от постоянной работы на земле пальцами, и, блеснув хитрыми темными глазами, предложил:

— Ну, может, вы мне укажите понравившееся местечко, так я расстарался бы, беседочку поставил. Чтобы, значит, приятнее и комфортнее удобря... питание земли?то шло.

Мы переглянулись с мужем: я — полыхая от смущения и стыда, а Его Темнейшество — опешив от такого беззастенчивого использования главы клана в качестве «удобрителя» огородов. Я легко и беззаботно рассмеялась. Уткнулась лбом в шею Сэбиану и, содрогаясь всем телом, хохотала от души. Ну темные, ну предприниматели...

— Хорошо, мы подумаем. — В глухом голосе мужа явственно слышался смех. — Заранее благодарны.

— Да что я, — воскликнул Негой. — Вы?то, вы?то, милорд, как придумали расчудесно с нашей Земляночкой.

Я замерла, похолодев от страха, и выглянула из-за плеча Керо. Неужели моя тайна раскрыта? Но как? Лорды рассказали кому?то? Но ведь и они не знают, как называется мой прежний мир... Неужели маги покопались у меня в мозгах...

— Земляночка? Наша? — переспросил грант, почувствовав мой страх, и напрягся сам.

Скуластое, чешуйчатое лицо фермера расплылось в довольной улыбке — еще бы, такое имя мне придумал, и хозяева улыбаются.

— Как же иначе, милорд? Вы — хозяин, она — хозяйка, значит — наша. А Земляночка... Так ведь она же влияет на землю, питает...

После этого искреннего и безыскусного объяснения я испытала невероятное облегчение. А все мои глупые страхи! Руки Керо снова ощущались не стальными, а надежными, сильными.

— Спасибо, уважаемый Негой, — счастливо поблагодарила я.

— За что?

— За то что приняли... как свою, — неуверенно улыбнулась смутившемуся дракану.

— Передай остальным ранатам — земледельцам, что все вопросы, связанные с арендой и урожаем, будет решать леди Сафира. Пусть к ней идут с жалобами, просьбами и, — Сэбиан сардонически усмехнулся, добавив, — подарками.

Негой откинул за спину черную косу, потер нос пальцами, и снова не сдержался:

— Только вы ко мне почаще тогда уж заходите, а то со дня на день остальные прознают, вы про меня и забудете.

— Господин Негой, вы для меня первым другом в клане Керо стали, про вас я никогда не забуду, — уверенно и чуть — чуть покровительственно улыбнулась ему, как лучшему студенту.

* * *

В общем, с «фермером» мы расстались на весьма позитивной ноте. Пока возвращались в замок, я осторожно спросила мужа:

— Ты уверен?

— В чем, Сафи?

— Что доверяешь земледелию... мне. Ведь для меня это совершенно незнакомое дело. — В ожидании ответа даже дыхание затаила.

Керо поставил меня на ноги, взял за руку, и мы неторопливо продолжили путь. Полы кафтана я пыталась придерживать, чтобы не тащились за мной по земле.

— Без достойного занятия тебе в голову лезет слишком много лишних мыслей... — Я фыркнула. — ...а так ты при деле, которое мне сложно доверить кому?либо другому. У меня много других проблем: шахты, торговля, охрана территории и границ клана, подготовка воинов. С соседями вопросы решать и на Совет бархатников ездить. Мне нужна твоя помощь, понимаешь? — Сэбиан притормозил и внимательно посмотрел мне в глаза. Затем, улыбнувшись, добавил. — И ведь Негой, по сути, прав. Ты земляночка. Так раньше, в старину, первых смесков драков с людьми называли. Это из?за них земли с той стороны Великой реки благодатными стали, но наши предки в то время не оценили щедрого подарка богов.

— И ты хочешь сказать...

— Я хочу сказать, что лучше не придумай. Тебя приняла наша земля, Керодан. Как только земледельцы клана пронюхают, на что способна твоя магия, ты легко и быстро найдешь с ними общий язык. Сможешь на что?то влиять, заботиться. Твоего расположения и внимания будут добиваться и искать. Тебя не просто примут в наше общество. Ты станешь нужна не только мне, но и многим другим. Ведь ты этого добивалась две недели?

Теперь я остановилась, пытливо заглядывая в глаза мужу. И всеми фибрами души в этот момент ощущала его нежность. И еще — волнение в ожидании моего ответа. Я прижалась к нему, обняла за торс обеими руками, задрала голову, выдохнула:

— Я благодарю судьбу за то, что она подарила мне тебя. И клянусь, постараюсь узнать как можно больше о возделывании земли в вашем климате, о почвах и температурных режимах и... — отметив удивление на лице Сэбиана, быстро перевела тему. — У нас библиотека шикарная, большая... В общем, я стану самым ответственным и рачительным земледельцем.

Керо кивнул головой, снисходительно улыбнувшись, и ласково возразил, пожимая мои пальчики:

— Не надо быть самой, просто будь собой. Мне важно, чтобы тебе здесь, со мной, было хорошо.

Дальше мы шли молча, обмениваясь эмоциями, чувствуя себя спокойно и умиротворенно. И зеленая упругая поросль под ногами добавляла желания свернуть горы.

Правда, стоило перейти ров и подойти к главному зданию, я замешкалась, удивленно глядя на толпу народа, зачем-то собравшегося во дворе, внимательно, настороженно следившего... скорее за Керо, чем за мной.

Сэбиан помог мне подняться по ступеням на крыльцо, затем, прижав к боку рукой, в тишине, нарушаемой только шелестом ветра, громоподобно заявил:

— Запомните все! На моей земле это закон. Моя жена — Сафира Керо — неприкосновенна. Я убью любого, причинившего ей вред. Она рождена только для двух вещей. — Я, как и челядь, напряглась, прислушиваясь, а мой обожаемый маг смерти, удивил нас, закончив речь. — Любить и быть любимой! Всем понятно? — Его угрожающий рык заставил вздрогнуть даже меня.

— Да, грант! — раздался стройный хор голосов.

— Любить меня. Моих детей. Мой Дом. И мою землю. И быть любимой ими.

— Ты забыл про кровных друзей, брат, — рядом появился Данкеро и, мягко улыбаясь, смотрел на меня.

Керо довольно хлопнул друга по мощному плечу и тихо, одному ему, сообщил:

— Грант Мейркан почил пару дней назад, мне сообщили ночью. Наследница — красивая, но слабая девица. Хотел тебе за обедом сказать, но эта тварь Бетина все планы нарушила. Так что, собирайся, я хочу иметь в соседях друга и брата, а не очередного проныру, который всадит нож в спину, не задумываясь.

— Ого, а жизнь?то налаживается, — усмехнулся Ройван, пожал плечо Керо, поклонился мне и направился к конюшням так стремительно, что полы его синего, украшенного вышивкой кафтана летели как крылья.

Сэбиан повернулся к своим уже было успокоившимся подданным и громко продолжил:

— Домашними делами клана Керо теперь занимается моя жена. Земледелие, Керодан... все. А у меня и так дел невпроворот. Вас же мало интересует, что вы завтра есть будете, если шахты опустеют, да? Вы же свою темноту светлой являли... Вместо того, чтобы пошевелить мозгами и понять, что она землянка. Ее эмоции, ее счастье и довольство теперь питают вашу землю! Улучшают ваши урожаи и сделают богатым стол долгими зимними вечерами. Ее магия поможет прокормить ваших детей, изменить целый край, озеленить горы...

Я незаметно подергала за рубаху Сэбиана, прерывая, а то разошелся больно. Этот хитрюга подмигнул мне, жестом отпустил ранатов, и мы прошли в дом.

— Ты им столько наобещал? — прошипела я. — Какое озеленение гор? С ума сошел?

Муж расхохотался, подхватил меня на руки и понес в сторону бань.

— Знаешь, я в себе уверен. Я сделаю тебя настолько счастливой, что в Керодане, как и в Хемвиле, виноградники зацветут, оплетая вершины плодоносной зеленью.

— Ну у тебя и самомнение — е-е... — восхищенно выдохнула я.

— Просто я люблю тебя, — с хрипотцой признался он.

— Тогда точно виноград вырастим, — широко улыбнулась. — Ведь я тебя люблю сильнее.

Хотя я точно знала, что таких «темных» словами не убедишь и даже не запугаешь. Борьба за себя и свое место под солнцем придется и дальше. Все же в душе успокоилась, ощутила твердую уверенность — я со всем справлюсь. Со мной теперь любовь Сэбиана Киро — мага смерти и моего мужа. А любовь сильного умного мужчины поможет мне справиться со страхом, неуверенностью и желанием спрятать голову в песок от проблем. Потому что не только я люблю, но и меня любят, значит, обязана бороться за нас обоих. Так гораздо легче жить. Ведь любовь — это сила, это самый сильный мотив для всего на свете, главный стимул жить.

Эпилог

И жили они долго и счастливо.

Плато, изрезанное террасами, на которых зеленые деревья и кустарники перемежались с огородами и бахчами, цветочными лужайками, постройками и всякой всячиной, простиралось до самых гор, кое — где поросших лесом. Воздух, напоенный густым ароматом цветов, деревьев, трав, звенел от жужжания, стрекотания и писка многочисленных насекомых, но при этом песни маленьких тружеников вызвали скорее умиротворение, чем раздражение.

— Представь, что у тебя внутри есть маленькая дверца, а теперь мысленно приоткрой ее, почувствуй землю вокруг... — учила я свою шестилетнюю дочь, бережно прижимая к себе, пытаюсь пробудить ее внутреннюю магию.

Светланка, сидевшая у меня на коленях, обернулась и посмотрела серыми отцовскими глазками. Во всем остальном девочка похожа на меня как две капельки воды. Теперь в темном царстве Керодан целых две блондинки: я и дочь, названная лично Сэбианом. Он хотел порадовать меня, помня об имени, которого я лишилась когда-то.

Из-под ладошки маленькой светлой, на наших глазах, медленно вылезал и распускался аленький цветочек.

— Мама, мама, смотри, у меня получилось, как в сказке о Красавице и Чудовище, что ты вчера рассказывала, — радостно завопило мое маленькое чудо.

— А как же иначе? — прижала дочь к себе покрепче.

— Значит меня земля тоже любит? — серые прозрачные глазенки загорелись восторгом.

— Конечно, малышка! Как когда-то сказал твой папка, мы рождены, чтобы любить и быть любимыми, — я с удовольствием вспомнила время, когда начиналась наша супружеская жизнь.

— Ого, неужели Керодану так повезло, и теперь две земляночки будут пестовать землю?! — специально для ребенка картинно восхитился появившийся из-за яблони старый Негой.

Я улыбнулась, радуясь давнему другу, со временем ставшему главным помощником и участником фермерских авантюр. Эх, чего мы только не творили на благо клана Кери. Засеяли поля пшеницей, и поначалу я даже ночевала там, приказав поставить палатку. Завезли из Хемвиля картофель и под ворчание земледельцев, не веривших в эту затею, начали выращивать. Да, первый урожай пошел на корм скоту: слишком мелкий. Но наша с Сэбианом любовь действительно творила чудеса. Постепенно все вокруг менялось, зеленело и расцветало. Земля буквально пела для нас, и мы, находясь на пике страсти, кричали для нее.

Сперва я целыми днями ходила по пашням, садам и огородам. Постепенно ранаты — земледельцы или фермеры, как я их называла про себя, ко мне привыкли, и сами упрашивали наведываться чаще. Довольно скоро меж драканами начался дележ моего времени, на наших собраниях крепкие чешуйчатые работяги чуть не дрались, скрупулезно подсчитывая, у кого я бываю больше.

Слух о «последствиях» нашего с мужем интима быстро разошелся по округе. Вскоре в Керодан заспешили с подарками и поголовно сооружали беседки, чтобы «значится, приятнее и комфортнее...».

Я настолько втянулась в фермерское хозяйство, что отношение проживавших в замке ранатов меня совершенно перестало задевать или волновать. А с земледельцами клана, для которых мой дар оказался столь ценным и важным, образовалась дружба на драканий лад. Им было плевать, темная я или светлая. Да хоть рыжая! Главное — даже мертвых поднимаю... траву, деревья и урожай.

И эта «дружба» вызывала зависть у приближенных и привилегированных ранатов, которые вскоре сами начали искать моего расположения.

— Да, Негой, теперь у Керодана две земляночки, — чмокнула обожаемую деточку в щечку.

— Негой, смотри, смотри, что у меня получилось, — гордо указала на цветок Светланка.

Старый дракан, улыбаясь, присел рядом с нами на корточки. Потом смотрел, как девочка сорвалась с места и побежала по траве, радостно кружась, прыгая и припевая.

Перевел взгляд на меня, показательно нахмурил и так глубокие морщинки и укорил:

— Совсем старика забыли, миледи.

— Уважаемый, вчера же на собрании виделись... — удивилась я.

— То на собрании, а в гости ко мне заглянуть... в сад. Да и в огороде у меня тыква что-то мелкая в этом году уродилась. А я ж вам беседочку-то обновил...

Я расхохоталась от такой нагловатой простоты:

— Если бы ты, старый скряга, не пожалел и положил там шкуру, мы бы почаще к тебе заглядывали. А так я недавно с трудом присела после твоей беседочки обновленной!

— А чего это? — округлил он свои хитрющие глаза.

— А того это! Весь зад в занозах!

— Стареешь, мать, — ухмыльнулся щербатый дракан. — Двадцать лет назад вы с грантом своего первенца прямо на грядке у меня зачали, и ничего не мешало. А тут, понимаешь, занозы...

— Прости, дорогой, но после третьего ребенка хочется чего-то более... возвышенного... мягкого и комфортного, знаешь ли, — тоже насмешливо парировала я.

— Мне страшно представить, что будет лет через пятьдесят, — проворчал Негой. — Вот состаритесь вы с грантом, помрете, а что будет с нашей землей? С Кероданом?

Я флегматично пожала плечами, будучи уверенной, что мой старший сын сможет позаботиться о своем наследстве.

— Что будет? Либо Света продолжит мое дело, либо Марика Сандерская. Сэбиан же не зря возил Мирослава в Хемвиль на смотрины будущей невесты. Марика — добрая как мать, но внешностью в отца пошла: красивая золотая драка. И сильная, с Тьмой сына справиться сможет. Вот подрастет девочка, и заберем ее. Не сомневаюсь — Ноэль рада будет пристроить дочь в хорошие руки.

— Уже сговорились о браке наследника? — радостно возопил Негой.

У меня тоже на душе потеплело, стоило подумать об этом. Пусть будущей невесте всего десять, а жениху девятнадцать, но они непременно станут чудесной парой и создадут крепкую счастливую семью. Во что я легко поверила, когда смотрела на восторженное личико Марики, увидевшей Мирослава. И у сына отмечала снисходительное мягкое выражение лица, когда он искоса поглядывал на «невесту». Он странно сговорчиво принял выбор отца, увидев девочку в этом году. А уж моя подруга Ноэль от счастья просто светилась. Им с Глениром бог послал сына и дочь, и она боялась за свою кровиночку. Но узнав за двадцать лет клан Кери поближе, решила, что Марике среди нас самое место. Безопасное и счастливое.

Светланка подбежала ко мне, на ходу объявляя:

— Мам, пошли скорее, там Мирка с Ти — Реем дерутся, и папа с ними.

Попрощавшись с Негоем, я поспешила за дочерью. Мы спустились по тропинке к замку, и я увидела вытопанную тренировочную площадку, сразу же чувствуя облегчение в душе. Мои сыновья Мирослав и Ти — Рей — Сэбиан назвал второго в честь своего отца — тренировались. Выпустив прозрачные крылья, пятнадцатилетний Тир, словно завис в прыжке, с глухим треском врезав хвостом по выставленному Мирославом деревянному щиту. Смена позиций — и теперь «нападал» Мир, так же взлетая и пуская в ход шипы и когти. Жутковато на это смотреть, но я никогда не вмешивалась в систему обучения мужем наших сыновей. В мире драканов быть слабым — смертельно опасно. А я хочу, чтобы мои дети жили долго и счастливо.

Светланка подбежала к отцу и, подпрыгнув, повисла на нем, просясь на ручки. Муж, нисколько не раздумывая, посадил дочь на сгиб своего локтя, при этом грозно рыкнув:

— Тир, я сколько раз говорил: выше блок, иначе тебе уже следующим выпадом справа глаз выбьют...

Я подошла к Сэбиану, скользнув ему под руку, прижалась к теплому родному боку и потянулась за поцелуем. А после того, как строгий тренер быстро чмокнул меня в губы, жмурясь от удовольствия и солнца, прикрыла глаза, наслаждаясь хорошим деньком в окружении семьи. Привычно «открылась», сплетая свои потоки с землей, ощущая довольный отголосок Керодана, делаясь с ними умиротворением, радостью и счастьем.

Боже, как же хорошо — жить! Дарить любовь! Использовать во благо дар, что дала сама судьба и природа! Пусть мне пришлось отчасти забыть, что я бывший историк, преподаватель, искусствовед. Мои руки теперь вечно в зеленых травяных разводах, подол зачастую в грязи, но зато я нужна. Земле, Дому, драконам, рядом с которыми живу, своим детям и самому невероятному и любимому мужчине — мужу!

Ради этого не жалко умереть и воскреснуть в чужом мире.

Конец

07.08.2015 год

mir-knigi.org